

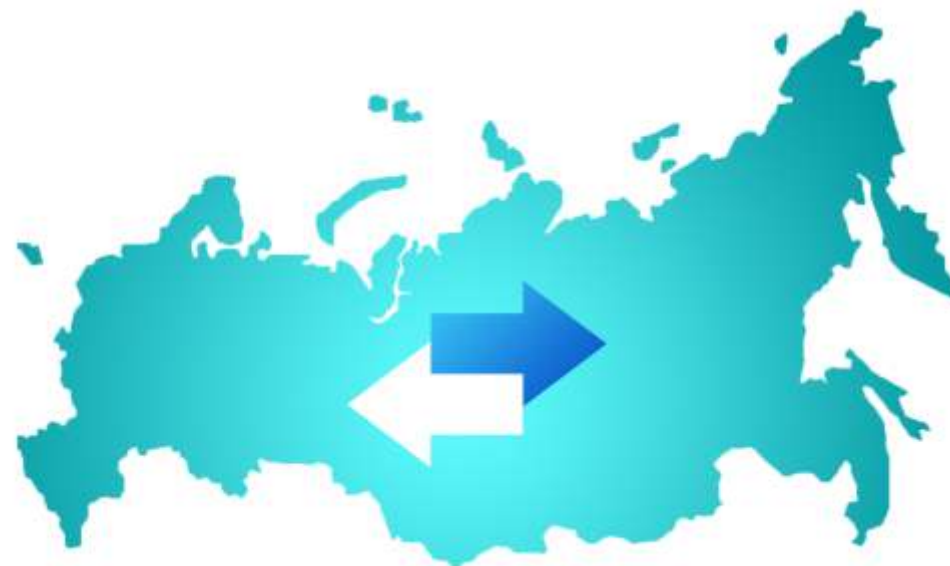

Бритвина Ирина Борисовна, доктор социологических наук, профессор кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга Уральского федерального университета (Екатеринбург). Как практикующий социолог изучает проблемы вынужденной и трудовой миграции с 2000 г. Руководила рядом социологических исследований на территории Зауралья, в 2008-2010 гг. входила в состав Общественно-консультативного совета при УФМС по Курганской области.

И. Б. Бритвина

МИГРАНТЫ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Курганский
государственный
университет

редакционно-издательский
центр
43-38-36

Министерство образования и науки Российской Федерации
Курганский государственный университет

И. Б. Бритвина

МИГРАНТЫ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Учебное пособие

Курган 2012

УДК 364-781:325.14
ББК С546.7 + С996
Б 87

Рецензенты:

доктор социологических наук **Н.А. Ткачёва**;
кандидат исторических наук **С.М. Подливалов**

Печатается по решению методического совета
Курганского государственного университета

Б 87 Бритвина И.Б. Мигранты как объект социальной работы: Учебное пособие. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2012. - 248 с.

В учебном пособии «Мигранты как объект социальной работы» даётся обширный теоретический и практический материал по характеристике и анализу миграционных процессов в современной России, исследуется проблема целесообразности работы с мигрантами, доказывається необходимость участия социальных служб в адаптации мигрантов.

Учебное пособие предназначено для студентов высших учебных заведений гуманитарного профиля, обучающихся по направлению «социальная работа», «социология», «демография», а также может представлять интерес для специалистов территориальных отделений Федеральной миграционной службы Российской Федерации и для работников социальных служб.

Все ссылки на электронные источники актуальны на 1 февраля 2012 года.

УДК 364-781:325.14
ББК С546.7 + С996

ISBN 978-5-4217-0149-1

© Курганский
государственный
университет, 2012
© Бритвина И.Б., 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава 1. Миграция как социальная проблема на рубеже веков	
<i>Теоретические проблемы определения сущности миграционных процессов..</i>	10
<i>Глобальные характеристики миграции.....</i>	19
<i>Сущность и особенности миграционных процессов в современной России..</i>	26
<i>Региональные черты миграции (на примере Курганской области) .....</i>	45
Глава 2. Характеристика различных групп мигрантов	
<i>Структурно-организационные характеристики миграции.....</i>	54
<i>Вынужденные мигранты из стран ближнего зарубежья .....</i>	59
<i>Гастарбайтеры и мигранты из стран дальнего зарубежья.....</i>	78
<i>Внутренние мигранты.....</i>	86
<i>Эмигранты.....</i>	90
Глава 3. Проблемы адаптации мигрантов на территории России	
<i>Трудности и этапы адаптации мигрантов .....</i>	95
<i>Материальные проблемы мигрантов .....</i>	109
<i>Социокультурные проблемы адаптации переселенцев.....</i>	115
<i>Проблема взаимоотношений коренных россиян и мигрантов.....</i>	126
<i>Здоровье мигрантов как фактор их адаптации.....</i>	136
<i>Гендерные особенности адаптации мигрантов .....</i>	138
<i>Роль Федеральной миграционной службы в адаптации переселенцев .....</i>	166
Глава 4. Социальная работа с мигрантами	
<i>Поле практической деятельности социального работника.....</i>	171
<i>Социальная работа с детьми мигрантов .....</i>	182
Рекомендации для социального работника по использованию социологических методов в работе с переселенцами.....	197
Приложения	205

ВВЕДЕНИЕ

Миграции населения являются одной из важнейших проблем народонаселения и рассматриваются в различных науках не как простое механическое перемещение людей по территории, а как сложный социальный процесс, затрагивающий многие стороны жизни стран, континентов и планеты в целом. Бесспорно, эти процессы нуждаются в пристальном внимании со стороны государств, отпускающих и принимающих мигрантов.

Конституция Российской Федерации (ст. 7, ч. 2) гласит, что в России обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты. В Федеральном Законе «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» от 15 ноября 1995 года разъясняется, что «социальное обслуживание представляет собой деятельность социальных служб по социальной поддержке, оказанию социально-бытовых, социально-медицинских, психолого-педагогических, социально-правовых услуг и материальной помощи, проведению социальной адаптации и реабилитации *граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации (курсив авт.)*».

В соответствии с Конституцией РФ иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами РФ, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором РФ. Иностранцы не могут быть приняты на государственную службу и находиться на государственной службе, не могут быть членами экипажей воздушных судов; капитанами, старшими помощниками капитана, старшими механиками и радиоспециалистами экипажей судов, плавающих под Государственным флагом РФ; частными детективами, адвокатами и нотариусами, членами политических партий. Иностранцы не могут участвовать в референдумах, а также избирать и быть избранными, за исключением выборов в органы местного самоуправления в случае постоянного проживания на территории соответствующего муниципального образования. Кроме того, законодательством установлен и особый порядок допуска иностранных граждан и лиц без гражданства к сведениям, составляющим государственную тайну (4). Однако всё вышперечисленное не исключает лиц без российского гражданства, находящихся на территории РФ, из сферы защиты со стороны государства. Оказание социальной помощи возможно для них не как

для мигрантов, а как, например, для пенсионеров, инвалидов, матерей-одиночек и т. п.

Мигранты (и уже получившие, и ещё не получившие гражданство РФ) в процессе переселения и в период адаптации на новом месте находятся, без сомнения, именно *в трудной жизненной ситуации*. А это значит, что мигранты могут выступать объектом социальной защиты и иметь право на социальную помощь со стороны государства и различных общественных объединений и фондов.

Следует обратить внимание на то, что мигранты вообще, а некоторые группы в их составе в особенности, обладают специфическими характеристиками по сравнению с другими группами, нуждающимися в социальной поддержке. Именно это обстоятельство обуславливает необходимость знакомства работников социальных служб с причинами перемещения мигрантов и особенностями их адаптации для оказания им квалифицированной социальной помощи.

Нужно уточнить, что с точки зрения правового подхода принятые в 1997 г. поправки к Закону РФ о гражданстве исключили мигрантов из сферы практической социальной работы, из списка клиентов социальных служб, хотя до этого момента в региональных отделениях по социальной защите населения существовали отделы по работе с мигрантами. Ликвидация этого направления работы в органах социальной защиты отрицательно сказалась на решении проблем мигрантов, особенно после передачи Федеральной миграционной службы (ФМС) в ведение Министерства внутренних дел Российской Федерации (МВД) и перерождения миграционных служб на борьбу с незаконной миграцией. Таким образом, сторонники правового подхода утверждают, что так как мигранты исключены из списка лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, то они не могут быть объектом социальной работы.

И всё же следует признать, что социальная защита мигрантов остаётся актуальнейшей задачей, а социальная помощь этой категории граждан должна оказываться не только международными организациями, но и государственными социальными органами Российской Федерации и общественными организациями. Кроме того, дети мигрантов в 1998 году включены в группу детей, находящихся в трудной жизненной ситуации (Федеральный закон РФ «О гарантиях прав ребёнка» от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ), и список таких лиц не является конечным, законодатель вполне может включить в него и взрослых мигрантов.

Более 190 млн мужчин, женщин и детей в мире живут вне страны своего происхождения на правах иностранцев. Нет такого континента, где не проживали бы мигранты. Кроме поиска работы люди покидают свои страны по при-

чине гражданских конфликтов и отсутствия безопасности или из-за преследований. Каждая страна является страной происхождения мигрантов, страной транзита мигрантов или страной, в которую устремляются мигранты. Представитель Международной организации труда при Организации объединённых наций Гарет Хауэлл указывает на то, что «ужесточение ограничений на иммиграцию ведёт к увеличению потока мигрантов, причём часто с трагическими последствиями для них». Мигранты – особенно уязвимая категория людей, чьё право на труд, как и другие права человека, постоянно нарушается. Они обычно подвергаются дискриминации и испытывают к себе враждебное отношение на почве ксенофобии. По мнению Международной организации по миграции Организации объединённых наций (МОМ), на мигрантов «всё чаще и чаще возлагают вину за все внутренние проблемы современного общества, в частности за безработицу, преступность, наркоманию и даже за терроризм». В своём докладе Комиссии по правам человека Организации объединённых наций Габриела Родригес Писарро говорит, что «люди, чьи цвет кожи, внешность, одежда, акцент или религия отличаются от большинства населения принимающей страны, нередко подвергаются физическому насилию и страдают от других нарушений своих прав, вне зависимости от их правового статуса». По её мнению, «быть мигрантом значит постоянно испытывать чувство отчуждённости» (5).

Актуальность изучения проблем миграции связана с несколькими моментами. Прежде всего, нужно упомянуть о глобальности миграционных процессов, что само по себе вызывает необходимость их изучения. Миграция за последнее столетие превратилась в значимый фактор социальных изменений.

XX век назван «эрой миграции». Миграция действительно стала одним из главных факторов социального преобразования и развития во всем мире. О значимости этого фактора свидетельствуют данные статистики: численность международных мигрантов, то есть людей, живущих вне страны своего происхождения, возросла с 75 млн в 1965 г. до 140 млн в конце XX века (2). В 2005 г. численность мигрантов в мире составила от 185 до 192 млн человек (1). Темпы роста миграции опережают темпы роста населения земного шара.

Изучение миграционных потоков для ряда стран имеет особую актуальность. Значение миграции как фактора глобальных социальных изменений находит отражение в факте концентрации международных мигрантов в определённых странах мира. Организация объединённых наций (ООН) констатирует, что 90% лиц этой категории проживают в 55 странах. Современный вектор миграционного потока направлен от менее развитых стран к более развитым. В результате фактор миграции сильнее воздействует именно на развитые страны. Столь высокая концентрация доли некоренного населения негативно сказыва-

ется на социальных отношениях, культуре, национальной идентичности и политике этих стран (6).

Актуальность изучения миграционных процессов связана и с их внутренними особенностями. Речь идёт, прежде всего, об увеличении доли насильственных, вынужденных миграций, причины, способы, последствия и адаптационные особенности которых существенно отличаются от привычных экономических и трудовых миграций, характерных для процессов индустриального развития. Беженцы и вынужденные переселенцы составляют значительную часть мирового миграционного потока. В конце XX в., по данным ООН, в мире насчитывалось более 20 млн беженцев, и пятая часть из них проживала в России. Таким образом, одним из видов миграционных перемещений являются *вынужденные миграции*, которые провоцируются комплексом неблагоприятных обстоятельств страны исхода и комплексом притягивающих обстоятельств страны въезда.

Миграционная ситуация на постсоветском пространстве в конце XX в. диктовала необходимость пристального внимания к ней и тщательного научного анализа. Проблема беженцев в России и СНГ была признана одной из острых мировых проблем. Миграционные потоки были столь масштабны, что до сих пор продолжают определять некоторые стороны социального развития стран СНГ, отвлекая на себя серьёзные материальные ресурсы.

Реалии XX–XXI веков привели к нарастанию потока трудовых мигрантов, которые, испытывая трудности поиска рабочих мест в странах проживания, потоком хлынули в развитые страны, заполняя как места низко квалифицированной рабочей силы, так и частично компенсируя недостаток специалистов высокой квалификации. Эти потоки существенно компенсировали демографический спад населения в развитых странах, а в ряде стран (например, в Германии и США) были спровоцированы политическими установками правящих кругов. Трудовые мигранты из стран ближнего и дальнего зарубежья потребовали в начале нового тысячелетия большего внимания и от Правительства России. По оценкам экспертов в России сейчас проживает около 10 млн трудовых мигрантов, и далеко не все они легализованы. Федеральная миграционная служба пока не может полностью решить проблему их учёта и легализации. А проблемы адаптации трудовых мигрантов не только слабо изучены, но и не осознаны ни учёными, ни политиками, не говоря уже о рядовых гражданах. В этом отношении для работников социальных служб открывается широкое поле деятельности. В России это направление социальной работы и в практическом, и в теоретическом смысле находится пока в начальном состоянии (1). Кроме того, соци-

альные службы сегодня не имеют правовых оснований работать с мигрантами как с клиентами.

Трансформация российского общества требует полного и серьёзного изучения всех факторов, её обуславливающих. Миграционные процессы с конца XX века в целом, и трудовая миграция в частности, без сомнения, могут быть поставлены в один ряд с другими подобными по масштабам обстоятельствами.

Актуальность изучения этих процессов связана не только с необходимостью анализа негативных последствий потоков миграции, но и с той положительной ролью, которую они могут играть в пополнении демографического потенциала государства и его трудовых ресурсов, решении проблемы высококвалифицированных и образованных кадров, притока населения в сельскую местность и т. д.

В среднем за 1990-е годы внешняя для России миграция смогла наполовину компенсировать естественную убыль населения (3). Трудовая миграция в XXI в. уже официально рассматривается как способ пополнения демографических ресурсов России. Кроме того, имея в виду политику по отношению к соотечественникам, упомянем, что возвращение представителей этноса на свою историческую родину во всех странах считается благоприятным обстоятельством, позитивно влияющим на жизнедеятельность нации.

Осознание плюсов и минусов миграционной политики России становится насущной необходимостью. Несмотря на обилие цифрового материала и большое количество научных публикаций и материалов СМИ по миграционным проблемам, многие реальные характеристики миграционных процессов продолжают оставаться малоизученными. Озабоченность адаптацией мигрантов выражают сегодня и правительства Франции, Англии, Германии, США.

Актуальность изучения миграции связана и с отсутствием в научной литературе разработанной системы детерминации поведения мигрантов. Малоизученной остаётся проблема негативного отношения россиян к иноэтничным мигрантам. События осени 2005 и весны 2006 годов во Франции, проблема мигрантофобии в Европе и России, тот факт, что далеко не все русскоязычные в 1990-е годы захотели переселиться в Россию из стран ближнего зарубежья, показывают недостаточность изучения мотивации миграционного поведения, понимания проблем адаптации переселенцев. Особенно малоизученными остаются личность самого мигранта и социальные характеристики мигрантских сообществ.

Таким образом, для работников государственных и муниципальных учреждений, и в первую очередь – для социальных работников, необходимость изу-

чения аспектов миграционных процессов, а также особенностей массовой трудовой миграции из стран ближнего и дальнего зарубежья является актуальной.

Список литературы

1. Акмалова А. А., Капицын В. М. Социальная работа с мигрантами и беженцами: Учебное пособие. – М.: ИНФРА, 2008. – С. 18, 25.
2. Zlotnic H. Trends of international migration since 1965, what existing data reveal // *International Migration*. – 1999. – № 37. – Pp. 21-61.
3. Воробьёва О. Д. О миграционной ситуации в РФ и перспективах государственной миграционной политики // *Россия в условиях трансформаций: Материалы историко-политологического семинара.* - Вып. 8. – М., 2001. – С. 56.
4. Казакова Л. А., Петров К. С. О правилах пребывания в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства // *Право и безопасность*. – 2002. – № 2-3 (3-4), август.
5. Материалы Всемирной конференции по борьбе против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.un.org/russian/conferen/racism
6. Юдина Т. Н. О социологическом анализе миграционных процессов // *Социологические исследования*. – 2002. – № 10. – С. 102-109.

Глава 1.

МИГРАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Теоретические проблемы определения сущности миграционных процессов

В переводе с латинского миграция (migration) означает перемещение, переселение. В отечественной науке существует около 40 определений миграции. Наиболее распространённым является определение Л. Л. Рыбаковского, который предлагает называть миграцией любое территориальное перемещение, совершающееся между различными населёнными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности (14).

Современная социологическая трактовка этого термина связана с пониманием миграции как социального процесса, имеющего причины, особенности протекания и специфические результаты, затрагивающего все сферы жизни общества.

Миграция как общественное явление имеет три параметра:

- 1) перемена индивидом координат своего пребывания (фактор мобильности);
- 2) намерение индивида улучшить своё материальное и (или) социальное положение (фактор потребностей);
- 3) стремление индивида обжиться на новом месте и считать его своей «второй родиной» (фактор стабильности) (2).

Миграционные процессы выполняют важнейшие социальные функции перераспределения населения по территории, «селекции» населения и организации пространственной подвижности населения. Иногда функции миграции делят на экономические и социальные.

Миграция различается государственными миграционными органами по причинам (вынужденная, добровольная и насильственная), типу (внешняя и внутренняя), виду (возвратная или безвозвратная) (15). Некоторые авторы выделяют внутригосударственную и межгосударственную миграцию, а также постоянную и временную, ближнюю и дальнюю, политическую и экономическую, легальную и нелегальную, удачную и неудачную, индивидуальную и массовую, однократную и многократную, подготовленную и неподготовленную, суверенную и вынужденную миграцию (2).

Кроме этого, принято выделять направления миграции (из села в город, из малого города – в крупный), а также способы миграции (организованная и стихийная, групповая и индивидуальная).

Общей характеристикой всех видов добровольных или вынужденных миграционных перемещений является поиск отдельными индивидами или социальными группами лучших условий жизни, позволяющих обеспечить себе и своей семье, а значит и своим потомкам, благоприятные условия для самовоспроизводства, для сохранения глубинных основ своего существования, что позволяет более результативно удовлетворять «базовые потребности».

Основные причины миграций обычно связаны с экономическими факторами, но они могут быть вызваны и политическими, национальными, религиозными, экологическими и другими обстоятельствами, что не исключает общей сущности всех видов миграции.

Несмотря на то, что миграции населения изучаются представителями нескольких наук, до сих пор существуют теоретические проблемы определения многих понятий, которыми оперируют учёные при описании миграционных процессов. И прежде всего это связано с различными методологическими подходами в их анализе.

В разных науках сосуществуют ряд миграционных теорий и научных подходов: неоклассические, макро- и микроуровневая теории, теории «новой экономической миграции» и «двойной трудовой рыночной», теория «мировой системы», «сетевая теория», теория «совокупной причинной обусловленности», теория «основного толчка» и др.

Наука XX в. продемонстрировала, что ряд процессов лишь частично были поняты традиционными экономистами. Некоторые процессы невозможно объяснить с помощью одних экономических причин. К таким процессам относится и миграция. Некоторые теории, развивающиеся сегодня на стыке экономики и социологии, более плодотворно стараются объяснить поведение мигрантов (концепция «нового синтеза», концепция «социальной вложенности», концепция «культурной вложенности/встроенности» миграции, концепция «депривации» и др.). Современная тенденция изучения этого явления такова, что при признании важности социальных аспектов миграции необходимо оценивать процесс миграции комплексно, с учётом как экономических, так и социальных механизмов.

Таким образом, общественные науки на Западе и в России предлагают различные методологические подходы для изучения миграции. Нужно отметить, что большинство отечественных авторов сущность и виды миграционных процессов связывают в основном с причинами, их вызывающими; анализ причин

осуществляется прежде всего на основе позитивистского подхода. Позитивистский подход к анализу миграционных процессов, широко применяемый в отечественной научной литературе, по мнению А. Г. Осипова, должен быть дополнен методологией, основанной на теории социального конструирования. А. Г. Осипов предлагает анализировать миграцию как социальный феномен, так как в социальном смысле физически «реальная» миграция не значима, если она не зафиксирована в общественном сознании, не включена в структуру принятых представлений, понятий и оценок (9).

Ряд учёных отстаивает применение социокультурного подхода при изучении миграций. Они вполне правомерно утверждают, что «каждый мигрант – носитель специфической культуры или субкультуры. Откуда бы ни приехал мигрант, его культура так или иначе отличается от той культуры, в которой он вынужден адаптироваться» (10).

Многие вышеназванные теории и ряд других пока не позволили изучить реальную совокупность факторов, определяющих специфику тех или иных миграций, детерминирующих миграционное поведение больших масс людей, до некоторых пор проживавших в стране исхода. Таким образом, несмотря на давность изучения, феномен миграции всё ещё нуждается в уточнении, ещё не выработаны единые теоретические подходы к его анализу, к пониманию его сущности. Важным является тот факт, что большинство отечественных исследователей сходятся в исходном концептуальном тезисе о позитивном смысле миграции в современном социуме. Позитивное понимание миграции в настоящее время становится преобладающим в российских миграционных исследованиях (11).

Наиболее плодотворный подход, позволяющий изучить проблемы адаптации мигрантов со стороны социальных служб, – это социологический подход. Особенностью социологического подхода к анализу миграции является внимание к социальным взаимодействиям всех субъектов этого процесса, к социальным механизмам миграционного перемещения и адаптации переселенцев. Использование количественных и качественных эмпирических методов сбора информации даёт возможность изучить миграционные процессы как «физически реальные», а также понять внутренние проблемы мотивации и адаптации на уровне индивида и всех субъектов миграционного перемещения.

С точки зрения социологического подхода важнейшим направлением является проблема изучения детерминации миграционных процессов, что позволяет лучше понять мотивы поведения различных групп и категорий переселенцев и выстроить более точную и плодотворную во всех направлениях работу с ними.

Детерминация миграционных процессов подчиняется общим принципам детерминации социальных явлений. В основе детерминации поведения потенциальных и реальных мигрантов лежит диалектика соотношения природной и социальной необходимости, которая преобразуется во внутреннюю необходимость личности в постоянном воспроизводстве привычных форм жизни путём выработки определённых стереотипов поведения и восприятия, что помогает лучше адаптироваться в окружающей обстановке и чувствовать внутренний комфорт.

Люди стремятся постоянно воспроизводить привычные для них внешние и внутренние условия своей жизнедеятельности. Эти условия воспроизводят физическое, психическое и социальное существование человека (7). Внезапное, резкое изменение условий жизнедеятельности в сторону ухудшения или так воспринимаемые людьми обстоятельства всегда вызывают у них отторжение, неприятие. Индивиды по-разному реагируют на эти изменения и выбирают различные способы возвращения в привычное, комфортное существование. Одни предпочитают активное или пассивное приспособление к непривычным условиям, а другие выбирают стратегию поиска новых мест, где можно обеспечить себе и своей семье приемлемые формы жизни.

Один и тот же набор неблагоприятных внешних условий даёт разное сочетание интенсивности проявления у разных социальных групп потенциальных переселенцев факторов, детерминирующих миграцию, так как группы обладают различными социальными характеристиками, по-разному реагируют на неблагоприятные обстоятельства и выбирают, таким образом, различные стратегии разрешения возникших проблем. Следовательно, социально-групповые особенности потенциальных и реальных мигрантов нельзя исключать из анализа схемы детерминации миграционного поведения.

В системе детерминации миграции прежде всего нужно выделить факторы, определяющие созревание решения о миграции и толкающие на выбор миграционной стратегии. В социологической литературе эти факторы чаще называют причинами миграции. Также нужно проанализировать факторы, определяющие особенности адаптации мигрантов и в стране предназначения, и в регионе, и в поселении, в которые они перемещаются.

Миграция населения является сложным и многогранным процессом. Исследователи крайне неоднозначно обосновывают теоретические и практические первопричины миграции и её влияние на социально-политические и экономические процессы в различных регионах мира, по-разному трактуется сущность этого понятия.

Практически все авторы сводят сущность миграции к совокупности перемещений по территории, которые по разным причинам осуществляют отдельные индивиды или общности (12). Разница в определениях миграции связана с различными причинами перемещений и их последствиями.

В первой группе работ миграция характеризуется как своеобразная *подвижность* населения, его перемещение внутри страны с последующим отраслевым, территориальным, профессиональным и социальным перераспределением и возникающие в этой связи изменения пространственного положения индивидов относительно территориально закреплённых структур населения. Такое определение можно встретить в большинстве официальных документов по миграционной политике (13). В Концепции государственной миграционной политики РФ миграция трактуется и в широком, и в узком смысле. В узком смысле она описывается как перемещение людей через границы административно-территориальных образований, завершающееся сменой постоянного места жительства. В широком смысле – это всякое (независимо от цели, регулярности и продолжительности) перемещение из одного населённого пункта в другой (5).

Во второй группе работ миграция характеризуется как один из наиболее динамичных способов массового реагирования населения на быстро меняющуюся социально-экономическую ситуацию, как *активность* населения. Например, Е. Е. Немерюк пишет, что «современная миграция в российском обществе есть пространственное перемещение части населения, вызванное крушением социалистического общества и соответствующими изменениями в политической, экономической, социальной сферах, экологическими бедствиями, а также изменениями в развитии производства и условиями существования индивидов, вынужденных адаптироваться к новым реалиям жизни» (8). С. К. Бондырева и Д. В. Колесов также отмечают, что «миграция – это пространственная активность (перемещение) индивида, направленная на овладение ресурсами новых территорий и связанная с переменой места жительства» (2).

Все эти позиции определяют миграцию как совокупность массовых перемещений людей, обусловленных социальными и политическими проблемами в отдельных странах и регионах. Однако анализ этого явления только как совокупности массовых перемещений не даёт выхода на изучение миграции как комплексного социального феномена. Между тем, глобальность миграционных процессов, их долговременное и глубокое влияние на все сферы жизни отпускающих и принимающих стран требует их изучения именно в таком контексте.

Ещё одна группа определений миграции связывает её сущность с действием сил «притяжения-отталкивания». В исследованиях процессов миграции эта концепция играет важную роль, так как наиболее адекватно отражает ситуацию

1990-х годах в странах СНГ (4). Сторонники такого подхода так же рассматривают миграцию как перемещение по территории, но иначе расставляют акценты значимости изучения различных сторон такого перемещения. На первое место в изучении миграционных процессов у них выходит анализ ситуации в стране исхода и в стране предназначения. Это очень важное направление анализа миграции, которое вплотную подводит к пониманию миграционного процесса как сложного социального явления, детерминированного целой совокупностью факторов. Однако и сторонники этой точки зрения несколько уходят от сути социальных особенностей миграции, а именно характера социальных взаимодействий всех участников миграционного процесса, всех его субъектов. От их анализа ускользает сама мигрирующая группа как важный субъект миграционного взаимодействия, представители которой обладают различными социальными характеристиками и по-разному реагируют на одни и те же раздражители со стороны отпускающей и принимающей группы, тем более что не все потенциальные мигранты решаются на переезд.

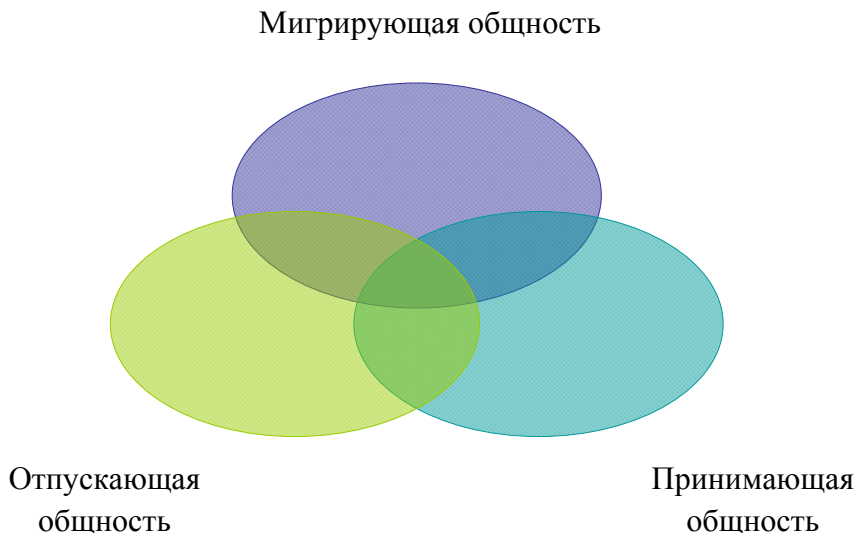
Таким образом, все приведённые выше определения связывают миграцию с её внешним проявлением – совокупностью перемещений по территории, которые вызваны различными причинами (от экономических до социально-политических, включая и национальные конфликты, природные катаклизмы, экологические бедствия, крупные техногенные катастрофы, а также военные действия).

При изучении миграций нужно прибегать к более широкой постановке вопроса, чем только разговор о её причинах. Нужно изучать систему факторов, детерминирующих миграционные перемещения и их результат, не сводя весь анализ только к причинам и самому факту перемещения по территории. Очевидно, что сущность такого сложного социального явления как миграция не может быть сведена и раскрыта только через совокупность перемещений по территории.

С социологической точки зрения будет правильнее сущность этого явления рассматривать через призму социальных взаимодействий и, как их результат, через изменения в образе жизни мигрирующего субъекта, ибо он вынужден в той или иной степени отказываться от прежних взаимодействий, сложившихся в стране исхода, и создавать новые отношения с теми, кто его принимает в стране предназначения (6). При этом не важно, покидает субъект миграции какую-либо страну или переезжает в другой регион этой же страны. Важно, что он меняет одну социальную общность на другую, вступает в новые социальные взаимодействия, меняет привычный, сложившийся на старом месте проживания образ жизни.

С этой точки зрения можно выделить качественные признаки миграции. Миграция представляет собой особую форму взаимодействия между субъектом миграции и той общностью, которая осуществляет приём мигранта, а также социальной группой, которую этот субъект покидает. Тем самым миграция – это трёхстороннее взаимодействие, где важен каждый элемент (рис. 1).

Рис. 1. Субъекты миграционного взаимодействия

Нужно уточнить, что изменения в образе жизни происходят не только у субъекта миграции, особенно если иметь в виду большие потоки вынужденной миграции. В результате миграционных процессов меняется образ жизни как отпускающей, так и принимающей мигрантов общности. У той и другой стороны происходят как количественные, так и качественные изменения. В результате миграции изменяется демографический состав как отпускающей, так и принимающей группы, профессиональный состав, квалификационные характеристики работающего населения, меняется этнический состав, соотношение коренного и некоренного населения и др. В процессе перемещения меняются и сами мигранты. Они вынуждены меняться для того, чтобы успешно приспособиться к образу жизни принимающего сообщества.

Таким образом, миграцию нужно трактовать не только как процесс перемещения по территории, но и как процесс и результат социального взаимодействия всех субъектов перемещения, содержание которого связано не столько с фактом переезда, сколько с социальными изменениями всех сторон, участвующих в этом процессе: отпускающая группа, принимающая группа и мигрирующая группа.

В социологической литературе, посвящённой проблемам миграции, широкое распространение получили такие понятия как «отпускающая группа» и

«принимающая группа», а также – в связи с нарастанием масштабов международной миграции – термины «страна исхода» и «страна предназначения». Эти понятия связаны не только с фактом физического перемещения по территории, но и с социальными проблемами смены социокультурного окружения, проблемами адаптации и аккультурации в новом сообществе. Страна исхода – это отправная точка перемещения, а страна предназначения – это конечная или промежуточная точка перемещения. Отпускающая группа – это общность, к которой принадлежал мигрант на прежнем месте жительства. Принимающая группа – это новая общность, в составе которой переселенец должен адаптироваться.

В этом отношении авторы учебного пособия «Социальная работа с мигрантами и беженцами», описывая возможные методы социальной работы с такой группой лиц, обращают внимание на категорию «идентичности», на процесс «социальной идентификации» мигрантов в рамках принимающего сообщества. По их мнению, для социальной работы с мигрантами тема сохранения, восстановления, изменения социальной идентичности приезжих является ключевой (1).

По мнению специалистов, феномен миграции чаще всего рассматривают в каком-либо контексте – экономическом или социальном, демографическом или этническом, историческом или культурном. Это связано с тем, что миграционные процессы, с одной стороны, сильно детерминированы изменениями, происходящими в жизни одного или сразу нескольких обществ. С другой стороны, различаясь между собой в количественном и качественном отношении, миграционные потоки достаточно специфичны и не могут не влиять на ситуацию как в отпускаящих, так и в принимающих странах (3). В силу этого правительства государств, системы миграционного контроля и социальные службы не могут не обращать внимания на эти процессы. Отсутствие социального регулирования их протекания и последствий массовых перемещений может неблагоприятным образом сказываться на различных сторонах жизни социальных сообществ – инициировать мигрантофобии и межнациональные конфликты, ухудшать демографическую обстановку и др.

Социальное регулирование миграционных процессов должно строиться на выверенных научных данных, а работники социальных служб, общественных организаций, благотворительных фондов должны быть вооружены научной теорией и предоставлять социальную помощь мигрантам не методом «проб и ошибок», а используя научно выверенную методологию, основанную в том числе и на социологическом подходе к анализу миграционных процессов.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какие три параметра лежат в основе процесса миграции?
2. Какие социальные функции выполняет миграция?
3. Какие виды миграционных перемещений вам известны?
4. Охарактеризуйте основные методологические подходы, описывающие сущность процесса миграции.
5. Почему социологический подход позволяет наиболее плодотворно изучить проблемы адаптации мигрантов? В чём суть этого подхода?
6. Охарактеризуйте следующие понятия: страна исхода, страна назначения, вытесняющая группа, принимающая группа, мигрирующая группа.
7. Ознакомьтесь с мнением авторов учебного пособия «Социальная работа с мигрантами и беженцами» (М., 2008) и обоснуйте правомерность применения категории «идентичность» к анализу проблемы адаптации мигрантов в рамках принимающего сообщества. Какие в этом отношении возникают задачи перед работниками социальных служб? Почему мигранты нуждаются в их внимании?

Список литературы

1. Акмалова А.А., Капицын В.М. Социальная работа с мигрантами и беженцами: Учеб. пособие. – М., 2008. – С. 21-22.
2. Бондырева С.К., Колесов Д.В. Миграция (сущность и явление). – М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж, 2004. – С. 39-43.
3. Витковская Г.С., Панарин С.А. Миграция и безопасность: выбор аналитической парадигмы // Миграция и безопасность в России. – М., 2000. – С. 6.
4. Дощичин Ю.П., Лапин Н.Н. Вынужденные переселенцы в крупном промышленном городе Сибири // Социологические исследования. – 1995. – № 9. – С. 96-99.
5. Концепция государственной миграционной политики РФ (проект). – М., 1999. – С. 24.
6. Кутепова Л.В. Особенности миграционных процессов в Ханты-Мансийском автономном округе: социологический аспект: Дис.... канд. социол. наук. – Екатеринбург, 2000. – С. 15-17.
7. Меренков А.В. Система детерминации человеческой деятельности. – Екатеринбург, 2003. – С. 26-29.
8. Немерюк Е.Е. Миграция как вид социальной мобильности в современном российском обществе (теоретико-методологический аспект): Автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Саратов, 2000. – С. 8.
9. Осипов А.Г. Идеология иммиграционной политики как элемент конструирования этнической конфликтности (на примере Краснодарского и Ставропольского краёв) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М.: ИЭА РАН, 2002. – № 155.
10. Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы / Под ред. Г.У. Солдатовой. – М.: Смысл, 2001. – С. 14.
11. См., напр.: Зайончковская Ж.А. Миграции населения России: Новейшие тенденции // Проблемы расселения: история и современность. – М., 1997.
12. См., напр.: Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, последствия, перспективы / Под ред. Г. Витковской. – М., 1996. – С. 11.
13. См., напр.: Федеральная миграционная программа. – М., 1994. – С. 59.
14. Юдина Т.Н. Социология миграции: Учеб. пособие для вузов. – М.: Академический Проект, 2006. – С. 35.
15. Федеральная миграционная программа, утверждённая постановлением Правительства РФ от 10.11.1997 № 414. – М., 1994. – С. 59.

Глобальные характеристики миграции

Миграционные перемещения населения являются важным фактором человеческой истории. Неблагоприятные внешние обстоятельства, такие как природно-климатические явления, агрессия со стороны иноплеменников, голод, болезни, заставляли большие массы людей мигрировать иногда на значительные расстояния. Так, греческие колонисты, переправившись более 3 тыс. лет назад через Босфор, основали города-государства на Средиземноморье; насильственные миграции африканских негров способствовали изменению этнического состава Северной Америки и т. д.

В динамике мировых миграционных процессов историки выделяют несколько периодов (1):

- миграции в первобытном обществе;
- миграции в эпоху Древнего мира;
- миграции в Средневековье;
- миграции Нового и Новейшего времени;
- миграции в период и после Первой мировой войны;
- миграции в годы Второй мировой войны;
- миграции после Второй мировой войны до 1990-х годов;
- миграции в Новейшее время (последнее десятилетие XX – начало XXI в.).

Концепция «миграционного перехода», сформулированная демографами, обосновывает взаимосвязь фаз миграции с соответствующими фазами демографического перехода. Эта концепция характеризует внутреннюю сущностную связь миграций с демографическими процессами, когда они начинают в значительной степени влиять на интенсивность перемещений. На начальной фазе, совпадающей с демографическим взрывом, развивается массовое движение из деревни в город, осуществляется колонизация сельским населением новых земель в пределах своей страны, растёт эмиграция, распространяются сезонные миграции, маятниковые перемещения и др. Но затем потоки в город ослабевают, происходит повышение интенсивности возвратных перемещений по мере усложнения пространственной структуры общества. Выделяется фаза абсолютных и относительных показателей движения из села в город, характеризующаяся высоким уровнем межгородской миграции и различных видов возвратных перемещений, прекращением перемещения населения в недавно освоенные регионы и даже некоторым обратным движением из последних, а также сильными межгосударственными потоками трудовых ресурсов, в основном квалифицированных.

В современных социальных науках и политике миграции населения тесным образом связывают с демографическими процессами, анализируя их и как причину, и как следствие демографических изменений.

Наиболее значительными волнами миграции за последние 500 лет являются:

- освоение европейцами Америки, Австралии и Новой Зеландии в послеколумбову эпоху;
- принудительный вывоз народов Африки на американский континент;
- освоение русскими Сибири и Дальнего Востока;
- освоение китайцами Северо-Восточного и Западного Китая;
- перемещение народов во время и после Второй мировой войны;
- миграция из бывших колоний в метрополии;
- многомиллионные миграции после Второй мировой войны в результате этнических конфликтов, доставшихся новым государствам в наследство от колониальной эпохи;
- миграция народов на пространстве СССР после его крушения (2).

Таким образом, внешние межконтинентальные миграции населения последовали после Великих географических открытий и привели к постепенному заселению новых земель. С развитием капитализма на протяжении XIX в. объём миграций населения возрастает по причине относительного перенаселения одних стран и нехватки рабочих рук в других странах. Для XIX века и вплоть до середины XX века характерен поток мигрантов из промышленно развитых стран Европы в менее индустриально развитые страны. С 1960-х годов мировые миграции изменили свой вектор: стали расти миграционные потоки из менее развитых стран в более развитые.

Т.Н. Юдина выделяет следующие современные тенденции мировых миграционных процессов.

1. Увеличение объёмов и расширение географии миграции.

В настоящее время в миграционный оборот втянуто 218 стран мира. С 1989 по 2004 годы общий прирост населения ежегодно составлял 1,7%, а миграционный прирост – более 2,7%. Потоки мигрантов из развивающихся стран в более развитые значительно увеличились, начиная с 1980-х годов. Кроме того, появились новые потоки – из менее развитых стран в страны Восточной Азии в так называемые новые индустриальные страны. По данным ООН, наибольшее количество мигрантов в 2000 г. проживало в США (35 млн), Германии (7 млн), Франции (6,3 млн), Индии (6,2 млн), Канаде (5,8 млн), Саудовской Аравии (5,2 млн), Австралии (4,7 млн), Великобритании (4 млн), Израиле (2,3 млн).

2. Появление новых типов мигрантов, увеличение разнообразия их социокультурных характеристик.

До 1990-х годов наиболее распространёнными типами миграции в мире были три основных: переезд на постоянное место жительства, то есть традиционная эмиграция; временная трудовая миграция и движение беженцев. Тенденции конца XX – начала XXI в. привели к большому разнообразию потоков и смешиванию их типов, к появлению новых типов. Это, прежде всего, миграция высококвалифицированных работников, учёных, элитных специалистов («утечка умов»), которая поощряется странами приёма (США, Канада, Австралия); выезд малоквалифицированных работников («утечка мускулов»); спортсменов («утечка мышц»); творческой интеллигенции («утечка талантов»); «утечка невест и женихов». Все эти виды миграции являются большой проблемой для стран исхода, и в том числе для России. Особым видом миграции является нелегальная миграция. По данным Международной организации труда, около трети потока мировой миграции сегодня не контролируется. В последние годы такие страны, как США, Канада, Австралия, Россия, уделяют большое внимание выработке мер, направленных на сокращение незаконной миграции.

3. Расширение вынужденной миграции.

Наблюдается резкое увеличение масштабов и темпов вынужденной миграции: с 2 млн человек в начале 1950-х годов до 50 млн в настоящее время. Можно фиксировать и расширение географических рамок вынужденных миграций. В этот процесс в 1990-е годы были втянуты все страны Содружества независимых государств (СНГ). Социально-политические конфликты инициировали увеличение насильственных переездов населения Центральной Америки, Южной Африки, Юго-Восточной Азии, бывшей Югославии и т. д.

4. Феминизация миграционных перемещений.

Хотя женщины всегда составляли достаточно большую часть мигрантов, их доля за последнее время увеличилась до 48%. Женщины мигрируют сегодня не только в составе семьи, но и самостоятельно. С этой тенденцией связан и трафик женщин с целью сексуальной эксплуатации. По данным Европейского Союза, только в Восточной и Центральной Европе жертвами подобных преступлений становятся от 120 тыс. женщин и детей ежегодно.

5. Использование государствами эмиграции для решения проблем занятости у себя в стране.

Правительства многих малоразвитых стран фактически участвуют в вербовке рабочей силы для соседних развитых государств, в регулировании деятельности неправительственных организаций подобного рода или занимают позицию невмешательства в процессы спонтанных передвижений своих граждан.

По данным ООН, в 2000 г. денежные переводы, отсылаемые мигрантами на историческую родину, составляли более 10% валового национального продукта таких стран, как Албания, Босния и Герцеговина, Кабо-Верде, Сальвадор, Ямайка, Иордания, Никарагуа, Самоа и Йемен. В этом списке можно упомянуть и некоторые латиноамериканские страны (прежде всего, Мексику), некоторые бывшие республики СССР (3).

К перечню Т. Н. Юдиной можно добавить ещё одну тенденцию – это *появление новых типов стран – государств «переселенческого типа»*.

Наиболее характерными из них являются США, численность населения которых в XIX в. за счёт миграции выросла в 14,5 раз. После Первой мировой войны до 1945 г. из Западной Европы в США переселилось около 40 млн человек. Привлечение квалифицированных иммигрантов стало официальным политическим курсом этой страны во второй половине XX столетия. В 2000 г. иностранная рабочая сила насчитывала 17,4 млн человек, что составило 12,4% всей рабочей силы США. Центрами притяжения рабочей силы являются и некоторые страны Западной Европы (Германия, Франция, Швейцария, Швеция), государства Ближнего и Среднего Востока (Саудовская Аравия, Бахрейн, Кувейт, Ливия, Ирак, Иран), Латинской Америки (Аргентина, Венесуэла, Бразилия), Юго-Восточной Азии (Сингапур, Япония), Африки (ЮАР) (2).

Важным направлением анализа мировых миграционных перемещений является изучение причин миграции. Многие годы в зарубежной социологии довольно распространёнными концепциями, объясняющими причины миграции, были экономические концепции. Теория человеческого капитала одним из основных мотивов миграции считала стремление к увеличению дохода (Becker).

Затем на смену этим теориям пришли неоклассические модели, также объясняющие решение мигрировать как результат калькуляций затрат и выгод, когда потенциальный мигрант подсчитывает ожидаемый доход в том месте, куда он собирается ехать, с тем доходом, который у него есть в стране проживания (Sjaastad; Todaro & Maruszko).

Некоторые объяснения в формировании мотивов миграции получены с использованием подхода, который был назван «новой экономикой миграции». Данный подход сконцентрирован на изучении процесса принятия решений по поводу того, как смягчить неудачи со страховкой и с кредитными рыночными механизмами в случае миграции (Stark & Bloom).

Теория «основного толчка» миграции в соединении с теорией «человеческого капитала» объясняла причины миграции стремлением переселенцев поменять одно место на другое, более желательное. Наиболее слабым местом всех

этих теорий является то, что мигранты представлены как индивидуумы, лишённые социальных сетей и связей (Portes).

Когда теория «человеческого капитала» показала свою несостоятельность в плане объяснения основных причин миграции, внимание социологов переключилось на теории «социальных сетей», и этот подход стал доминировать в социологических исследованиях (Massey, Meyer, Portes & Borocz, Vertovec).

Сторонники современных воззрений на миграцию придерживаются той точки зрения, что индивидуумы мигрируют в места, где они максимизируют весь их социальный капитал, причём термин «социальный капитал» имеет уже другое значение, с упором на социальные сети.

Вслед за теориями в зарубежной социологии был намечен поворот от чисто экономических объяснений миграции к социальным и была проведена целая серия исследований по изучению важности мигрантских сетей при принятии решения о миграции.

Некоторые исследователи считают, что теории связей помогают понять, насколько важны не экономические, а социальные факторы в миграции. По мнению западных коллег, при признании важности социальных аспектов миграции, необходимо оценивать процесс миграции комплексно, с учётом переплетения как экономических, так и социальных механизмов. С одной стороны, социальные сети выполняют функции проводника информации от мигрировавших к потенциальным мигрантам и социальной помощи; с другой стороны, нельзя сбрасывать со счетов и экономический эффект от наличия социальных связей. Несомненно, сети помогают влиять на ожидаемый доход и снижать нестабильность, связанную с миграцией. Кроме того, члены социальных сетей могут обеспечивать мигрантов прямой помощью (жильё, пища, транспорт, и т. п.), что в целом не только помогает адаптироваться на первых порах, но и значительно снижает стоимость миграции.

Исследования показывают, что связи не только увеличивают возможность миграции, но и позитивно влияют на экономический эффект через более высокую оплату труда и количество часов работы (Neuman, Massey, Donato, Durand).

Социальные сети изначально выполняют важную экономическую функцию, поскольку именно они влияют на решение мигрировать. В трудах Марка Грановеттера освещаются многие вопросы экономических и социальных сетей. Однако Грановеттер не развивал отдельно тему социальных сетей и миграции.

Одним из основных авторов, которые начали изучать аспекты миграции через призму социальных сетей, является Дуглас Массей, который наиболее последовательно рассматривал миграцию не отдельных индивидуумов, а именно индивидуумов, обладающих социальными сетями.

Д. Массей подвергает сомнению наиболее влиятельную и широко используемую до этого в литературе индивидуалистическую модель, основанную на стоимостных аспектах миграции, то есть на просчёте потерь/выгод миграции. Он считает не соответствующими действительности предположения о том, что, рассматривая возможности миграции, индивид основывается только на рациональном подсчёте того, в чём состоит ожидаемая прибыль и потери в процессе миграции (причём в качестве прибыли могут рассматриваться не только материальные аспекты, как, например, более высокая зарплата, но и вообще наличие занятости как таковой, а в качестве возможных потерь, например, высылка, отсутствие официального статуса и т. п.). Его точка зрения состоит в том, что люди – это не изолированные индивидуумы, они связаны друг с другом через социальные сети. Эти сети оказывают мощнейшее воздействие на решение мигрировать.

В рамках этой теории в западной социологии были описаны две стадии процесса миграции:

- создание наименее рискованной миграции путём циркуляции информации среди потенциальных мигрантов;
- поддержка последующей миграции путём пересылки денег оставшимся потенциальным мигрантам, создание миграционной стратегии домохозяйства как стратегии диверсификации экономического риска.

Таким образом, природа миграции существенно изменяется, поскольку высокий первоначальный риск снижается для последующих мигрантов с течением времени по мере того, как большее количество их родных и близких мигрирует. И это происходит благодаря тому, что образуются более плотные социальные сети мигрантов, которые обеспечивают потенциальных переселенцев всё более и более надёжной информацией относительно возможностей и опасностей, связанных с местом предназначения и процессом перемещения (Portes & Bach,; DaVanzo; Massey; Stark). Мигранты, находящиеся в определённой социальной сети, предлагают необходимую помощь в поиске работы или места жительства. Это облегчает решение о миграции, влияя на наибольшую вероятность миграции, и именно это Д. Массей называет «круговой и кумулятивной причинной обусловленностью миграции». Из-за этого процесса с течением времени меняется и профиль мигрантов, поскольку в миграционные потоки входят не только индивидуумы, склонные к риску, но и наиболее типичные семьи. Потенциальные мигранты ожидают, что члены семьи или друзья, которые уже мигрировали, окажут им помощь. Из-за этих ожиданий домашние хозяйства поощряют отдельных членов семейства мигрировать.

Эти выводы западных учёных можно использовать для изучения формирования мотивов миграционного поведения переселенцев из стран ближнего за-

рубежья и для понимания технологических сторон адаптации мигрантов в нашей стране («теория социальных сетей») (4).

В глобализирующемся мире миграционные процессы будут только нарастать. По прогнозам Международной организации по миграции, к 2030 г. показатель миграционной активности населения в мире составит около 300 млн человек. В силу этого мигранты, испытывая социокультурные и экономические проблемы адаптации на территории страны въезда, будут требовать всё большего внимания со стороны социальных служб принимающего государства. Миграционные органы, в первую очередь занятые формальными вопросами приёма и контроля, не смогут взять на себя всю совокупность необходимых социальных функций. Самое непосредственное отношение эти выводы имеют и к России.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какие периоды выделяют историки в динамике мировых миграционных процессов?
2. В чём суть концепции «миграционного перехода»?
3. Перечислите наиболее значительные волны миграции за последние 500 лет.
4. Охарактеризуйте современные тенденции мировых миграционных процессов.
5. Как зарубежные социологи трактуют причины миграционных перемещений?
6. Что такое, по мнению Дугласа Массея, круговая и кумулятивная причинная обусловленность миграции?

Список литературы

1. Рязанцев С. В. Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: современные тенденции. – Ставрополь, 2001. – 542 с.
2. Бутов В. И. Демография. – М., Ростов-на-Дону, 2005. – С. 160, 178, 187-189.
3. Юдина Т. Н. Социология миграции: Учеб. пособие для вузов. – М.: Академический Проект, 2006. – С. 5-23.
4. Бритвина И. Б., Киблицкая М. В. Жизнь мигрантки в моногороде: Монография. – М.: Книгодел, 2004. – С. 149-151.

Сущность и особенности миграционных процессов в современной России

Исторический путь России связан с активными миграционными процессами. Демографы отмечают, что более характерными для нашей страны были внутренние миграции. По сравнению с другими странами Россия в прошлом не была страной, сколько-нибудь заметной внешними миграциями (4). За 300 лет существования династии Романовых на юг европейской части России переселилось 11 млн человек. Поток переселенцев особенно возрос во второй половине XIX в. К началу XX в., по данным А. А. Кауфмана, ежегодно на юг и восток страны переселялось по 200 тыс. человек (0,14% населения страны) (8).

Учёные-демографы выделяют четыре этапа в историко-географическом развитии миграций в России на протяжении более 300 лет.

1 этап (до 60-х годов XIX века) характеризовался незначительными масштабами миграции, так как крепостной строй сдерживал свободное перемещение крестьян. Колонизация Европейского Севера, горнозаводское заселение Урала, Южного Предуралья и Нижнего Поволжья, сельскохозяйственное освоение уральских и сибирских земель, а также освоение южных регионов (Северный Кавказ, Кубань, Астраханский край) – основные переселенческие потоки этого периода.

2 этап (вторая половина XIX и начало XX века) был связан с последствиями отмены в 1861 г. крепостного права в России, что создало благоприятные условия для миграционной подвижности крестьянства. Отмечается рост миграции на новые земли Сибири, Урала, Дальнего Востока и на юг России. В 1900-1914 годах в Сибирь и на Дальний Восток переселилось 4,5 млн человек.

3 этап («советский») характеризуется высокой внутренней межрегиональной миграционной подвижностью населения. Следствием индустриализации страны стало перемещение больших людских потоков на Урал, в Сибирь, на Дальний Восток, на север европейской части СССР. Значительные потоки переселенцев в виде оказания помощи направлялись и на «национальные окраины», что закладывало будущие особенности миграционных процессов в постсоветский период. Таким образом, с качественной точки зрения потоки мигрантов шли в направлении «из села в город» и «из центра на окраины страны». Только за период с 1939 по 1958 годы из европейской части страны переселились в восточные районы, включая Урал, около 10 млн человек. А за 60-летний период (с 1927 по 1988 годы) более 80 млн сельских жителей переселились в города. Особенно большим был отток сельского населения в города центра европейской части России, Поволжья, Урала. Значительные перемещения населе-

ния происходили в период Второй мировой войны: на Урал и в Сибирь было эвакуировано около 25 млн жителей европейской части страны (5). Этот период специфичен появлением насильственных миграций в России, полной или частичной депортацией народов.

4 этап (постсоветский) отмечен значительной активизацией миграционных процессов. Внутренняя миграция России в 1990-е годы характеризовалась перемещением населения из районов Севера, Сибири и Дальнего Востока в европейскую часть страны. Активизировался отток населения в города из сельской местности. Появляются межрегиональные потоки вынужденных мигрантов в субъектах РФ, которые были связаны с военными и национальными конфликтами, а также во многом явились следствием депортации народов в советский период.

Конец 1980-х – начало 1990-х годов отмечены в России нарастанием потоков внешних миграционных перемещений. Выделяются два направления этих потоков: за рубеж страны (в основном в Израиль, Германию и США) и в Россию из стран ближнего зарубежья, то есть из новых, постсоветских стран. Незначительным был приток иностранцев из стран дальнего зарубежья, в основном из Афганистана, Китая, Ирана, Судана и др. В целом за период с 1991 по 2001 год в Россию въехало по официальным данным 7,1 млн человек, а выехало примерно 2,5 млн человек. Сегодня в России есть иммигранты из всех республик бывшего СССР и более чем из 60 стран мира. В страны дальнего зарубежья из России за эти годы выехало примерно 1,1 млн человек (16).

Важнейшей особенностью как российской эмиграции этого периода, так и иммиграции из новых постсоветских стран был этнический характер перемещений. Среди эмигрантов, по данным Госкомстата России, преобладали представители трёх национальностей – немцы, русские и евреи. А среди иммигрантов преобладали этнические русские (5). Этничность миграционных потоков – это важнейшая особенность, детерминирующая их специфику.

Эмиграционные и иммиграционные потоки этого периода характеризуются и рядом других общих черт, и прежде всего особенностями социально-демографического состава мигрантов. Учёные отмечают «семейный» характер этих перемещений – когда в миграцию вовлекается вся семья, а не только трудоспособные её члены. Разрыв в численности мигрирующих мужчин и женщин постепенно сокращается. Возрастная структура мигрантов также отличается от структуры прежних миграций. Исследования и статистические данные показывают, что наибольший удельный вес в этих миграционных потоках имело население трудоспособного возраста, хотя отмечалась и повышенная доля детей до 16 лет, лиц старше трудоспособного возраста, а также иждивенцев (инвалиды,

домохозяйки). Среди мигрирующих замечено увеличение доли лиц, имеющих высокий уровень образования и квалификации. Особо нужно отметить то, что эти перемещения имели черты «вынужденной экономической» миграции.

Таким образом, распад СССР активизировал новые для России массовые перемещения людей стрессового характера, затмившие и по масштабам, и по остроте порождаемых ими проблем прежние «нормальные» миграции, мотивированные преимущественно экономическими (смена работы, поиск лучшей жизни), либо личными причинами (учёба, брак). Вынужденные миграции на территорию России в конце XX в. чаще связывают с обострением национализма в новых странах, хотя это требует уточнения. Именно мотивы вынужденных миграций определяют их специфические черты, их отличия от других видов миграционных перемещений, а это напрямую связано с наличием вытесняющей общности.

После распада СССР положение русскоязычного населения бывших республик резко изменилось. Возникла ситуация, когда многие миллионы граждан неожиданно для себя оказались на территории иностранных государств нежелательным и вытесняемым «некоренным» населением. Многим из них пришлось вернуться в Россию. Демографические потери населения страны существенно были компенсированы именно миграционным процессом. Но Россия не была готова к принятию такого количества переселенцев. Обвальная миграция населения потребовала принятия срочных мер для решения проблем беженцев и вынужденных переселенцев. 14 декабря 1991 г. распоряжением Президента Российской Федерации № 123 был образован Комитет по делам миграции при Министерстве труда и занятости населения РФ, преобразованный в 1992 г. в Федеральную миграционную службу России (ФМС). Постепенно развилась вертикальная сеть территориальных отделений этой службы, которые существуют сейчас во всех субъектах Российской Федерации. В связи с нарастанием потоков незаконных мигрантов проблемы миграции в 2002 г. отнесены к ведомству Министерства внутренних дел России. Параллельно происходило формирование законодательной базы для миграционной политики.

На миграционные настроения некоренного населения новых постсоветских стран влияли не только условия, сложившиеся в стране исхода, но и обстоятельства российской действительности. И хотя ряд учёных упоминает в своих работах, что особенностью вынужденных миграций конца XX века является изменение соотношения «выталкивающих» и «привлекающих» факторов в пользу усиления выталкивающих, всё же нужно признать, что миграционная политика самой России имела несколько не меньшее значение, чем национализм в странах исхода. Вместе с ужесточением закона о получении гражданства

России в начале XXI в. практически иссяк и приток русскоязычных переселенцев из стран СНГ.

В динамике изменения подходов российских законодателей к трактовке вынужденной миграции нужно выделить три важнейших этапа.

Первый этап продолжался с 1992 г. (создание ФМС) до 2002 г. (все въезжающие на территорию России приравнены к иностранцам). Он характеризуется рядом противоречий в законах о миграции и о российском гражданстве, что не позволяло многим мигрантам, фактически являвшимся вынужденными переселенцами, получить официальный статус или решиться на переезд. В этот период законы о российском гражданстве всё больше усложняли процедуру его получения. По оценке Н. П. Космарской, основанной на изучении литературы и интервью с юристами, правозащитниками и другими экспертами, практически занимающимися отстаиванием интересов вынужденных переселенцев в судах и оказанием им правовой помощи в конфликтных ситуациях, около 90% подобных ситуаций связано с легализацией пребывания репатриантов в стране (получение гражданства Российской Федерации и регистрации по месту жительства) и легализацией их в качестве вынужденных переселенцев (получение соответствующего статуса от территориального органа ФМС). Некоторые мигранты вынуждены были возвратиться обратно именно по причине невозможности оформления российского гражданства. Эти обстоятельства прежде всего влияли на возможность получения государственной помощи при переезде, которая была не столь велика, но всё же существенна для многих мигрантов. Таким образом, противоречия в законах о миграции до 2002 г. отсекали значительную часть вынужденных переселенцев от возможности оформления официального статуса, многие мигранты не верили в действенность государственной помощи или не были информированы о ней.

Второй этап начался с 2002 г. и продолжался до 2006 г. Этот период характеризовался дальнейшим ужесточением миграционных законов по двум направлениям: борьба с незаконными мигрантами и перенесение сроков получения российского гражданства на пять лет для всех въезжающих в Россию независимо от национальности (все переселенцы из стран СНГ были приравнены к иностранцам). Такая ситуация привела к тому, что возможность оформления российского гражданства отодвинулась для мигрантов на пять лет, давая взамен лишь шанс получить вид на жительство. Статус вынужденного переселенца присваивался только гражданам России в течение года с момента пересечения границы, а если переселенец в течение года не получал гражданство, то терял и право на получение статуса. На рубеже веков приток русскоязычных мигрантов фактически был прерван.

Указ Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 года № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» также существенно не изменил этой ситуации, так как реальный поток переселенцев был уже значительно усечён. И хотя нашим соотечественникам сегодня не надо ждать пять лет для получения российского гражданства, на деле эта процедура до сих пор затруднена множеством формальных механизмов, зачастую создающих непреодолимые препятствия при переезде. Справедливости ради следует отметить, что ФМС продолжает работать над упрощением порядка регистрации переселенцев. В частности вводятся упрощённые правила получения разрешения на работу сроком на один год для гастарбайтеров с ежегодным квотированием необходимой для страны рабочей силы.

Все эти обстоятельства в совокупности с улучшением социально-экономической обстановки в некоторых странах ближнего зарубежья (максимально в Казахстане, откуда и возвращалось на территорию России большинство русских) привели к значительному уменьшению притока русских и русскоязычных на территорию нашей страны в новом столетии.

Особенностью третьего этапа является осознание на законодательном уровне необходимости организации специальных мероприятий для привлечения именно русских и русскоязычных в Россию.

В целях создания дополнительных условий для обеспечения добровольного переселения в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 637 утверждены Государственная программа и план мероприятий по её реализации, образована Межведомственная комиссия по реализации Государственной программы, субъектам Российской Федерации поручено представить в Правительство Российской Федерации на согласование проекты региональных программ.

Координатором Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, определена Федеральная миграционная служба, наделённая полномочиями по координации деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также по нормативно-правовому регулированию в установленной сфере.

Но большинство исследователей и экспертов сходятся во мнении, что время для массового возвращения соотечественников уже упущено. Привлечение мигрантов рассматривается сегодня как один из способов разрешения демографической проблемы.

Кроме вышеуказанного существенной проблемой являются и трудности привыкания переселенцев на новой территории. Проблемы адаптации мигрантов характерны для всех стран. Принимающее сообщество, несмотря на степень цивилизованности страны, как правило, настороженно относится к репатриантам, а с ростом их количества учёные фиксируют усиление мигрантофобий и этнофобий. Это связано с тем, что потребности принимающего сообщества и потребности группы переселенцев находятся в противоречии. В структуру потребностей коренного населения не входит потребность в приёме мигрантов и в интеграции с ними. Даже напротив, благодаря особенностям миграционной политики и деятельности СМИ коренное население усматривает в мигрантах угрозу для своего благополучного существования. Им во многом руководят чувства страха и недоверия к чужим, которые имеют глубинную подсознательную сущность и корни в многовековой истории. Эти чувства могут быть выражены не явно, иметь особенности проявления в разных странах, у разных групп населения, по-разному проявляться к разным гендерным группам мигрантов и т. д., но это является общим для всех принимающих сообществ.

Само понятие «принимающая» общность практически не разработано в литературе, что и лежит в основе методологических трудностей изучения взаимоотношений приезжих и коренных. В процессе неизбежных контактов мигрантов и коренного населения возникает такое социальное взаимодействие, которое характеризуется разной степенью совпадения потребностей и интересов, характерных для субъектов этого взаимодействия. Некоторые учёные отмечают, что в основе такого несовпадения находится страх принимающей группы перед опасностью разрушения собственного этноса (его социокультурных особенностей) и страх потери ресурсов, которыми владеют коренные народы (9). Мы поддерживаем такую трактовку и обращаем внимание на общность факторов, детерминирующих поведение всех трёх субъектов миграционного взаимодействия: вытесняющей и принимающей групп и самого мигрирующего сообщества. Подчеркнём, что разница находится только в способах достижения этих целей у субъектов миграционного взаимодействия.

Остановимся на многоуровневости принимающего сообщества и, прежде всего, проанализируем два разных уровня принимающего поведения, выделив два субъекта с разной системой детерминации: население России (народ) и российская власть в лице государства. Нам бы хотелось упомянуть об особой системе детерминации со стороны российской власти по отношению к переселенцам. Дело в том, что правила приёма мигрантов на законодательном уровне утверждает именно государство, оно решает, кого признать вынужденным переселенцем, а кого лишить этого статуса, то есть реальной материальной помощи в обустройстве и

адаптации. Получается, что именно здесь сталкиваются субъекты миграционного взаимодействия, имеющие разные мотивы поведения: принимающее государство и сами мигранты. Миграционная политика российского государства в конце XX в. демонстрирует создание системы отчуждения для этнических русских, возвращающихся на свою родину. Государство, формально декларируя приём вынужденных мигрантов, реально ставило себя в позицию «непринимającego» субъекта или «формально принимающего». В результате сложного переплетения факторов создаётся особая система, детерминирующая поведение принимающего сообщества, в которой продекларированные правила приёма на уровне законов преломляются через реальную политику «формального» приёма, что в свою очередь обусловливается конкретными действиями региональных властей и отношением коренных россиян в отдельных регионах и поселениях. Реальностью является существование множества факторов, детерминирующих поведение принимающего сообщества, которые не подчиняются государственному регулированию и даже не до конца осознаются членами этого сообщества.

Социологи считают, что недоверие к переселенцам из других стран производно от страхов утраты «ресурсов» и «утраты собственной идентичности» (9). Можно согласиться с таким мнением и проанализировать в этой связи влияние политических и экономических факторов на миграцию. Именно они во многом детерминируют как особенности миграционных перемещений, так и мигрантофобии принимающего сообщества.

С социально-политической точки зрения исследователя может интересовать политическая обстановка в целом на постсоветском пространстве и в отдельных странах СНГ, которые по преимуществу стали странами исхода мигрантов. В особом анализе нуждаются: российская миграционная политика (так как именно Россия была страной предназначения для переселенцев); обстановка в отдельных регионах России, которые стали субъектами приёма мигрантов (поскольку отношение к переселенцам на официальном уровне значительно отличалось и отличается по регионам); политика муниципальных органов власти (определяющая конкретный фон взаимоотношений коренных россиян и мигрантов).

Также нужно обратить внимание на особенности политических отношений государств СНГ с международными организациями, отстаивающими права мигрантов. В силу демократических изменений, имевших место на постсоветском пространстве, такого рода политические отношения стали в конце XX века важным фактором, детерминирующим внутреннюю миграционную политику новых государств.

Экономические факторы можно проанализировать, используя эту же схему, так как глобальный уровень их проявления и уровень экономической жиз-

недеятельности отдельных регионов или населённых пунктов связаны между собой и, в некотором смысле, детерминируют друг друга, но всё же имеют и специфику проявления, создавая систему большей или меньшей экономической привлекательности для вынужденных мигрантов.

Мы не ставим своей задачей подробно проанализировать все обозначенные выше факторы детерминации миграционных перемещений. Для этого нужно отдельное исследование на стыке таких наук как политология, экономика, социология и этнология. Отечественной науке ещё только предстоит проделать подобный анализ. Затронем лишь некоторые обстоятельства детерминации миграционных процессов на постсоветском пространстве.

Социально-политические изменения, которые имели место на всём постсоветском пространстве, во многом определяли и специфику миграционных перемещений.

Во-первых, беспрецедентное значение в миграциях приобрел этнический фактор, что само по себе было кризисным симптомом. Большинство постсоветских стран пошли по пути строительства государств-наций, и политические элиты активно использовали этнический фактор в борьбе за власть. Национализм, территориальные претензии, сепаратизм способствовали этническим конфликтам и массовым потокам вынужденных мигрантов. Эти процессы отодвинули в сторону классические координаторы миграций (урбанизацию, рынок труда и образования). Их заменило стремление к этнической безопасности, и вынужденная репатриация стала доминантным миграционным потоком.

Во-вторых, по причине социально-политических изменений буквально все страны СНГ затронул спад иммиграции. По сравнению с 1989 г. иммиграция среди стран СНГ в наименьшей степени сократилась лишь в России. На другом полюсе находится Армения, куда въезд пресёкся с 1993 г. – начала блокады страны. В Беларуси сокращение иммиграции было 4-кратным, в Казахстане – более чем 5-кратным, в Украине, Грузии, Кыргызстане, Таджикистане – 10-кратным. Иммиграция в остальные страны упала до 4-6% от бывшего уровня, то есть практически прекратилась. Таким образом, многие страны СНГ стали крайне непривлекательными для иммигрантов не только с экономической, но и с политической точки зрения (5).

В-третьих, в большинстве стран СНГ в 1990-е годы происходил активный отток русскоязычного населения, в основном на территорию России.

В-четвёртых, в силу глобальности миграционных потоков новые постсоветские страны вынуждены были политически активно сотрудничать в этом направлении, заключая двухсторонние и многосторонние соглашения. Так, Российской Федерацией заключены межправительственные соглашения по во-

просам регламентации процесса переселения и защите прав переселенцев с Таджикистаном, Туркменистаном, Латвией, Эстонией, Грузией. Основной целью этих соглашений являлось обеспечение прав граждан бывшего СССР на свободный (добровольный) выбор места проживания. Особый акцент был сделан на возможность свободного распоряжения своим имуществом на территории государства выезда, а также освобождение имущества, денежных средств и вкладов от пошлин, налогов и связанных с этим сборов при пересечении границы. Здесь следует отметить наличие противоречий между принятыми законодательными актами, регулируемыми межгосударственные отношения на постсоветском пространстве, реальной практикой вытеснения некоренного населения в странах исхода и реальной политикой российского государства в отношении вынужденных мигрантов.

И, в-пятых, миграционные потоки существенно изменили не только этнический состав населения постсоветских стран, но и повлияли на его демографические, образовательно-квалификационные и социально-культурные характеристики.

Социально-политические факторы обусловили изменение социальных характеристик населения в странах исхода после массового отъезда некоренных этносов в 90-е годы XX века. Масштабы миграции нетитульного населения также влияли на особенности вынужденной миграции и на формирование миграционных установок потенциальных репатриантов.

Например, многие учёные, изучавшие изменение обстановки в Казахстане в 1990-е годы, свидетельствуют, что отстранение русских от управления собственностью, созданной их трудом в течение столетий, и их вытеснение породили глубокие противоречия этнического, классового, религиозного и культурного характера, привели к этнической поляризации расселения, к демографическим последствиям долговременного характера (10). Многочисленные свидетельства, результаты аналитических отчётов и переписи населения показывают значительные изменения образа жизни населения Казахстана в результате суверенизации страны и массового отъезда некоренного населения. Все эти изменения имеют ярко выраженную этническую специфику.

Подобные глубинные изменения ещё до конца не поняты в постсоветских странах, между тем как их последствия будут определять развитие стран не одно десятилетие, а возможно, и существенно изменят их облик. Подобные процессы происходили во всех странах ближнего зарубежья, где процент некоренного населения был значительным. А. А. Прокопьев считает, что вынужденная миграция с территории Таджикистана привела к значительному изменению уровня и образа жизни местного населения (14). А. Искандарян пишет, что в Закавказском регионе отток русскоязычного и в целом некоренного населения

сопровождался сменой культурной и языковой политик в нерусских республиках, которая была отчасти следствием, а отчасти – причиной миграции (7).

В этом отношении важным является и то, как миграционные процессы повлияли на социальную обстановку в России. Не надо забывать и то, что особенности принимающего сообщества и, прежде всего, российская миграционная политика тоже во многом определяли специфику миграционных потоков.

Если отдельно останавливаться на миграционной политике в России, то нужно отметить, что, как уже было сказано выше, до 1990-х годов в силу переживаемого исторического этапа внешняя миграция для России не имела существенного значения. Более важна была миграция внутренняя: из центральных – в восточные и северные районы страны с целью освоения природных богатств, и из села в город. Основные направления миграционной политики России были сформулированы в Республиканской долговременной программе «Миграция», утверждённой Правительством РФ 18 мая 1992 г. В последующие десятилетия российские законы о миграции неоднократно дополнялись, дорабатывались, и этот процесс ещё продолжается. Однако ещё раз отметим, что непродуманная миграционная политика значительно повлияла на усечение притока русскоязычных мигрантов в Россию.

Мировой опыт доказал, что те страны, которые объявляют политику «открытых дверей», быстрее развиваются экономически. Закрытая страна обречена на отставание. Но в отношении России такая политика должна включать несколько необходимых условий, выполнение которых со стороны репатриантов превращало бы их в желательных граждан. Иммигранты должны на деле доказать, что они готовы приобщаться к российской культуре и образованию, владеть русским языком, соблюдать российские законы и добросовестно трудиться на благо России. Кроме того, иммигранты должны стремиться к развитию идентичности с коренными россиянами, а не создавать «этнические кварталы» или обособленные мигрантские поселения. И активно «абсорбировать» этих «новых русских» надо уже сейчас, пока сильна наша культура, пока в России русские составляют почти 80% населения. Демографический потенциал у россиян для создания такого «плавильного котла» последнее десятилетие значительно снизился, и этот процесс, к сожалению, будет продолжаться. Поэтому, по мнению некоторых исследователей, привлечение новых жителей на территорию страны надо ускорить, пока ещё русских большинство и они способны на ассимиляцию. Эксперты высказывают мнение, что количество русскоязычных в странах СНГ, которых реально можно ждать в России, составляет не более 4 млн человек, а страна в силу экономической и демографической необходимости нуждается в гораздо большем количестве репатриантов, а значит, общероссийская политика должна «повернуться лицом» к ми-

грантам и сами россияне должны осознать необходимость пополнения потенциала страны за счёт переселенцев, относиться к ним терпимо и уж тем более не делать из мигрантов виновников всех бед и несчастий (13).

Но если на государственном уровне для изменения миграционной политики достаточно осознания этих проблем законодателями, то уровень региональной политики показывает большую специфику принимающих регионов. Эта региональная специфика обусловлена множеством факторов. Среди них самыми важными будут социально-экономические показатели развития края, уровень жизни населения, географическое положение региона (в центре страны или на границе), природно-климатические условия, социально-политическая обстановка, этнический состав населения и отношение коренных жителей к мигрантам, особенности работы территориального отделения ФМС, а также позиция руководителя региона в отношении приёма и обустройства переселенцев.

Многие отечественные авторы пишут о том, что миграционные потоки оказывают существенное влияние на этнический состав населения России, обостряют межнациональные процессы и формируют негативные стереотипы в отношении мигрантов. Нужно учесть, что эти процессы в 1990-е годы протекали на фоне резкого снижения уровня жизни большинства коренного населения. В некоторых российских регионах недовольство коренного населения иногда перерастало в открытые выступления и протесты.

И. Спицын отмечает, что в Оренбуржье дестабилизирующую роль играл именно приток мигрантов из стран СНГ. В приграничных с Казахстаном областях растёт число мигрантов из Средней Азии (казахов, таджиков, туркмен), что имеет неблагоприятные последствия для регионов, граничащих с Казахстаном (11). Нужно отметить, что эта проблема не так проста, здесь невозможно однозначно маркировать те или иные процессы как благоприятные или нет. Экономический уровень анализа может дать одни оценки, а этнический анализ – другие.

С. В. Рязанцев на основании опроса переселенцев и анализа публикаций СМИ связывал рост межэтнической напряжённости в Северо-Кавказском регионе России с особой политикой местного руководства в отношении мигрантов. Он выделил правовые факторы, политические и этнополитические обстоятельства, экономические и социальные, социокультурные и бытовые факторы, демографические и религиозные особенности этого региона (15).

Интересен и такой аспект анализа: роль местных средств массовой информации в миграционной политике. А. Г. Осипов, анализируя миграционную политику в Ставрополье, отмечает, что и в научной литературе, и в СМИ мигранты описывались в терминах культурных дефиниций как люди социально некомпетентные и ведущие себя неадекватно. Одновременно их рассматривали

как социальных конкурентов «основного населения», успех которых предопределён такими особенностями, как «монополизация отдельных сфер деятельности», «клановость», «стремление к доминированию» (12). То же можно увидеть и в данных С. В. Рязанцева на примере анализа местной прессы в Северо-Кавказском регионе (15).

Эти и другие данные подтверждают предположения о том, что региональные власти проводили политику вытеснения нежелательных для региона мигрантов. Несмотря на то, что выступления коренных жителей против мигрантов не носят систематического и всеохватного характера, следует обратить внимание на этнический фактор: на отношение к переселенцам большое влияние оказывает национальность приезжих, а не регион их исхода.

Таким образом, гармонизация межнациональных отношений должна стать главным направлением в политике регионального руководства.

И всё же неблагоприятный миграционно-политический климат в регионе, видимо, мало брался в расчёт переселенцами, для которых более важными являлись другие обстоятельства. Так, В. В. Амелин, описывая миграционные процессы в Оренбургской области, называет следующие привлекательные для мигрантов местные факторы: возможность переехать в Россию без больших затрат, один из самых низких показателей в стране по безработице, отсутствие серьёзной конкуренции на рынке труда. Регион является самодостаточным, в течение последних лет увеличивались темпы роста производства в промышленности. Не последнюю роль играют климатические условия, сходные с казахстанскими. Ещё одной причиной переезда именно в Оренбуржье является наличие у приезжих родственников в этом регионе. По результатам социологического опроса, это подтвердили 48% респондентов из числа мигрантов (1).

По мнению учёных, мигранты берут в расчёт прежде всего благоприятные экономические факторы того или иного региона. Наличие родственников в регионе – это тоже один из факторов экономической поддержки. Но именно благополучные регионы и крупные агломерации в силу административно-политических причин оставались недоступными для вынужденных мигрантов. Ограничивали их приём многие областные центры, регистрация в крупных городах была проблемой для переселенцев. Практически недоступными были для них Москва и Санкт-Петербург, где коэффициент нагрузки вынужденными переселенцами был один из самых низких в стране – 18,2 и 14,8 на 10 тыс., в то время как в других регионах он доходил до 300-700 человек на 10 тыс. населения. Более 200 вынужденных мигрантов (а в селе более 300) на 10 тыс. жителей имели Белгородская и Оренбургская области, почти столько же Ставропольский край. Количество переселенцев в значительной степени зависело от ми-

грационной политики местной власти, поэтому часто соседние области сильно различались по коэффициенту нагрузки (например, Калужская – 152 и Тульская – 83; Белгородская – 276 и Курская – 72 и т. д.) (3).

Надо признать, что для ограничений такого рода во многих регионах России существуют объективные причины, такие как перенаселённость, перенапряжение природно-экологических систем и систем жизнеобеспечения, безработица и др. И помочь тут может только эффективная политика перераспределения миграционных потоков на основе сбалансированной и не вступающей в прямые противоречия с законом системы стимулов и ограничений. Хотим обратить внимание на то, что и благоприятные, и неблагоприятные региональные факторы детерминируют адаптационные процессы вынужденной миграции.

В итоге получается, что Россия в целом заинтересована в пополнении своего демографического потенциала, регионы имеют многочисленные выгоды от квалифицированной и образованной рабочей силы, местное население тоже не особенно против переселенцев, и в первую очередь не против русскоязычных мигрантов. Но на другом полюсе находится миграционная политика, которая и на общероссийском, и на региональном уровне (хотя и не во всех регионах) была направлена против вынужденных переселенцев, на ужесточение порядка их легализации в стране. Социологи из Приволжья свидетельствуют, что в явном и неявном виде присутствовала идея о негативных последствиях притока иммигрантов – лишняя нагрузка на бюджет, конкуренция местной рабочей силе, рост межнациональной напряжённости и преступности. Даже сам факт передачи проблем миграции в ведение МВД, по их мнению, символизировал обвинительный уклон при рассмотрении внешних миграций (2).

Очевидно, что эта проблема не может быть разрешена только на законодательном уровне, так как перспективы улучшения положения мигрантов лишь частично связаны с изменением законодательных актов. В силу ограниченности финансовых ресурсов возможности государственной политики очень невелики, тем более что большая часть репатриантов обустроивается в России самостоятельно и не является объектом государственной поддержки. По мнению большинства экспертов, основные надежды переселенцев могут быть связаны лишь с общим улучшением социально-экономической и политической ситуации в стране, с прогрессом на пути становления в России гражданского общества. Россия должна стать привлекательным местом жизни для наших соотечественников из стран СНГ, а народ и государство должны осознать важность пополнения демографического потенциала страны за счёт русскоязычных мигрантов и репатриантов из других стран.

Противоречивость российской миграционной политики во многом является негативным фактором, отрицательно влияющим как на величину миграционных потоков из стран ближнего зарубежья, так и на успешность адаптации переселенцев. Источником такого положения дел является существование сложного противоречия, которое лежит в основе многих проблем мигрантов. В соответствии с функциональным подходом Р. Мертона, на государственном уровне миграция из стран СНГ рассматривается как полезная для системы функция, которая служит для её саморегуляции, для приспособления к изменившейся демографической ситуации, а также влияет и на обороноспособность страны, на разрешение проблемы трудовых кадров и т. д. Но парадокс состоит в том, что государство, декларируя позитивность миграции для страны, фактически занимает позицию «неприёма» мигрантов или формального приёма, граничащего с их отвержением, с отказом признать их желательными гражданами. На региональном уровне можно фиксировать такое же противоречие. Коренное население, осознавая двойственное отношение государства к переселенцам, испытывая фобии к «чужим» и подогреваемое сообщениями СМИ, также не может однозначно сформулировать своё отношение к мигрантам. Фактически миграция как на государственном, региональном, так и на бытовом уровне признаётся дисфункцией для системы российского социума, опасным и разрушительным явлением. Причём и государством, и рядовыми гражданами практически одинаково негативно воспринимаются как русские переселенцы из стран СНГ, так и коренное население бывших республик СССР, въезжающее к нам с целью заработка. Таким образом, противоречивость российской государственной политики значительно усложняет и адаптацию переселенцев.

Мигранты в попытке противостоять действию неблагоприятных факторов первые годы после переезда стараются жить обособленно, объединяя свои усилия и создавая мигрантские поселения. Автор полностью согласен с мнением, что компактные поселения мигрантов замедляют их интеграцию. Для успешности этого процесса нужно противостоять «капсулированию» (термин М. Саввы) репатриантов, как этнических, так и русскоязычных, которые рассматривают компактное поселение как некий буфер для адаптации.

В отношении роли государства представлена и другая точка зрения. А. Г. Осипов отмечает, что в России принят патерналистский подход в обустройстве мигрантов, то есть решение проблемы отводится исключительно государству (ограничить нелегальных и обустроить легитимных) (12).

Для современной экономической и общеполитической ситуации в России больше применим именно патерналистский подход со стороны государства по отношению к переселенцам. Но реальная политика российской власти осущест-

вляется сегодня в рамках ограничительного подхода – борьбы с «нелегитимными», «незаконными» мигрантами. И это противоречие является, на наш взгляд, источником многих проблем адаптации трудовых мигрантов. Государство должно принимать гораздо более активное участие в адаптации переселенцев, более того, ставить перспективные задачи их дальнейшего привлечения, а не только бороться с незаконной репатриацией.

Мы не считаем целесообразным подробно останавливаться на анализе экономических факторов, детерминирующих особенности миграционных процессов на постсоветском пространстве. Это связано с тем, что экономические факторы слишком тесно связаны и переплетаются с политическими обстоятельствами. Напомним лишь, что этот анализ нужно проводить, основываясь на многоуровневом подходе. Отметим, что неблагоприятные экономические и бытовые условия в странах СНГ сыграли решающую роль в формировании установок на переезд, и проводниками этих идей были прежде всего женщины, для которых этот фактор был наиболее чувствительным.

В литературе по миграции конца XX в. упор часто делается на национально-этнических факторах вытеснения русскоязычных. Бесспорно, эти обстоятельства играли важнейшую роль в детерминации причин выезда в Россию, особенно в тех странах, где были отмечены этнические столкновения. Но многие исследователи явно недооценивают важности экономической составляющей.

Если сравнивать детерминационную силу экономических и политических факторов, то надо признать, что основными и базовыми, лежащими в основе вытеснения русскоязычных из стран СНГ и в основе неблагоприятного приёма мигрантов в России, являются именно экономические обстоятельства, а политические решения – это лишь инструмент воплощения экономической необходимости.

Важность действия экономических факторов можно проиллюстрировать на примере новых балтийских стран. Опрос В. В. Волкова показал, что большинство русскоязычной молодёжи в Латвии склонно адаптироваться в новых постсоветских условиях, избегая переезда в Россию (6). Иной была ситуация в азиатских республиках бывшего СССР.

Эти выводы обращают внимание на кажущееся противоречие в результатах анализа причин миграции в азиатских странах и в странах Прибалтики. По поводу Азиатского региона можно отметить, что ухудшение социально-экономических и бытовых условий в совокупности со страхом от национального возрождения коренного народа в первую очередь детерминировало стремление к переезду в Россию у нетитульных этносов. Результаты, полученные В. В. Волковым, не противоречат нашим выводам. Статистика показывает, что в 1990-е годы из стран Прибалтики такого миграционного оттока русскоязычного населения, как из азиатских

республик бывшего СССР (конечно, пропорционально доле проживающих русскоязычных), не было (5). Чем это можно объяснить? Думается, что большую роль сыграло состояние социально-бытовой сферы. Более того, именно для женщин стал более чувствительным тот фактор, что прибалтийские страны тяготели к социокультурному пространству Западной Европы. И даже та этническая дискриминация по отношению к русскоязычным, которую мы наблюдали в 90-е годы XX в. и продолжаем наблюдать в начале XXI в. в Прибалтике, не приводит к формированию установок на отъезд в другие страны. Политика властных структур по вытеснению русскоязычных не напрямую детерминирует миграционные установки нетитульного населения. На потенциальных мигрантов значительное влияние оказывает социально-экономический уровень страны, степень её цивилизованности, социокультурной включённости в единое пространство.

Нужно уточнить и детерминирующую роль экономических факторов, действующих в стране предназначения, в России.

Во-первых, важным является вопрос об экономической привлекательности российского пространства для переселенцев. Однозначно ответить на него довольно трудно. Общеизвестно, что уровень жизни во многих республиках СССР был несколько выше, чем в самой России. Тем более что благоприятные климатические условия значительно повышали привлекательность этих мест. Не надо забывать, что экономический кризис был характерен и для России, особенно в первой половине 1990-х годов. Всё это наталкивает на мысль, что доминантами среди причин выезда были неблагоприятные этнические факторы, сложившиеся вследствие политических перемен, наступившего этапа суверенизации новых государств. Но этот вывод слишком лежит на поверхности.

И всё же по многим обстоятельствам Россия для вынужденных мигрантов была привлекательной не только с этнической и политической точки зрения, но и с экономической. В частности, следует принять во внимание тот факт, что многие мигранты переезжали в Россию не из столичных центров, а из сельской местности и небольших поселений, где экономический развал был более ужасающим, чем в России, из-за новых рыночных условий доступа к основным ресурсам.

Можно привести много свидетельств этого факта на основании материалов наших интервью с мигрантами.

«Причин много. Во-первых, бытовые. Главная причина, наверное, это дети. Мы жили на станции, и была школа. У меня две девочки, девчонки учились хорошо, без троек, и хотелось, чтобы они учились. Мы могли не учиться там месяцами, вот зимой у нас школа разморозилась и мы два месяца вообще в школу не ходили. И всё одно к одному, но это, наверное, самое главное. И потом, мы жили в благоустроенной квартире на пятом этаже, у нас не было ни отопления, ни воды, свет включали буквально на часы на какие-то» (37 лет, разведена, Казахстан).

Кроме этого, важным экономическим фактором привлекательности России было стремление репатриантов воссоединиться с близкими родственниками, живущими в России, и таким образом, объединив семейные ресурсы, преодолеть трудный жизненный этап. Есть много примеров того, что дети, живущие в России, старались перевезти к себе престарелых родителей или, наоборот, родители в России стремились помочь выехать из Казахстана или Молдавии своим семейным детям. Были факты подобной взаимопомощи и у не очень близких родственников, у друзей и бывших одноклассников. Такую семейно-родственную взаимопомощь тоже нужно учесть как важный экономический ресурс России. Особенно имели большое желание воссоединиться с престарелыми родителями женщины:

«А почему решили назад в Россию вернуться? – *К родителям.* – Вы родились здесь? – *Да, здесь, в Шадринске. Просто родители у меня в возрасте были, поэтому я вернулась*» (39 лет, замужем, Казахстан).

«Потому что здесь была мама, здесь брат, они не просто стали звать, а потому что экономические муки были, мы вообще сидели без газа, без света, было очень тяжело» (вдова, 41 год, Казахстан).

Думаем, что анализ в этом направлении может быть продолжен. Дополнительные исследования могут показать, что экономическая привлекательность России была не на последнем месте среди причин миграции.

И, во-вторых, нужно исследовать, в какой степени экономическая помощь российского государства определяла специфику миграционных перемещений. В этом отношении много пишут о несовершенстве российских миграционных законов, о некачественной работе ФМС, о том, что большинство переселенцев не получали официального статуса, а значит и финансовой помощи от государства. Всё это, конечно же, верно. Но есть здесь и другая сторона проблемы. А сколько малоимущих и многодетных семей не смогли бы переехать в нашу страну без помощи государства? Каков объём этой помощи был для семей среднего достатка? Какую роль в формировании установок на отъезд играли надежды на получение помощи такого рода? Иногда родственники не могли оказать значительную помощь, и она приходила со стороны государства.

«И, значит, Вы, когда сюда ехали, очень рассчитывали на помощь родственников? – *Да, рассчитывали, а оказалось, что помогло больше государство*» (вдова, 41 год, Казахстан).

Другая семья в Киргизии имела только две комнаты в бараке, а в России с помощью ФМС получила благоустроенную квартиру.

«Как Вам это удалось? – *Пришлось, конечно, много поездить. Вот эти все годы, до получения квартиры, конечно, пришлось ездить. То на одной комиссии, то на другой комиссии, то с этой [комиссии] мало денег выдали. Ну, конечно, проблемы были, пришлось подождать. Но сейчас слава богу*» (мать-одиночка, 48 лет, Киргизия).

Таким образом, социально-политические и экономические факторы детерминации миграционных процессов проявлялись как в странах исхода, так и в стране предназначения, в России.

Россия являлась желанным местом для переезда по многим показателям. Не утратила она своей привлекательности и на сегодняшний день. Миграционный прирост на территорию РФ в 2006 г. (116,5 тыс. человек) на 18,3% компенсировал численные потери населения страны. Это немаловажно. В связи с тем, что Россия заинтересована в притоке русскоязычных граждан на свою территорию, нужно продолжать работать над её привлекательностью. Эта задача напрямую связана с улучшением миграционной политики и социально-экономическим развитием.

Особые характеристики социально-экономической привлекательности России для трудовых мигрантов из стран дальнего и ближнего зарубежья стали очевидными в начале XXI века, когда поток русскоязычных вынужденных мигрантов многократно был перекрыт потоком нерусских переселенцев, ищущих работу в крупных мегаполисах. И даже мировой финансовый кризис, обостривший проблему безработицы в России, существенно не снизил количество желающих получить заработок на её территории.

Первый опыт адаптации переселенцы получают в конкретном регионе России. Работники социальных служб должны обладать знанием социально-экономической и политической обстановки в субъекте федерации, по возможности стараться использовать все выгодные региональные позиции и ресурсы как для помощи переселенцам, так и с целью предупреждения обострения социальной ситуации.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Назовите четыре этапа в историко-географическом развитии миграций в России.
2. Когда и в связи с чем в России была сформирована Федеральная миграционная служба?
3. Какие этапы можно выделить в динамике изменения подходов российских законодателей к трактовке вынужденной миграции?
4. Как изменились характеристики миграционного потока на территорию России в начале XXI века?
5. Какое значение имели политические и экономические изменения на постсоветском пространстве в формировании миграционных потоков 1990-х годов?
6. Как влияла российская миграционная политика конца XX – начала XXI в. на интенсивность миграционных потоков?
7. Чем была привлекательна Россия для русскоязычных мигрантов? Почему сегодня наша страна остаётся желанным местом поиска работы для коренного населения стран СНГ?

Список литературы

1. Амелин В. В. Социальная адаптация вынужденных переселенцев в Оренбуржье: состояние проблемы, пути решения // Миграционные процессы в Оренбуржье: проблемы экономического регулирования и социальной адаптации переселенцев / Под ред. В. В. Амелина. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2004. – С. 25-26.
2. Артоболевский С. С., Бадыштова И. М., Зайончковская Ж. А., Лухманов Д. Н., Мкртчян Н. В. Миграционная ситуация в Приволжском федеральном округе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://antropotok.archipelag.ru/keys/keys.htm>
3. Беженцы и вынужденные переселенцы // Восьмой ежегодный демографический доклад «Население России 2000» / Демоскоп Weekly: Электронная версия бюллетеня «Население и общество». Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r00/razdel5g5_7.html
4. Бреева Е.Б. Основы демографии. – М., 2004. – С. 148.
5. Бутов В.И. Демография. – М.; Ростов-на-Дону, 2005. – С. 191-195, 199-210, 216.
6. Волков В.В. Латвия: смена этнокультурной доминанты русской молодёжи // Социологические исследования. – 1998. – № 4. – С. 29-33.
7. Искандарян А. Миграционные процессы и государственное строительство на постсоветском Кавказе // Миграция в СНГ и Балтии: через различия проблем к общему информационному пространству: Мат. конф. (8-9 сентября 2000 г.) / Демоскоп Weekly: Электронная версия бюллетеня «Население и общество». Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/center/fmcenter/iskandar.html>
8. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. – СПб., 1905. – С. 4.
9. См., напр.: Левада Ю.А. От мнений к пониманию: социологические очерки 1993-2000. – М.: Моск. школа политич. исследований, 2000. – С. 167.
10. Спицын А.И. О проблемах приграничного сотрудничества в области регулирования миграционных процессов // Регионы в системе внешнеэкономических связей РФ. – Оренбург, 1998. – С. 240; Сергиенко В. Миграция в Казахстане: потери и приобретения // Континент. – 1999. – 10-23 ноября, № 9 (10); Алексеенко А. Первая перепись населения в суверенном Казахстане: некоторые итоги и оценки // Миграция в СНГ и Балтии: через различия проблем к общему информационному пространству: Мат. конф. (8-9 сентября 2000 г.) / Демоскоп Weekly: Электронная версия бюллетеня «Население и общество». Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2002/057/analit04.php>
11. Спицын А.И. Социально-экономическое регулирование миграционных процессов населения в регионе // Миграционные процессы в Оренбуржье: проблемы экономического регулирования и социальной адаптации переселенцев. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2004. – С. 4.
12. Осипов А. Г. Идеология «иммиграционной политики» как элемент конструирования этнической конфликтности (на примере Краснодарского и Ставропольского краёв) // Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии». Вып. 155. – М.: ИЭА РАН, 2002. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.igpi.ru/info/people/osipov/krasnodar_stavr.html
13. Передача ТВ «Очевидное – невероятное», 14.03.05, канал «ТВЦ-Урал».
14. Прокопьев А.А. Россия и политический кризис в Таджикистане (1991-1993) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: III Междунар. науч. конф., 29 мая – 4 июня 1995 г. – Челябинск, 1995. – Ч. 1. – С. 84-87.
15. Рязанцев С.В. Демографическая ситуация на Северном Кавказе // Социологические исследования. – 2002. – № 1. – С. 77-86.
16. Юдина Т.Н. Социология миграции: Учебное пособие для вузов. – М.: Академический проект, 2006. – С. 6.

Региональные черты миграции (на примере Курганской области)

Для более подробной характеристики миграционных процессов конца XX века обратимся к анализу этих проблем в отдельном регионе России, который в силу географического положения оказался одним из форпостов принятия вынужденных переселенцев, не обладая необходимыми ресурсами.

С распадом Советского Союза Курганская область превратилась в пограничную. Через территорию области хлынули потоки переселенцев не только из Казахстана, но и из других новых государств постсоветской Азии. Многие мигранты, не имея средств ехать в дальние регионы России, оставались жить на территории Курганской области, тем более что в регионе действовали три центра временного размещения переселенцев (ЦВР).

Курганская область образована в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 февраля 1943 г. с центром в городе Кургане. Область расположена в бассейне рек Тобола и Исети и граничит с развитыми областями Урала, Западной Сибири, Казахстана. В настоящее время Курганская область состоит из 26 муниципальных образований (в т. ч. двух городов областного подчинения – Кургана и Шадринска), насчитывает 9 городов, 6 посёлков городского типа, 419 сельских администраций и 1220 сельских населённых пунктов.

На территории Курганской области проживает 948,2 тыс. человек. В ходе переписи населения России в октябре 2002 г. по области было заполнено 1000010 анкет. В результате естественной убыли и миграционных процессов за последние 12 лет численность населения сократилась более чем на 60 тыс. человек. За 2006 г. число умерших превысило число родившихся в 1,56 раза, за 2008 г. – в 1,3 раза, за 2009 г. – в 1,24 раза. Плотность населения составляет 13,3 жителя на 1 кв. км, это в 1,7 раза выше, чем в среднем по России.

В области преобладают русские (92,4%), их доля превышает российский показатель на 13%; на втором месте татары – 1,9%; башкиры – 1,6%; казахи и украинцы – по 1,1%; белорусы – 0,5% и прочие национальности – 1,4%. Доля русского населения постоянно увеличивается.

Реформы 1990-х годов нанесли серьёзный ущерб экономике области. В 2002 г. объём промышленного производства в сопоставимых ценах упал на предприятиях до уровня 1970 г. Критическая ситуация сложилась и в агропромышленном комплексе. По сравнению с 1989 г. в хозяйствах области на 43% сократились посевные площади, в 3,2 раза уменьшилось поголовье крупного рогатого скота. Объёмы валового регионального продукта на душу населения составляли 42% от среднего по стране. По капиталовложениям Курганская область находилась на 75 месте в РФ. По среднедушевым доходам регион зани-

мал 67-е место в России, по обеспеченности жильём – 64 место. Официально зарегистрированная безработица в 1990-е годы в два раза превышала среднероссийский уровень. В 2006 г. уровень официальной (регистрируемой) безработицы на конец декабря составил 3% экономически активного населения. В начале 2007 г. безработными были официально признаны 14842 человека. Мировой экономический кризис ещё более обострил эту проблему. К апрелю 2009 г. численность безработных увеличилась почти до 20 тыс., что составило 4,2% экономически активного населения области.

Численность экономически активного населения в Курганской области составляет более 500 тыс. человек. В 1990-е годы спрос на рынке труда Курганской области существенно отличался от предложения. В структуре спроса преобладали два критерия: требовались представители рабочих профессий с низким уровнем заработной платы и ограниченный круг специалистов высокой квалификации. Активно предлагал рабочие места соседний Тюменский регион, провоцируя отток специалистов. Если раньше на одного безработного на рынке труда было две вакансии, то в период реформ – одна вакансия на трёх безработных. В 2007 г. по официальным данным на одну заявленную вакансию претендовало 4,8 человек, а в 2009 г. – пять. По образовательному уровню среди безработных наибольшую долю составляли лица, имеющие среднее общее образование (41%), затем лица, не имеющие полного среднего образования (27,4%), специалисты, имеющие среднее профессиональное образование (21,6%), специалисты с высшим образованием (5,9%). Гораздо труднее было найти работу женщинам. 70% безработных составляли именно женщины в возрасте от 30 до 50 лет.

В области действуют 17167 предприятий и организаций всех форм собственности. В том числе коммерческих – 10088 предприятий, некоммерческих – 5515, филиалов и обособленных структурных подразделений – 1564. Причём число коммерческих структур выросло почти в два раза. С 2000 по 2008 годы реальные доходы населения Курганской области выросли в 1,6 раза, реальная заработная плата – практически в два раза. Большие надежды руководство области связывает с реализацией общенациональных проектов и, прежде всего, в сфере сельского хозяйства.

Доходы 10% наиболее обеспеченного населения области в 12,5 раз превышают доходы 10% наименее обеспеченного населения (в 2001 г. – в 15,7 раз, в 2003 г. – в 13 раз). В среднем по России этот показатель составляет 14,9; в то время как в мире не превышает 7. Некоторая благополучность этого показателя в Курганской области по сравнению с общероссийскими тенденциями основана на относительно невысоких показателях доходов местного бизнес-слоя и на соотно-

шении численности бедных и богатых (с преобладанием во много раз доли малоимущих). Численность населения области с доходами ниже прожиточного минимума неуклонно росла в период реформ: если в 1990 г. таких было 7%, то в 1999 г. – 57%. В начале 2000-х годов этот неблагоприятный показатель удалось снизить: в 2003 г. доходы ниже прожиточного минимума имели 41,3% жителей, в 2005 г. – 31,4%, в 2006 г. – 26% (в среднем по стране – 16%). Однако область и сегодня занимает одно из низких мест в таблице индексации регионов по уровню жизни.

По индексу человеческого развития регионов России в 1998 г. Курганская область занимала 64-е место из 75-ти возможных (на 1 месте – Тюменская область).

Средняя заработная плата в области с учётом выплат социального характера лишь в полтора раза выше среднероссийского прожиточного минимума – это ниже, чем в других областях Уральского федерального округа.

Удельный вес пенсионеров в общей численности населения Курганской области – 28,4%, из них 93,4% – пенсионеры, получающие трудовые пенсии, в том числе 74,9% – по старости. Удельный вес группы пенсионеров по достижении пенсионного возраста (мужчины – 60 лет и старше, женщины – 55 лет и старше) составляет 21,9% от числа всех жителей области.

Женщины составляют 54,2% населения. В экономике области заняты 164,5 тыс. женщин – чуть больше половины всех трудящихся. В неблагоприятных условиях трудятся 41,7% женщин, 8,5% женских рабочих мест не соответствуют санитарным нормам.

В Зауралье преобладает городское население (540,9 тыс. по сравнению с сельским – 411,8 тыс. чел.). На начало 2000 г. сельское население составило 44,5% от всего населения области, сократившись по сравнению с 1995 г. на 3,4%. Городское же население за это же время сократилось только на 0,5%. Сегодня сельское население региона составляет 43,2% от всех жителей области.

Миграционный поток вынужденных переселенцев дал существенный прирост населения на начало 1995 г. В это время несколько увеличилось сельское население – переселенцы селились там, где можно было хоть как-то обустроиться. Миграционный поток в несколько раз перекрыл естественную убыль, затем пошёл на спад. В связи с развалом сельскохозяйственного производства начался отток сельского населения (в т. ч. и за счёт мигрантов, нашедших более пригодные для проживания места).

18 мая 1993 года постановлением Администрации Курганской области была создана Миграционная служба Курганской области. В 1994 г. была принята первая областная программа «Миграция», которая определяла главные направ-

ления регулирования миграционных потоков. В последующем были разработаны и приняты аналогичные программы на период 1996-1997 гг. и 1998-2000 гг.

В процессах эмиграции (дальнее зарубежье) конца XX в. сохранялась устойчивая тенденция: выезд превышал въезд. Традиционно отток населения шёл в Германию и Израиль, причём по национальному составу больше выехало русских, немцев на 8% меньше, а евреев – менее четверти от количества выехавших русских. Так, например, в страны дальнего зарубежья на постоянное жительство в 1996 году выехало 255 человек. По национальному составу больше выехало русских (103 человека), немцев (101 человек) и евреев (29 человек). В общем потоке миграции доля эмигрантов составила менее 1%. В начале 2000-х годов поток эмигрантов значительно сократился. В 2006 г. по сравнению с предыдущим годом он уменьшился в 1,7 раз и составил 66 человек. Большинство эмигрантов (84,8%) выбрали для постоянного места жительства Германию, Израиль и США. Среди них преобладают русские – 74,2% и немцы – 19,7%. Из стран дальнего зарубежья в Курганскую область преимущественно прибывают из Германии. В 2008 г. в страны дальнего зарубежья выехали 42 человека и 21 мигрант прибыл в регион из этих стран.

Приток беженцев и вынужденных переселенцев из стран СНГ в Курганскую область в разные годы был неравномерен. Так, с 1992 по 1995 годы число вынужденных мигрантов росло, с 1996 г. интенсивность миграции пошла на убыль. В 1997-1998 годах приток вынужденных переселенцев вновь усилился, почти достигнув уровня 1995 г. Однако, начиная с 1999 г., в силу ряда объективных причин опять началось снижение миграционной активности.

Всего с начала регистрации за 1990-е годы миграционной службой было поставлено на учёт 1986 беженцев и 17971 вынужденных переселенцев. По числу вынужденных мигрантов на 10 тысяч жителей Курганская область занимала одно из ведущих мест в Уральском регионе.

По данным Управления по делам миграции УВД Курганской области, на учёте на 1 января 2003 г. состояло 6409 вынужденных переселенцев (русские – 75,5%; украинцы – 8,2%; чеченцы – 6,8%; татары – 2,2%; немцы – 1,5%; белорусы – 1,3% и другие национальности – 4,5%).

Незначительное количество мигрантов прибыло в область из Белоруссии, Молдовы, государств Балтии.

По социально-демографическому составу вынужденные мигранты характеризовались следующим образом: женщины – 51,8%, мужчины – 48,2%; трудоспособные – 60,9%; дети до 16 лет – 30,0%; пенсионеры – 9,1%. Среди прибывших 67,1% – люди трудоспособного возраста, более половины из которых –

с высшим и средне-специальным образованием, выехавшие когда-то по распределению учебных заведений за пределы России.

Если за счёт межобластной миграции наблюдалась убыль населения всех уровней образования, то за счёт бывших союзных республик – его прирост: наряду с оттоком квалифицированных трудовых ресурсов в другие регионы России происходило восстановление интеллектуального и трудового потенциала за счёт стран СНГ.

Миграция из стран ближнего зарубежья, сдерживающая сокращение населения Курганской области, к началу нового века существенно снизилась: если в 1997 г. число прибывших из стран ближнего зарубежья превышало число выехавших на 8,7 тыс. чел., в 1998 году – на 5,7 тыс., в 1999 г. – на 2,9 тыс., в 2000 г. – на 2,1 тыс., то по итогам 2001 г. прирост составил только 229 чел.

Население Курганской области за 2002 г. убыло на 11 тыс. человек. В этом же году в область въехало на 3 тыс. человек меньше, чем выехало.

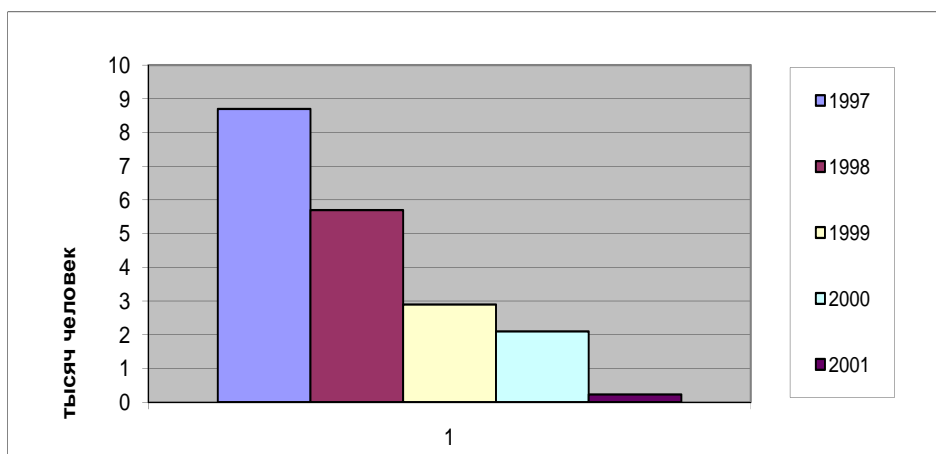
Таблица 1

**Количество вынужденных мигрантов,
зарегистрированных Миграционной службой Курганской области**

Период	Прибыло семей	Человек
1992	314	815
1993	427	1079
1994	1376	3282
1995	1749	4058
1996	854	1770
1997	1403	2983
1998 (на 1 сентября)	1547	3700
ИТОГО:	8595	19957

Источник: Подливалов М. В. Вынужденная миграция в Курганскую область (90-е годы XX века) // Культура Зауралья: прошлое и настоящее. Вып. 4. – Курган: Изд-во Курганского ун-та, 2001. – С. 131-141.

Объём миграции в 2002 г. составил почти 40 тыс. человек, миграционная убыль населения области – 4,4 тыс. человек. Но миграционная активность населения продолжает сокращаться. Объём миграции в 2006 г. составил 38,9 тыс. человек против 41,6 тыс. в 2005 г. Сокращение произошло за счёт уменьшения на 7,9% числа лиц, прибывших в Курганскую область. Таким образом, по всем миграционным потокам в начале 2000-х годов наблюдается отток населения (прежде всего, молодёжи) в другие регионы России.

Диаграмма 1. Превышение числа прибывших из стран ближнего зарубежья над числом выбывших с территории Курганской области (тыс. чел.)

Подсчёты сделаны автором на основании данных Управления по делам миграции Управления внутренних дел по Курганской области.

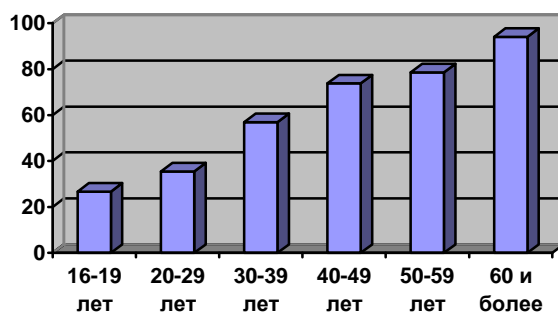
Традиционно сохраняется миграционная убыль населения области за счёт соседних экономически более развитых областей (Тюменская, Свердловская и Челябинская), в которых уровень жизни населения выше. Только за период с 1994 по 2001 годы за счёт обмена населением с этими регионами область потеряла более 19 тыс. человек. Так, из Курганской области выехало в Тюменскую область на 1813 человек больше, чем прибыло из неё в Курганскую область, в Челябинскую – на 1199 человек больше, в Свердловскую – на 1454 человек. За 2006 г. по сравнению с предыдущим годом межрегиональная миграционная убыль увеличилась на 4,7%. Самая большая общая миграционная убыль отмечена в городах Кургане и Шадринске. В 2006 г. за пределы области выехало 11,8 тыс. человек. В основном – это мигранты трудоспособного возраста и дети (90,7%).

Таблица 2

Миграционные потоки молодёжи г. Кургана (от 18 до 29 лет)

2007 г.	2008 г.	Первый квартал 2009 г.
Прибыло 1668	Прибыло 1835	Прибыло 795 человек
Убыло 1980	Убыло 1751	Убыло 894 человек

В феврале 2008 г. по репрезентативной выборке автором было опрошено 462 жителя Курганской области. Анализ результатов опроса показывает, что намерение в ближайшие два-три года покинуть пределы области высказали 9% респондентов (в основном – молодёжь).

Диаграмма 2. Возрастное соотношение респондентов, не имеющих намерения мигрировать с территории Курганской области

В результате Курганская область неминуемо сталкивается с естественной убылью трудовых ресурсов. Поэтому с позиций их пополнения миграция из стран ближнего зарубежья является важнейшим источником сохранения и увеличения демографического потенциала области.

Миграционный прирост со странами СНГ и Балтии в 2006 г. составил 361 человек. В 2007 г. миграционный прирост со странами ближнего зарубежья составил 1132 человека, а в 2008 – 1135. Но и этот масштаб, более скромный по сравнению с серединой 1990-х годов, имеет сегодня большое значение для Курганской области.

Таблица 3

Показатели оборота миграции Курганской области за период с 2000 по 2008 г.

Наименование показателя	Годы						
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2008
Прибыло всего (чел.)	23179	19454	18750	19390	18335	18100	15257
Выбыло всего (чел.)	25213	25039	23612	24555	23754	23525	19353
Миграционный прирост/убыль всего (чел.)	- 2034	- 5585	- 4862	- 5165	- 5419	- 5425	- 4078

Источник: Управление по делам миграции Управления внутренних дел по Курганской области.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 года № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» Правительство Курганской области утвердило целевую программу Курганской области по оказанию содействия добровольному переселению в Курганскую об-

ласть соотечественников, проживающих за рубежом, на 2009-2012 годы (постановление Правительства Курганской области от 24 августа 2009 года № 457).

Согласно распоряжению Правительства Российской Федерации от 8 мая 2009 года № 636-р к стратегически важным для России приграничным территориям, характеризующимся сокращением численности населения, отнесены Звериноголовский, Куртамышский, Макушинский, Петуховский, Половинский, Притобольный и Целинный районы Курганской области. Переселенцам на территориях данной категории (категория «А») государственные гарантии и социальная поддержка, предусмотренные для участника Государственной программы и членов его семьи, предоставляются в полном объёме.

В 2010 г. в Курганскую область переселились 730 семей (2190 человек), за первое полугодие 2011 г. – 690 семей (2070 человек).

В Курганской области последние несколько лет растёт рождаемость, снижается смертность. Кроме того, область продолжает получать небольшой приток населения из стран СНГ. Прибывают в Зауралье в первую очередь переселенцы из Средней Азии, Казахстана и Закавказья. В целом миграционная убыль населения Зауралья за последние годы сократилась. В условиях экономического кризиса в регионе уменьшилась межрегиональная миграция: убыль сократилась с 6146 человек в 2007 г. до 3743 человек в 2009 г., то есть в полтора раза. К тому же немного увеличился прирост за счёт международной миграции: с 1427 человек в 2007 г. до 1731 человека в 2009 г. Причём в регион прибывают не только малоквалифицированные рабочие, но и специалисты (например, среди мигрантов начала 2010 г. – врач-хирург и учительница иностранного языка, мигрировавшие по программе «Соотечественники»). По мнению экспертов, отрицательный естественный прирост населения Курганской области можно существенно компенсировать положительным миграционным приростом.

Таким образом, в конце XX века в Курганской области существенно изменилась география миграционных потоков. Появились новые потоки мигрантов, такие как вынужденные переселенцы и трудовые мигранты. Половина вынужденных мигрантов разместились в сельской местности. Наибольшее число мигрантов прибыло из Казахстана и республик Средней Азии. Это объясняется как географической близостью, так и социально-экономическими связями, установившимися между Курганской областью и этими республиками. Область является пограничной с Казахстаном и была включена Федеральной миграционной службой в число территорий, принимающих вынужденных переселенцев.

Приток населения из государств – республик бывшего СССР усугубил кризис в социальной сфере Курганской области, так как вынужденные переселенцы нуждались в жилье, работе и материальной помощи.

Вплоть до конца XX века и по настоящее время в целом сохраняются следующие черты миграционных процессов, сложившиеся на территории Курганской области с начала 1990-х годов:

- постепенное сокращение объёмов миграции, как абсолютных, так и относительных её показателей;
- положительное сальдо миграции населения за счёт государств – республик бывшего СССР;
- внутриобластное перемещение населения составляет около половины общих миграционных потоков;
- сохраняется убыль населения области за счёт миграции в соседние регионы по причине поиска высокооплачиваемой работы и работы как таковой;
- нарастание доли молодёжи в группе потенциальных и реальных межрегиональных мигрантов;
- в структуре миграционного оборота происходит снижение удельного веса международной миграции и увеличение доли межрегиональной миграции.

В Концепции демографического развития Курганской области на период до 2015 года определены следующие приоритеты в сфере миграции:

- создание экономических условий, способствующих сокращению эмиграционного оттока населения Курганской области за рубеж и в другие регионы РФ, сохранению научно-технического, интеллектуального и творческого потенциала Курганской области;
- привлечение иммигрантов в Курганскую область из государств – участников Содружества Независимых Государств, а также из соседних областей (Челябинской, Свердловской, Тюменской и других) в соответствии с необходимыми объёмами, на льготных условиях;
- проведение комплекса правовых, организационных и финансовых мер, направленных на легализацию и адаптацию иммигрантов в Курганской области;
- обеспечение сохранности численности населения Курганской области путём привлечения рабочей силы из других регионов РФ на временной, ротационной основе; создание условий для возвращения в Курганскую область эмигрантов, являющихся высококвалифицированными специалистами;
- разработка мер, направленных на повышение территориальной мобильности рабочей силы, а также механизмов поддержания жизнедеятельности и экономического развития Курганской области;
- совершенствование мониторинга использования трудовых ресурсов, в том числе и привлекаемой в Курганскую область иностранной рабочей силы, на основе создания соответствующего банка данных.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Каковы темпы и причины убыли населения в Курганской области?
2. Как изменились экономические и социальные показатели развития Курганской области в 1990-е годы?
3. Охарактеризуйте основные миграционные потоки в Курганской области.
4. Какие приоритеты в сфере миграции определены в Концепции демографического развития Курганской области на период до 2015?
5. Найдите адреса и телефоны Управления Федеральной миграционной службы по Курганской области и общественных организаций, занимающихся проблемами мигрантов, используя Интернет.
6. Найдите в Интернете целевую программу Курганской области по оказанию содействия добровольному переселению в Курганскую область соотечественников, проживающих за рубежом, на 2009-2012 годы и ознакомьтесь с её содержанием. Какие меры вы бы предложили для того, чтобы процесс притока соотечественников в Курганскую область сделать более эффективным?

Глава 2.

ХАРАКТЕРИСТИКА РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП МИГРАНТОВ

Структурно-организационные характеристики миграции

Для точности анализа современных миграционных процессов в России нужно остановиться на структуре миграционного потока. Мигранты могут принадлежать к разным группам, от сущностных характеристик которых зависит и характер социальной работы с ними. Социальный работник должен точно представлять проблемы, с которыми сталкиваются переселенцы, а перечень этих проблем зависит от характера мигрирующей группы и её особенностей.

Существуют различные точки зрения, влияющие на составление перечней мигрирующих групп. В соответствии с одной из них в миграционных потоках выделяют вынужденных переселенцев, беженцев, депортированные народы, эмигрантов, войска, выводимые из дальнего и ближнего зарубежья. С другой точки зрения, нашедшей отражение в Федеральной миграционной программе, выделяются пять основных миграционных потоков: вынужденная миграция, внешняя миграция, внешняя трудовая миграция, незаконная миграция и внутренняя миграция. Обе эти позиции классифицируют миграционные потоки по разным основаниям, единства в критериях их классификации нет.

Синтезируя элементы этих точек зрения, некоторые авторы предлагают остановиться на анализе сущностных составляющих миграционных потоков в

России в конце XX века и отнести к ним вынужденных переселенцев и беженцев (4). Эта классификация представляется далеко не достаточной, так как статус беженца могли получить переселенцы-афганцы из Афганистана и, например, русские переселенцы из Таджикистана. Понятно, что потоки этих мигрантов неравнозначны как в количественном выражении, так и в качественных характеристиках. Во второй половине 1990-х годов статус беженцев стали присваивать только выходцам из стран дальнего зарубежья, мигрантам из стран СНГ его присваивать перестали.

Другие исследователи выстраивают соотношение этих понятий на основе классификации источников передвижения. Мигранты – это участники территориального передвижения населения, которое выступает результатом равнодействующих объективных и субъективных сил, личностного и общественного характера примерно в одинаковой степени. Так, для вынужденных переселенцев источник передвижения в большей степени находится во вне, здесь наблюдается преимущественное участие внешних раздражителей (1). Для беженцев форма миграции полностью провоцируется воздействием внешних сил и обстоятельств. Эта классификация не лишена смысла, но не совсем понятно, что обозначает термин «источник передвижения».

Демографы предлагают при рассмотрении международной миграции населения выделять шесть групп мигрантов (3):

- эмигранты, выезжающие в силу семейных или иных причин на постоянное место жительства в другую страну (причём с сохранением по желанию гражданства независимо от страны въезда);

- трудящиеся-мигранты;
- нелегальные иммигранты;
- беженцы;
- студенты, стажёры, научные сотрудники и преподаватели;
- прочие (туризм, отдых и т. п.).

В качестве критерия выстраивания структуры миграционного потока можно принять соотношение выталкивающих и привлекающих факторов. С этой точки зрения нужно признать вынужденную миграцию разновидностью стрессовых миграций, а также выделить в миграционном потоке мигрантов вынужденных мигрантов (в общепринятом значении этого слова) и в их составе – вынужденных переселенцев и беженцев, как их часть, получившую право на официальный статус.

Специфика вынужденной миграции в России в конце XX века была обусловлена появлением пяти основных потоков мигрантов: беженцы и вынужденные переселенцы из стран ближнего зарубежья (бывшие республики СССР),

беженцы из стран дальнего зарубежья (не входивших в состав бывшего СССР, например, из Афганистана) и внутренние мигранты, которые могли претендовать только на статус вынужденных переселенцев. Ещё один поток мигрантов – это эмиграция, которая тоже в некоторой степени имела вынужденный характер. Кроме того, в общую структуру миграционного потока входят невынужденные мигранты, переезжающие из региона в регион, из одного населённого пункта в другой в поисках работы, с целью получения образования, по причине изменения семейного положения и т. д.

Вынужденной миграцией в конце XX века в России принято называть многомиллионный приток мигрантов из стран дальнего и ближнего зарубежья, а также поток внутренних мигрантов, переезжающих из зон военных или международных конфликтов. «Внутренние перемещённые лица» вследствие чеченского и осетино-ингушского конфликтов составляли более 80% от всех внутрироссийских мигрантов. Таким образом, в общем миграционном потоке нужно отличать мигрантов из других стран и внутрироссийских мигрантов.

Из 643,5 тыс. вынужденных мигрантов, числящихся в России на начало 2002 г., 530,5 тыс. ранее проживали на территории государств-участников СНГ и стран Балтии, 112,4 тыс. – на территории России, 0,7 тыс. – в других государствах (2). Как видно, самый многочисленный приток населения Россия получила из стран ближнего зарубежья. Приток трудовых мигрантов из постсоветских стран и Китая обычно не относят к вынужденной миграции конца прошлого века, хотя факт вынужденности их переезда надо признать. Это связано с тем, что причины их переселения носят чисто экономический характер, к тому же к такой миграции прибегает коренное население постсоветских стран, в то время как мотивация некоренного населения на переезд в Россию была совершенно иной. От 4 до 10 млн (по разным оценкам) незаконных мигрантов, так называемых «гастарбайтеров», въехало на территорию России с целью поиска работы (3).

Нужно обратить внимание ещё на один методологический аспект анализа миграций. В миграционных перемещениях принимают участие три общности: отпускающая, принимающая и сама мигрирующая группа. Но трудность анализа связана с тем, что с социальной точки зрения все эти общности не маркируются, не определяются – нет чётких критериев их фиксации на политическом, социальном, экономическом, правовом уровнях. Исследователи вынуждены за объект анализа брать жителей поселения, всё коренное население конкретной страны или всех мигрантов, въехавших на территорию России в 1990-е годы. Но мы не можем утверждать, что все жители стран СНГ участвовали в процессе вытеснения русскоязычных, так же как мы не можем утверждать, что все жители России отрицательно или положительно относятся к гастарбайтерам (трудо-

вым мигрантам). Эта проблема осложняется ещё и тем, что вытеснение может иметь неосознанный характер, фактически быть скрытым, что не меняет его интенсивности и результативности. Вытеснение может происходить разными способами: через перераспределение власти, через навязывание чуждого образа жизни, культурных обычаев, через межличностные отношения, на бытовом уровне. Сложно анализировать и процессы неприятия с принимающей стороны. Возникновение страха перед «чужими» также может носить глубоко подсознательный характер, не фиксироваться в ответах на прямые вопросы, но всё же способствовать ухудшению адаптации мигрантов.

В итоге опросов получаются неконкретные, слишком размытые данные, проблема не дифференцируется, ускользает от анализа или подменяется теми явлениями, которые лежат на поверхности, не отражая сущности происходящего. Желательно опрашивать именно тех, кто конкретно вытеснял русскоязычных, или тех, кто реально мешает адаптации мигрантов в России. Но существует проблема их поиска и определения.

Для разрешения этой проблемы и с целью повышения эффективности социальной работы понятие «принимающая общность» можно употреблять в широком и узком смысле слова. В широком смысле к такой общности будут относиться либо все граждане России, либо жители конкретного региона или населённого пункта. Именно при таком понимании результаты опроса мало что могут показать в плане анализа отношения россиян к вынужденным или трудовым мигрантам. В узком смысле слова к принимающей общности можно отнести только тех жителей города или региона, которые непосредственно находятся в каких-либо отношениях с мигрантами, знают их, живут по соседству, работают в одном коллективе и т. д. Эту подобщность можно выделить из общего числа опрошенных, а потом подвергнуть изучению. Такой подход позволяет более предметно выявить и изучить влияние отношения россиян на адаптацию мигрантов.

Вытесняющую общность можно анализировать в таком же аспекте, но сделать это сложно и с теоретической, и с практической стороны. Для этого нужно проведение серии опросов на территории отпускающих стран.

Деятельность отпускающей и принимающей группы нужно анализировать на нескольких уровнях: государственной политики, который инициирует вытеснение некоренного населения или поддерживает настроения мигрантофобии у принимающей группы; региональной политики и уровне бытового поведения. Проблема состоит в том, что не все эти уровни одинаково доступны для социологического анализа. Принимая во внимание первый и второй политические уровни отпускающих и принимающих сообществ, нужно отметить, что здесь

противоречие между декларируемым и реальным выглядит наиболее остро, что и затрудняет научный анализ. На деле законы могут не выполняться, региональные и муниципальные власти могут проводить свою политику, улавливая мельчайшие нюансы политических установок сверху, а также сообразуясь с необходимостью учёта многих местных факторов. Кроме того, законы о миграции крайне противоречивы и неадекватны современной обстановке.

Все эти обстоятельства – большая методологическая и технологически процедурная проблема для социологии, а соответственно, и для эффективной социальной работы с мигрантами. Социальный работник должен реально представлять структуру современного миграционного потока и сущность каждой из его составляющих для успешности своих действий и для дифференциации подхода к каждой группе переселенцев, исходя из их реальных характеристик.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Назовите характерные для России миграционные потоки в конце XX – начале XXI в.
2. Какой из миграционных потоков был самым многочисленным?
3. С какими трудностями методологического характера сталкиваются исследователи при изучении проблем вынужденной миграции?

Список литературы

1. Балеев И.Р. Вынужденная миграция населения как социальный процесс: проблемы исследования и регулирования: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Уфа, 1997. – С. 9.
2. Беженцы и вынужденные переселенцы // Восьмой ежегодный демографический доклад «Население России 2000» / Демоскоп Weekly: Электронная версия бюллетеня «Население и общество». Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r00/razdel5g5_7.html
3. Бутов В.И. Демография. – М.; Ростов-на-Дону, 2005. – С. 171, 218.
4. Гольдин Г.Г. Миграция населения: проблемы политико-правового регулирования: Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2001. – 36 с.

Вынужденные мигранты из стран ближнего зарубежья

Остановимся на описании группы вынужденных мигрантов, прибывающих на территорию России из стран ближнего зарубежья. Как уже отмечалось, этот поток был самым многочисленным и обладал специфическими характеристиками.

Важной особенностью вынужденной миграции конца XX века является то обстоятельство, что переселенцы, в отличие от трудовых мигрантов, расселились по всей территории России, вплоть до Крайнего Севера и Дальнего Востока, частично возмещая демографические потери и миграционный отток населения из этих регионов. Такая территориальная всеохватность говорит о тяжёлом положении мигрантов, готовых поселиться даже там, откуда уезжает местное население. Но всё же основная их часть поселилась в юго-западной части России (Центрально-Чернозёмном, Поволжском, Северо-Кавказском, Центральном, Северо-Западном регионах) и в полосе, граничащей с Казахстаном (южные области Урала и Западной Сибири) (3).

Уральский регион принял значительное количество мигрантов из стран ближнего зарубежья. К 1994 г. на Урале, по официальным данным, было зарегистрировано 50 тыс. вынужденных мигрантов, а к началу 1998 г. уже 181,8 тыс., что составило 14% от общероссийского уровня. Реально вынужденных переселенцев было в несколько раз больше. По числу вынужденных переселенцев Уральский регион занимал третье место в России. Больше всего мигрантов приняли Оренбургская и Свердловская области, Башкортостан (22).

Расселение вынужденных мигрантов отличается и в части соотношения городских/сельских жителей по сравнению с общероссийской пропорцией. Согласно результатам переписи населения 2002 года 73% российских граждан проживает в городах и 27% – в сельской местности (10). В то же время в сельской местности обосновалось 40% переселенцев. Число таких мигрантов в расчёте на 10 тыс. населения в сельской местности почти в два раза больше, чем в городах: 97,5 против 54,3 соответственно, при среднем значении равном 66.

Особые специфические черты вынужденной миграции связаны и со странами исхода переселенцев. В 1992 – первой половине 1993 годов беженцами и вынужденными переселенцами признавались выходцы из Молдавии, Азербайджана, Грузии, Таджикистана и Чечни. В 1992 г. на их долю пришлось 97% вынужденных мигрантов. Впоследствии «региональные» ограничения были сняты, и уже к 1994 г. 61% вынужденных мигрантов дали Казахстан, Узбекистан и Киргизия. Ко второй половине 1990-х годов потенциал вынужденной миграции в Закавказье и в Таджикистане был в значительной мере исчерпан и на первое

место вышел Казахстан с его самой большой русской диаспорой. Несмотря на то, что открытых вооружённых конфликтов на территории этого государства зафиксировано не было, русскоязычное население в Казахстане, особенно в южных областях, испытывало на себе проявления бытового национализма, дискриминации по языковому признаку и сталкивалось с иными формами относительно «мягкого» выталкивания. С 1997 г. до 50-60% вынужденных мигрантов, регистрируемых в России, были выходцами из Казахстана.

Практически все бывшие республики СССР стали поставщиками русскоязычных вынужденных мигрантов в Россию. Мигранты вынуждены были переселяться из одного этнического окружения в другое, из одних климатических условий в другие, из одного социального сообщества в другое, иногда из города в деревню, или из столичного центра в малый провинциальный город, таким образом меняя не только государственность, но и привычный образ жизни, а зачастую и качество жизни. Это обстоятельство делает особенно актуальным изучение адаптационных трудностей вынужденных мигрантов и социальную помощь им со стороны государства.

Ещё один важный аспект специфики вынужденной миграции – это социальные и демографические характеристики группы вынужденных переселенцев из стран СНГ и Балтии. Подсчитано, что в потоке официальных вынужденных мигрантов из стран ближнего зарубежья в 90-е годы XX века 54% составляли женщины, в то время как в потоке трудовых или экономических мигрантов их значительно меньше (3).

Возрастная структура переселенцев также не типична для обычных мигрантов, среди которых, как правило, преобладают люди среднего возраста и молодёжь, а детей и пожилых сравнительно мало. В составе вынужденных мигрантов больше детей, заметно больше пожилых и, соответственно, гораздо меньше трудоспособных. Иными словами, в вынужденную миграцию вовлекается вся семья, а не только наиболее трудоспособные её члены, причём если в нормальных условиях семьи с детьми наименее мобильны, то в стрессовых обстоятельствах именно такие семьи стремятся выехать в первую очередь, чтобы избавить детей от опасности или ущемления в правах. То же, видимо, относится и к неполным семьям. Именно эти категории населения в первую очередь нуждаются в социальной помощи.

Из бывших республик СССР в Россию прибывало высокообразованное, квалифицированное население, в котором доля лиц с высшим и средним специальным образованием заметно превосходит таковую в России. Обращает внимание почти полное отсутствие среди переселенцев малограмотных и неграмотных, несмотря на более высокий средний возраст. Данные Свердловского

областного управления статистики свидетельствуют, что 16% вынужденных мигрантов, прибывших в Свердловскую область, имеют высшее образование, 33% – незаконченное высшее и среднее специальное образование, 51% – среднее общее (полное и неполное).

Подавляющее большинство вынужденных мигрантов в Россию – русские (70% на начало 1997 г.). Среди других выделяются татары (7%), которые в большом количестве проживали в Средней Азии и Казахстане, армяне (4,8%), украинцы (3,9%, в основном из Чернобыльской зоны), осетины (3,8%), грузины (1%). По данным Свердловского областного управления статистики подавляющая часть вынужденных переселенцев, также как и в целом по России, – это русские (77%) (8). Таким образом, поток вынужденных мигрантов обладал чётко выраженной этнической спецификой. Нужно заметить, что национальность мигрантов в большинстве своём не совпадает с регионом их выезда. Это ещё одна существенная особенность постсоветских вынужденных миграций.

Важнейшая характеристика этого потока – это деление на официальных (зарегистрированных в ФМС) мигрантов, получивших статус беженцев и вынужденных переселенцев, и неофициальных мигрантов, вольно или невольно не получивших статуса, а значит и государственной помощи. В науке до сих пор фигурируют только предположения о реальном количестве вынужденных мигрантов, въехавших в Россию из стран ближнего зарубежья. Однозначно установлено, что большинство мигрантов, имея право на получение статуса вынужденного переселенца, официального статуса не получали и адаптировались в России самостоятельно. С начала 1990-х годов из бывших союзных республик на территорию России прибыло более 5 млн человек, но лишь 1,3 млн были зарегистрированы как вынужденные переселенцы и беженцы и могли рассчитывать на содействие государственных органов в установленном законодательством порядке (11). Не все учёные доверяют такой статистике. Некоторые эксперты говорят о 8-10 миллионах мигрантов, въехавших в Россию в конце XX века.

Социологи считают, что вынужденная миграция на территорию России в конце XX века из стран СНГ в силу насильственности этих перемещений носила стрессовый характер. Стрессовые миграции являются разновидностью насильственных перемещений, поскольку причины их имеют внешний характер по отношению к личности мигрирующего субъекта. В этом случае решение о переезде принимается под воздействием обстоятельств, не подчиниться которым не возможно, когда существует реальная угроза жизни и благополучию мигранта и его семье. Нужно отметить, что в литературе по миграции практически ставится знак равенства между стрессовыми и вынужденными миграциями. С этим нельзя полностью согласиться. Вынужденная миграция является

подвидом стрессовых миграций, но отличается от них более слабой степенью вынужденности, возможностью отсрочить переезд, иногда даже на годы, а части вытесняемой группы и вообще не уезжать, адаптируясь к новым условиям в составе вытесняющего сообщества. Именно так произошло с миллионами русскоязычных, которые остались жить в постсоветских странах.

Главной отличительной чертой вынужденных миграций является наличие вытесняющей группы, предпринимающей организованные и осознанные действия по вытеснению нежелательного населения. Стрессовые миграции связаны с угрозой благополучному существованию, которая может исходить не от людей, а от природно-техногенных факторов. Но вынужденные миграции также относятся к стрессовым по критерию непреложности, необходимости переселения, по наличию выталкивающих факторов, обойти которые не представляется возможным, что и делает процесс переселения стрессовым, так как факторы, детерминирующие миграцию, имеют внешнее положение по отношению к мигрирующей группе.

Критерий выделения вынужденной миграции как подвида стрессовых перемещений нельзя сводить только к усилению выталкивающих и к ослаблению притягивающих факторов. С одной стороны на мигрантов воздействовали сильные выталкивающие факторы, но в такой же степени для мигрантов притягательными являлись и российские обстоятельства. Именно поэтому в общем потоке мигрантов довольно много было тех, кто вообще не становился на учёт в ФМС, так как не считал себя вынужденным переселенцем, а значительной части других мигрантов приходилось доказывать факт вынужденности переезда для получения соответствующего статуса.

Таким образом, *вынужденная миграция* – это подвид стрессовых перемещений, которую можно вычленить по степени и особенностям проявления выталкивающих и привлекающих факторов, что выводит на первый план анализа совокупность социальных взаимодействий трёх субъектов миграционного процесса (самих мигрантов, вытесняющей и принимающей общностей), а также по специфическим мотивам миграционного перемещения, связанным с наличием вытесняющей группы.

В социологической литературе, описывающей вынужденные миграции на постсоветском пространстве, для обозначения субъектов миграционного взаимодействия используется ряд терминов, трактовки которых порой различны и многовариантны. Без точного определения понятий анализировать миграционные явления невозможно. В частности, есть трудности в определении таких понятий как «вынужденный мигрант», «вынужденный переселенец» и «беженец». Строго говоря, понятие «вынужденный мигрант» более широкое по содержа-

нию и включает в себя всех мигрантов, покидающих место своего постоянного проживания вынужденно, насильственно, от внешних причин, над которыми сами они не властны. Стрессовые миграции могут быть связаны с действием природно-стихийных и техногенных факторов. В отличие от стрессовых миграций насильственная миграция (как их подвид) предполагает наличие вытесняющей группы, проявляющей более-менее организованно-осознанные действия (причём нужно учесть, что вытесняющая группа обычно не признаёт факт вытеснения, поэтому вынужденных мигрантов в стране исхода таковыми не считают). Эта характеристика присваивается им только в стране предназначения или прибытия, таковыми они могут быть признаны и мировым сообществом. Вынужденные переселенцы и беженцы – это официально признанные разновидности вынужденных мигрантов, это статус, который при определённых условиях может получить в России мигрант из другой страны (чаще ближнего зарубежья) или вынужденно мигрирующий из одного региона в другой (внутренние перемещённые лица).

В соответствии с Законом РФ вынужденными переселенцами признаются граждане РФ, вынужденные покинуть место жительства на территории иностранного государства и прибывшие на территорию Российской Федерации, а также вынужденные покинуть место жительства на территории одного субъекта РФ и прибывшие на территорию другого субъекта РФ.

Кроме того, вынужденным переселенцем признаётся также гражданин бывшего СССР, постоянно проживавший на территории республики, входившей в состав СССР, получивший статус беженца в РФ и утративший этот статус в связи с приобретением гражданства РФ, при наличии обстоятельств, препятствовавших данному лицу в период действия статуса беженца в обустройстве на территории РФ.

Судя по публикациям, исследователи предпочитают в основном два понятия: мигрант в традиционном смысле слова и вынужденный мигрант, включая в последнее вынужденных переселенцев и беженцев (19). Такой подход соответствует и официальным документам о миграции, в которых мигрантами признаются граждане, совершающие перемещение по территории страны или за её пределы, а вынужденными мигрантами (вынужденными переселенцами и беженцами) – лица, по ряду причин вынужденные совершать такое пространственное перемещение.

Можно пользоваться определениями, данными российскими законодателями. Но с социологической точки зрения необходимо уточнение понятия «вынужденные мигранты из стран ближнего зарубежья». В российских законодательных актах определяется правовой статус вынужденных переселенцев и бе-

женцев, которые получили официальный статус в Федеральной миграционной службе. С сущностной точки зрения необходимо определение, под которое бы попадали все русскоязычные, вынужденно въехавшие на территорию России из новых постсоветских стран, что позволяет сделать именно социологический подход. Отметим, что это понятие более узкое, чем понятие «вынужденные мигранты» вообще, так как в него не включаются внутрироссийские вынужденные мигранты (внутренние перемещённые лица), а также беженцы из стран дальнего зарубежья (например, из Афганистана) и эмигранты, уезжающие из России, хотя, возможно, факт вынужденности их переезда поддаётся обоснованию.

Вынужденные мигранты из стран ближнего зарубежья – это переселенцы разного пола и возраста, разного социального положения, как правило, некоренной для «страны исхода» национальности, которые вынуждены в результате совокупности вытесняющих факторов изменить привычный образ жизни в силу смены одной социальной общности в стране исхода («вытесняющая») на другую социальную общность в стране предназначения («принимающая»), а также вступить в новые для них социальные взаимодействия с принимающей стороной (группой).

В описании этих процессов упоминаются и другие термины, такие как вынужденные мигранты (без указания страны исхода), репатрианты, беженцы, переселенцы, которые иногда использовали как синонимы термина «вынужденные мигранты из стран ближнего зарубежья».

Для понимания сущности процессов вынужденной миграции нужно остановиться на факторах, определяющих её возникновение, развитие и особенности. Исследователи считают, что все факторы, детерминирующие (определяющие) вынужденную миграцию, можно разделить на выталкивающие и привлекающие (20). Выталкивающие факторы складываются в стране исхода, а привлекающие факторы – в стране предназначения.

Учёные отмечают, что для вынужденной миграции специфическим является соотношение этих факторов. Общеизвестно, что уровень жизни в бывших советских республиках был выше, чем в самой России. Вся проблема появления вынужденных переселенцев сводится к возникновению в определённых исторических условиях ряда обстоятельств, влияющих на решение групп людей (чаще всего некоренной для данной страны национальности) вынужденно мигрировать с целью поиска более благоприятных условий для жизни. Причём «более благоприятные условия» – это очень широкое понятие, которое не сводится к сумме материальных благ, к улучшению уровня жизни. Напротив, многие вынужденные мигранты оставили в стране исхода хорошие дома, машины, наработанные связи, друзей, родственников и т. д., но приобрели в стране

предназначения перспективу спокойной жизни, родину для себя и своих детей, внуков. Таким образом, по мнению учёных, условия российской действительности получают притягательную силу только из-за резких негативных перемен в новых странах ближнего зарубежья. Нельзя полностью согласиться с такой трактовкой. Она, скорее всего, верна для всех стрессовых миграций, причинами которых будут стихийные бедствия, техногенные катастрофы или военные столкновения. Вынужденные миграции конца XX в. являлись разновидностью стрессовых миграций, но и обладали особенностями, связанными с меньшей интенсивностью проявления стрессовых обстоятельств. Недаром переселение русскоязычных в Россию растянулось на десять лет, многие семьи несколько лет не могли решиться на переезд. Не так складываются обстоятельства переезда при стрессовых миграциях, когда нет достаточного времени на принятие решения. Действие привлекающих и вытесняющих факторов было равнозначным. Если переезд из новых постсоветских стран и был вынужденным, то переселение именно в Россию имело много привлекательных моментов для русскоязычных мигрантов, что было не менее важно при принятии решения о миграции, чем факторы вытеснения.

Таким образом, большинство социологов за критерий деления факторов, определяющих мотивы переселения, фактически берут пограничную линию между двумя государствами: всё, что по эту линию – вытесняющие факторы, а всё, что за ней – привлекающие. Такой подход представляется не совсем верным именно по причине того, что здесь не отражены особенности самого субъекта миграции, мигрирующей группы. Социально-групповые характеристики вынужденных мигрантов имели большое значение в протекании миграционных процессов конца XX века на постсоветском пространстве.

Факторы, детерминирующие миграционные процессы, можно разделить на *внешние и внутренние*. Под внешними факторами мы понимаем все условия жизнедеятельности мигранта, занимающие внешнее положение по отношению к его личности. Под внутренними факторами, соответственно, всё, что относится к его личностной структуре (потребности, цели, ценностные ориентации, интересы, мотивы, установки, чувства, стереотипы, личностно-психологические особенности). В соответствии с этим подходом, соотношение обстоятельств, детерминирующих миграцию, меняется. Все внешние по отношению к личности вынужденного мигранта обстоятельства и в стране исхода, и в стране предназначения будут относиться к одной группе факторов. А все личностные, внутренние особенности переселенца, детерминированные внешними обстоятельствами, относятся к другой группе. Такой подход позволяет обратить внимание на самого субъекта миграции. Также можно попытаться проанализиро-

вать взаимовлияние внешних и внутренних факторов, иерархизировать их для разных групп переселенцев, для вытесняющего и принимающего сообщества, проследить изменения и действие внутренних факторов, как в стране исхода, так и в стране предназначения.

Анализируя субъекты миграционного перемещения, нельзя не заметить их социально-групповых особенностей. Это, прежде всего, гендерные особенности, образовательные, этнические характеристики, имущественная дифференциация, семейное положение, наличие детей и принадлежность к определённой профессиональной группе.

К совокупности *внешних факторов* вынужденной миграции 1990-х годов, имевших место как в стране исхода, так и в стране предназначения, можно отнести следующие: новая геополитическая ситуация; изменение социальных условий; падение уровня жизни; государственная миграционная политика; этническая дискриминация; изменения в экономической ситуации; степень гарантированности прав; возрастающие масштабы миграции.

Внутренние факторы детерминации нужно анализировать в контексте многоуровневого подхода, отдельно изучая их у принимающего и вытесняющего сообщества, а также у самих вынужденных мигрантов, так как они обладают социально-групповыми особенностями, важнейшими среди которых будут гендерные характеристики, и отличаются вариативностью проявления.

И всё же у всех субъектов миграционного процесса есть и общее. Общими внешними условиями детерминации вынужденной миграции будет необходимость сохранения своего этноса, детерминированная страхом возможности его разрушения. Внутренние условия связаны с потребностью достижения этой цели, с желанием повысить статусные позиции, объём власти и овладеть ресурсами. Разница в системе детерминации вытесняющей, принимающей и мигрирующей группы связана со способами достижения вышеперечисленного.

Удовлетворение экзистенциальных потребностей, по А. Маслоу, обеспечивает безопасность существования личности, уверенность в завтрашнем дне, стабильность условий жизнедеятельности, удовлетворяет потребность в определённом постоянстве и регулярности окружающего человека социума. Принадлежность к этнической группе также можно отнести к экзистенциальным потребностям. Именно поэтому возможность разрушения этноса или потеря возможности сохранять собственную этничность – это нарушение базовых потребностей личности, что может быть причиной вынужденных миграций. К базовым Маслоу относит и социальные, престижные и духовные потребности, которые являются потребностями более высшего порядка, чем экзистенциальные. Физиологические и экзистенциальные потребности он считает врождёнными, а

высшие потребности – приобретёнными. Таким образом, экзистенциальные потребности являются более глубинными и могут рассматриваться как факторы, детерминирующие потребности более высокого порядка (5).

Особо нужно проанализировать «страх» как фактор детерминации процессов вынужденной миграции. Это стойкое эмоциональное переживание было сформировано всей совокупностью неблагоприятных внешних обстоятельств страны исхода, детерминирующих актуализацию подсознательного чувства страха разрушения собственного этноса, страха за детей, за свою судьбу и т. д. С одной стороны, страх занимает внешнее положение по отношению к внутренним факторам, так как актуализируется внешними неблагоприятными обстоятельствами, но, с другой стороны, это внутреннее переживание, лежащее в основе всех других личностных факторов.

Страх как глубинное внутреннее переживание всех трёх субъектов миграционного взаимодействия, как самый существенный фактор детерминации имеет, таким образом, внутреннюю и внешнюю природу, то есть пугающие обстоятельства внешнего характера накладываются на глубинные подсознательные переживания и психологические особенности отдельных индивидов. Проявление этого переживания может иметь и гендерную окраску. Кроме того, нужно отметить, что возникновение таких переживаний подчиняется закону самовозрастания. В то же время, по мере улучшения окружающей обстановки, нормализации образа жизни, чувство страха уменьшается и перестаёт интенсивно детерминировать миграционные взаимодействия, но не исчезает окончательно.

Вариативность проявления внутренних факторов в зависимости от гендерных характеристик мигрантов нужно изучать особо. Отметим, что результатом такой вариативности является формирование миграционных стратегий как в стране исхода (возникновение мотивов и выбор способов миграции), так и в стране предназначения (выбор сценариев адаптации).

В этой системе внешние и внутренние факторы детерминации поведения вынужденных мигрантов неразрывно связаны самой логикой их реального существования. Резкое изменение привычных внешних условий жизни в стране исхода вызывает у нетитульного населения нарушение базовых потребностей, что приводит к формированию потребности в поиске более благоприятных условий жизни. Возникает внутренний дискомфорт, для преодоления которого сформировавшаяся потребность осознаётся в виде определённой цели, которую необходимо достичь, чтобы вернуться в привычные комфортные условия. Затем формируется система ведущих ценностных ориентаций, выражающаяся через совокупность определённых интересов, направленных на достижение цели. Появляются мотивы миграционной деятельности, которые вызывают опреде-

лённые поступки, ведущие, в конечном счёте, к переезду в другую страну или к приспособлению к новым условиям жизни.

Очень важным моментом в этом взаимодействии является то, что появление установок на миграцию, мотивов миграционной деятельности у многих представителей некоренных народов, возрастающие масштабы миграционных перемещений сами по себе способны формировать у остальной части нетитульного населения новую внешнюю необходимость переезда, вызванную не недовольством реальными условиями жизнедеятельности, а интенсивностью миграции. Сама по себе миграция (её масштабы) на определённом этапе превращается во внешний фактор, детерминирующий миграционное поведение индивидов, ещё не охваченных стремлением переехать. Особенно это характерно для небольших населённых пунктов, сёл, когда представители нетитульного этноса могли видеть, как пустеют целые улицы, что в Россию переселяются семьями. В определённой местности возникало некое «напряжение поля», которое само по себе, помимо неблагоприятных внешних условий, наводило на формирование установок на миграцию у тех, кто ещё не переехал. Размах проявления этой особенности специфически характеризует детерминацию именно вынужденной миграции. Проявление этой особенности можно было наблюдать и в возрастающих масштабах эмиграции евреев (особенно в крупных городах России) и немцев из сельской местности Казахстана в конце 1980-1990-х годов.

Это можно проиллюстрировать на примере эмиграции русскоязычного населения из Казахстана, в котором итоги переписи 1999 г. показали довольно быстрое изменение этнического состава населения. Решающую роль в этих изменениях играли миграционные процессы. Статистика показывает, что если в 1994 г. русские составляли 35% населения Казахстана, то в 1999 г. – 30% (1). А если учесть, что большинство русскоязычных проживало в северной части Казахстана, то относительные масштабы миграции увеличатся ещё больше. Подобные процессы происходили и в других странах ближнего зарубежья. С 1989 по 1995 годы удельный вес русских в составе населения Киргизии снизился с 21,5% до 16,2% (6). Таким образом, сами масштабы миграции, уменьшение количества русскоязычных детерминировали формирование установок на переезд у тех, кто ещё не решился на это.

Внешние факторы детерминации миграционного поведения требуют особого анализа. Многонациональный и поликультурный Советский Союз, проводя политику сближения наций и формирования единой общности «советский народ», фактически способствовал иногда добровольному, а иногда и навязанному свыше формированию национальной терпимости, толерантности. Политика индустриализации республик, создание всесоюзных строек, существова-

ние системы общесоюзного распределения молодых специалистов и многое другое приводили к тому, что большие потоки русских перемещались на постоянное место жительства в различные республики СССР. Раскулачивание и репрессии тоже способствовали укоренению русских, как и представителей других народов, в местах, которые называли «окраинами страны». Многие азиатские республики СССР отличались высоким удельным весом русского населения, которое составляло в среднем 15-20%, а в некоторых из них доля некоренного населения была больше половины, например, до 60% общей численности населения в Казахстане.

Развал Советского Союза в 1991 г. на волне суверенизации и роста националистических настроений в бывших республиках фактически привёл к вытеснению некоренных народов и, прежде всего, русских, с территории бывших «окраин». Кроме этого социально-экономические и бытовые условия жизни в новых странах по сравнению с советским периодом в значительной степени ухудшились, произошло существенное снижение уровня жизни. В Докладе о развитии человеческого потенциала в странах Европы и СНГ, подготовленном региональным бюро ПРООН в 1998 году, отмечалось, что ни один регион мира не пострадал в 1990-е годы так, как пострадали страны бывшего Советского Союза, Центральной и Восточной Европы. Переход к рыночной экономике оказался для населения этих стран сложным и травматическим процессом. Его следствиями стали падение объемов ВВП, гиперинфляция, резкое снижение национального дохода. Системный экономический кризис на фоне неадаптированности значительной части населения к рыночным отношениям и социального расслоения общества привел к актуализации проблемы бедности, а число бедных в этих странах в совокупности увеличилось более чем на 150 млн человек (14).

Результаты опросов потенциальных русскоязычных мигрантов в 90-е годы XX века в странах ближнего зарубежья позволяют понять всю трагичность ситуации, в которой неожиданно оказалось некоренное население новых стран после распада СССР. Самый чуткий показатель неблагоприятной обстановки в регионе – это рост количества желающих покинуть страну. Опросы Центра демографии института социально-политических исследований РАН 1991 г. в Азиатском регионе показывали, что от четверти до трети русскоязычного населения разных стран (Узбекистан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения) собирались уехать. Около 40% опрошенных не имели чётких миграционных установок. В 1992 г. лабораторией миграции Института народнохозяйственного прогнозирования РАН был проведён аналогичный опрос, показавший рост количества желающих уехать и уменьшение количества желающих остаться (7).

В 1994-1995 годах в Казахстане, Узбекистане и Киргизии Г. С. Витковская опросила 1080 семей (более 5200 человек) из числа нетитульного населения, по большей части русскоязычного. Этот опрос показал, что потенциальные русскоязычные мигранты готовы изменить свои миграционные намерения только в случае устранения причин этнического дискомфорта (введение второго государственного языка, устранение этнической дискриминации), гарантировании прав, интеграции с Россией, преодоления чувства оторванности и изоляции (введение двойного гражданства), стабилизации социально-политической ситуации, а также улучшения экономической ситуации (6).

Таким образом, можно видеть влияние внешней обстановки в стране на внутренние миграционные настроения нетитульного населения. Результаты этих опросов показали, что русскоязычное население стран ближнего зарубежья чувствовало себя дискомфортно в изменившихся условиях. И хотя эти изменения готовились давно, исподволь, их интенсификация в 90-е годы XX века привела к массовой миграции на территорию России. Но всё же нужно заметить, что влияние неблагоприятной внешней обстановки на формирование миграционных настроений некоренных народов не носило характера жёсткой причинно-следственной зависимости. Это подтверждается прежде всего тем фактом, что не все представители нетитульных этносов покинули новые страны. Учёные пишут, что в 1989 г. в СССР за пределами России проживало 25,3 млн русских, а в сумме с другими национальностями России – свыше 28 млн человек. Основная их часть жила на Украине (11,4 млн), в Казахстане (6,2 млн), в Узбекистане (1,7 млн) и в Белоруссии (1,3 млн). Во всей Центральной Азии накануне распада СССР насчитывалось 9,5 млн русских (12). На момент распада СССР только в Казахстане и среднеазиатских республиках проживало порядка 10 млн русских (13).

Но воспринимать всю эту совокупность как потенциальных мигрантов нельзя. Дело в том, что значительная их часть относится к местным уроженцам, причём не в первом поколении. Так, из общего числа русских в Казахстане доля тех, кто там родился, составляла 66,6%, в Узбекистане – 55%, Киргизии – 59,1%, Таджикистане – 48,5%, Туркмении – 52%. Некоторую долю составляют те, кто родился в других республиках Средней Азии. В третью категорию населения с невысокой миграционной активностью входят те, кто прожил в этих республиках более 20 лет. В Казахстане таких 37%, в остальных республиках в среднем 41%. Таким образом, многие обстоятельства сдерживали переселение русских из Центральной Азии в Россию: многолетнее проживание в инациональной среде и частичная или полная адаптация к культуре и традициям; родственные связи части русских с коренным населением; наличие жилья, устраи-

вающей работы и отсутствие реальных шансов на быстрое получение всего этого в России. Л. Л. Рыбаковский считает, что для того чтобы вовлечь в миграционный поток миллионы человек, нужны сильные стимуляторы, в качестве которых могут рассматриваться: вооружённые конфликты, ущемление прав некоренного населения в гражданстве, в избирательном праве, в законах о государственном языке и собственности и т. п. (13).

В научной литературе было высказано ещё более категоричное мнение, что миграция русского населения из стран СНГ в значительной степени исчерпана и этноконфессиональная структура приезжающих существенно меняется. Группа исследователей миграционной ситуации в Приволжском федеральном округе (С. С. Артоболевский, И. М. Бадыштова, Ж. А. Зайончковская и др.) считает, что в дальнейшем мигрировать в Россию будет уже коренное население бывших республик Советского Союза с целью поиска работы. Это мнение, высказанное в 1990-е годы, сегодня нашло своё подтверждение. Приток русских из стран СНГ в начале XXI века практически иссяк, а поток нелегальных или полунелегальных гастарбайтеров нарастает. По мнению руководителя Департамента миграционной политики О. Д. Воробьёвой, большая часть из оставшихся на сегодняшний день за пределами 15-20 млн этнических россиян не переедет в Россию, а будет интегрироваться в жизнь новых независимых государств; при этом Россия должна обеспечить им возможность упрощения пересечения границы, трудовой занятости, родственного общения (12).

Общеизвестно, что после распада СССР государственная политика стран ближнего зарубежья без исключений была направлена на национальное возрождение титульного населения, что для нетитульных народов имело неблагоприятные последствия. Образование новых независимых государств привело к ухудшению положения всех некоренных народов, но прежде всего русского. Русские превратились в этническое меньшинство и почувствовали на себе различные виды дискриминации. Резкое ухудшение положения вызвало у многих желание переселиться в Россию, даже если она не была их местом рождения.

Изучение причин переезда во многом может помочь в описании внутренних факторов, так как реальностью является разное социально-групповое отношение потенциальных мигрантов к одним и тем же внешним обстоятельствам, а значит и различные способы формирования мотивов миграции, установок на миграцию и других внутренних факторов, детерминирующих процесс переселения. Однако если внешние факторы микроуровня могли очень отличаться, то макроуровень факторов в той или иной стране являлся, в известной степени, одинаковым для всех некоренных народов.

Ещё в 1991 г. Госкомстатом выявлено, что основными причинами миграции из стран нового зарубежья в Россию являются межэтнические конфликты и ухудшение отношения к некоренному населению, что может привести к изменению системы человеческих ценностей некоренного населения этих стран. Среди мигрантов из Таджикистана эти причины были названы 64% переселенцев, из Киргизии – 47%, из Узбекистана – 51%, из Туркмении – 23%, Казахстана – 17% (13). Миграционной службой Курганской области в 1996 г. было проведено анкетирование посетителей. В результате был сделан вывод, что факторами, детерминирующими переселение из бывших республик Советского Союза, стала усиливающаяся социальная и политическая изоляция некоренного населения, незнание ими национальных языков, ограничение сфер применения русского языка, усиление влияния чуждой религии, бытовой национализм, разрушение сложившейся структуры занятости. Свой переезд подавляющее большинство вынужденных мигрантов связывало с обострением межнациональных отношений (95%); 72% опрошенных указывали на языковой барьер; 30% причиной выезда с прежнего места жительства называли бытовой национализм; на проблемы политического и экономического характера указали 13,5% респондентов (4).

Кроме государственных структур изучением этого феномена также занимались социологи. Исследователи отмечают, что переселенческие потоки русских стимулировались нецивилизованными приёмами суверенизации бывших союзных республик, сопровождавшимися нарушением прав человека. Симптомами нарушения прав русских (и других некоренных народов) в странах ближнего зарубежья после распада СССР учёные называли следующие признаки: язык (унижающие, очернительные слова в адрес другого этноса); стереотипы (обобщённые, негативные характеристики по отношению к этносу); насмешки; предубеждения; поиск «козла отпущения»; дискриминация; остракизм (бойкот); преследование; осквернение памятных мест или порча имущества (нанесение материального ущерба представителям другого этноса); запугивание; изгнание; подавление; насилие по отношению к другому этносу (16).

Учёные, работающие в разных регионах России, неоднократно обращались к этой проблеме. Можно отметить исследования проблем мигрантов в Новокузнецке, Пензе, Новосибирске, Оренбурге и других городах и областях России, в Приволжском федеральном округе, на Ставрополье и в Краснодарском крае, в Башкортостане. Практически все исследователи основной причиной миграции русских из стран ближнего зарубежья объявляли разгул национализма в этих странах после распада СССР (17).

Таким образом, существует мнение, что распад Советского Союза привёл к качественному преобразованию структуры мотивации перемещений: у многих мигрантов на первый план вместо экономических выдвинулись этнические мотивы. С. Панарин, в основном разделяя эту точку зрения, пишет, что более верно было бы говорить об этнокультурных мотивах, то есть таких, в которых узко этнические устремления вписаны в более широкий контекст советского культурного наследия (6).

Большинство российских исследователей этой проблемы делают упор на причины вытеснения русскоязычных, связанные с ростом национализма в странах ближнего зарубежья. Но здесь нужно отметить тот факт, что некоторые учёные отмечают существование проблемы национализма и до распада СССР (напр., Л. Л. Рыбаковский). Кроме того, можно вспомнить, что расцвет националистических настроений в Прибалтике привёл к волне недовольства со стороны некоренных народов, но к массовому бегству в Россию всё же не привёл. Это говорит о том, что сводить все причины миграции только к национализму нельзя. Были и другие обстоятельства, детерминирующие отъезд и, видимо, в какие-то моменты времени они выходили на первый план. Ж. А. Зайончковская и Л. Л. Рыбаковский совершенно правомерно пишут, что причины массового переселения нетитульных народов из Центральной Азии в Россию нельзя увязывать только с социально-политической обстановкой в новых странах. Миграция русских вытекает из эволюционных, долговременных тенденций среднеазиатских сообществ, связанных с демографической ситуацией, особенностями урбанизации, напряжённостью на рынке труда. Отток русского населения мог бы быть спокойным, медленным, бесконфликтным, но в 1990-е годы произошла ломка миграционных тенденций (6).

Есть также точка зрения, которая ставит на одну чашу весов и экономические, и политические причины миграции некоренных народов из стран СНГ (18). Интересно, что учёные, работающие в Казахстане, именно социально-экономические обстоятельства выдвигают на первый план среди причин миграции вынужденных переселенцев. Так, Е. Ю. Садовская (зав. отделом народонаселения КазНИИ труда и занятости) отмечает, что первыми по воздействию на миграционные настроения в Казахстане являлись социально-экономические факторы, определяющие уровень жизни населения (14). Об этом же пишет казахстанский автор В. Сергиенко (15).

Многие мигранты переезжали из Северного Казахстана, где всегда количественно превалировало русское население, поэтому проблема национализма, обострившись до некоторой степени, всё же вряд ли имела там решающее значение. А вот проблемы отсутствия газа, света, воды, развала социальной сферы,

проблема безработицы и другие подобные обстоятельства, отягощённые в том числе и ростом национализма, могли доминировать среди причин миграции, во всяком случае, в первой половине 1990-х годов. Можно возразить, что малые российские города в 90-е годы XX в. тоже испытывали подобные трудности, но степень их проявления всё же была не сравнима с проблемами бывших республик СССР. К тому же большинство мигрантов ехали именно к родителям или близким родственникам, чтобы с их помощью преодолеть трудный жизненный этап.

Итак, социологи среди причин миграции русскоязычных из стран ближнего зарубежья рассматривают прежде всего резкие экономические и политические изменения, понимая под политическими изменениями, в первую очередь, рост национализма по отношению к некоренному населению. Все перечисленные обстоятельства детерминировали миграционные процессы, формируя мотивы переезда и установки на миграцию. Но внешние факторы воспринимались потенциальными мигрантами по-разному, так как преломлялись через их социально-групповые особенности, влияя на формирование внутренних факторов, детерминирующих миграцию (эмоции, чувства, стойкие эмоциональные переживания, потребности, интересы, цели). Именно субъективное восприятие бытовых условий как невыносимых и неуверенность в завтрашнем дне, подкрепляемая страхом от внезапных перемен, прежде всего повлияли на решение русскоязычных мигрировать в Россию. Кроме того, нужно отметить, что миграцию обуславливает комплекс причин, где в качестве доминанты могли быть обстоятельства разного характера. В больших городах бывших республик СССР развал социальной сферы не был таким значительным, но национализм коренных народов проявлялся там сильнее. В сельской местности и в небольших посёлках развал бытовой системы был ужасающим, и мигранты бежали оттуда в поисках более удобных мест для проживания, решая и проблему будущего своих детей за счёт переселения в Россию.

Некоторые исследователи обращали внимание на трудности сбора информации о мотивах миграции, связанные с тем, что переселенцы, рассчитывая получить официальный статус в ФМС, старались скрыть экономические мотивы переезда, придать им второстепенное значение, выдвигая на первый план национальные проблемы, чтобы иметь возможность получить статус «вынужденного переселенца» наверняка (2). Это обстоятельство тоже говорит в пользу более внимательного отношения к экономическим мотивам миграции вынужденных переселенцев из стран ближнего зарубежья и позволяет высказать предположение, что результаты многих опросов не были точными и отражающими реальное положение дел.

Все изменения, происходящие с некоренным населением бывших республик СССР, имели системный характер и поэтому приводили к изменению привычного образа жизни, к изменению сложившейся системы жизненных ценностей некоренного населения. Страх от внезапных перемен, связанных с политическими изменениями, страх от резких перемен в сфере социально-этнических взаимоотношений, бытовые, экономические факторы, а также нарастающая интолерантность коренного населения стран ближнего зарубежья по отношению к некоренным народам и отсутствие в ближайшей перспективе нормализации всех этих процессов, стали глубинными мотивами массового оттока русскоязычных с территории новых постсоветских стран.

Таким образом, результаты социологических исследований причин переселения в Россию вынужденных мигрантов из стран СНГ показывают, как внешние факторы детерминировали внутренние личностные изменения, то есть формировали мотивы миграции.

Вынужденная миграция, как правило, изучается только с точки зрения принимающего сообщества, гораздо реже – с позиций вытесняющей группы (что и понятно) и практически никогда – с точки зрения самой мигрирующей группы. Потребности и интересы вынужденных мигрантов как бы априори известны и понятны. Решения на уровне государства принимались без учёта интересов мигрантов, и русскоязычные мигранты, вытесненные из прежней страны проживания, должны были смириться и приспособиться к «формальному» приёму и даже отчуждению в этнически «своей» стране.

Именно поэтому нужно вести особый разговор о проявлении внутренних факторов у вытесняемой группы, прежде всего, у русскоязычного населения стран ближнего зарубежья. С этой точки зрения, вынужденные мигранты находятся в сложнейшем положении. Разные обстоятельства жизни в стране исхода и в стране предназначения формируют у них сложное переплетение потребностей, интересов, целей и мотивов, на которые влияют потребности и интересы выталкивающего и принимающего сообщества, детерминируя установки потенциальных мигрантов на переезд и эффективность их адаптации на новом месте. Получается, что внутренние особенности (факторы) принимающего и вытесняющего сообщества становятся для переселенцев внешними факторами детерминации их миграционного поведения, что в свою очередь служит основой появления у мигрантов особых потребностей и интересов. Доказательством того, как сложна система детерминации поведения вынужденных переселенцев, является тот факт, что многие из них по несколько лет не могли решиться на переезд.

Группа вынужденных мигрантов нуждается в особом внимании социальных работников. Обстоятельства их переезда и адаптации в России настолько сложны, что в помощи нуждаются практически все переселенцы. Отнесение ФМС к ведомству МВД в 2002 г. и переориентация этой службы на выявление незаконных мигрантов практически лишило «законных» мигрантов социальной поддержки со стороны государства. Поэтому внимание социальных работников в первую очередь должно быть направлено на русскоязычных переселенцев, которые нуждаются не только в материальной, но и в психологической поддержке.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какими социальными характеристиками обладает группа вынужденных мигрантов из стран ближнего зарубежья?
2. Кто в России мог быть признан вынужденным переселенцем?
3. Кто имел право на получение статуса беженца?
4. Как соотносятся понятия: «вынужденные мигранты» и «вынужденные переселенцы»?
5. Назовите причины переселения русских из стран СНГ в Россию в 1990-е годы.
6. Какие внешние и внутренние факторы детерминировали процесс вынужденной миграции в Россию?
7. Как вы считаете, почему не все русскоязычные смогли и захотели переехать в Россию из стран ближнего зарубежья?
8. Заполните таблицу и проанализируйте, как факторы, определяющие миграционное поведение, можно превратить в ресурсы для социальной работы с мигрантами.

Внешние	Внутренние

Список литературы

1. Алексеенко А. Первая перепись населения в суверенном Казахстане: некоторые итоги и оценки // Миграция в СНГ и Балтии: через различия проблем к общему информационному пространству: Мат. конф. (8-9 сентября 2000 г., С.-Петербург) / Демоскоп Weekly: Электронная версия бюллетеня «Население и общество». Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2002/057/analit04.php>
2. Баранова С. В. Положение вынужденных мигрантов в Свердловской области // Социологические исследования. – 2005. – № 2. – С. 139.
3. Беженцы и вынужденные переселенцы // Восьмой ежегодный демографический доклад «Население России 2000» / Демоскоп Weekly: Электронная версия бюллетеня «Население и общество». Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r00/razdel5g5_7.htm

4. Беженцы и вынужденные переселенцы: Информационный бюллетень / Миграционная служба Курганской области, Курганский областной комитет государственной статистики. – Курган, 1996. – № 1. – С. 35-36.
5. Maslow A. Theory of human motivation // Psychology Review. – 1934. – July. – P. 370-396; Motivation and personality. – N. Y., 1970.
6. Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, последствия, перспективы / Под ред. Г. Витковской. – М., 1996. – С. 37, 41-72, 85-116, 134-141.
7. Население России. – М., 1994. – С. 36.
8. Оруджиева А. Одни – на запад, другие – на Восток: Миграционные процессы на Урале // Родина. – 2001. – № 11. – С. 81-83.
9. Осипов А. Г. Идеология иммиграционной политики как элемент конструирования этнической конфликтности (на примере Краснодарского и Ставропольского краев) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – Москва: ИЭА РАН, 2002. – № 155.
10. Основные итоги всероссийской переписи населения 2002 года. – М., 2003. – С. 27.
11. Россия в цифрах: краткий статистический сборник / Госкомстат России. – М., 1997. – С. 29.
12. Россия в условиях трансформаций. Историко-политологический семинар. Вып. № 8. – М., 2001. – С. 43-44.
13. Рыбаковский Л. Л. Миграционный обмен населением между Центральной Азией и Россией // Социологические исследования. – 1995. – № 9. – С. 89-95.
14. Садовская Е. Ю. Внешняя миграция в республике Казахстан в 1990-е годы: причины, последствия, прогноз // Центральная Азия и культура мира. – Бишкек, 1998. – № 1(4).
15. Сергиенко В. Миграция в Казахстане: потери и приобретения // Континент. – 1999. – 23 ноября (№ 9).
16. См. работы Л. В. Макаровой, Л. М. Дубового, В. В. Амелина.
17. См., напр., работы Е. А. Назаровой, А. И. Спицына, И. Р. Балеева.
18. См., напр., Тощенко Ж. Т. Русские беженцы: трагедия или издержки имперского сознания? // Социологические исследования. – 1992. – № 9. – С. 59-64; Костин Л. Миграция и мигранты // Человек и труд. – 2001. – № 8.
19. См., напр.: работы Г. С. Витковской, Ж. А. Зайончковской, Л. А. Рыбаковского, Е. А. Назаровой.
20. См., напр.: Дощицин Ю. П., Лапин Н. Н. Вынужденные переселенцы в крупном промышленном городе Сибири // Социологические исследования. – 1995. – № 9; работы Н. П. Космарской.
21. Trafficking in migrants // International Organization for Migration Quarterly Bulletin. – 2001. – April. – № 23.
22. Численность и миграция населения Российской Федерации в 1999 г.: Стат. бюллетень. – М.: Госкомстат России, 2000.

Гастарбайтеры и мигранты из стран дальнего зарубежья

Рост пространственной мобильности населения отмечен с начала 1960-х годов в различных странах, а её уровень рассматривается в качестве одной из важнейших характеристик социально-экономического развития страны, а также способности населения адаптироваться к социально-экономическим условиям. Как правило, население развитых стран характеризуется высокой пространственной мобильностью. Средний американец в течение жизни около 13 раз меняет место жительства, а средний житель Великобритании и Японии совершает 7-8 таких перемещений.

Особенно значительна в процессе адаптации населения к меняющимся экономическим условиям роль временных перемещений. Они играют огромную роль в развивающихся странах и в странах с переходной экономикой из-за тесной связи их со стратегиями выживания населения. Доля общемировых денежных переводов, направляемых в развивающиеся страны, увеличилась с 57% в 1995 г. (58 млрд дол. США) до 65% в 2007 г. (246 млрд дол. США), что более чем вдвое превышает объём всей международной помощи, предоставляемой этим странам на развитие. Наиболее значительные суммы в виде денежных переводов от мигрантов поступают в Азию (145 млрд дол. США), а наибольшее значение они имеют для Африки – 3,1% от величины ВВП (5). Согласно данным обследования по сопоставимой программе в Польше, Латвии и Украине в 1995-1996 годах, внешняя трудовая миграция позволила улучшить благосостояние семей, уменьшить в этих странах давление на рынок рабочей силы в условиях безработицы (3).

На начало 1990-х годов в мире насчитывалось не менее 25 млн трудящихся-мигрантов («гастарбайтеров»). С учётом же членов их семей, мигрантов-сезонников, рабочих-фронтальеров и нелегальных иммигрантов общая численность мигрантов значительно выше (в 4-5 раз). Более половины из них являются выходцами из развивающихся стран. Две трети таких мигрантов работают в индустриально развитых странах (1). За счёт международной миграции в 2005-2010 годах население развитых стран увеличивалось в среднем на 2,2% в год, а население развивающихся стран сокращалось на 0,5% (5).

Слово «гастарбайтер» в России до недавнего времени фактически было синонимом термина «нелегальный мигрант». Это связано с тем, что коренные жители стран ближнего и дальнего зарубежья мигрировали в Россию прежде всего в поисках работы, а регистрация была невыгодна как работодателям, так и им самим. Кроме того, получение официальной регистрации было затруднено многочисленными бюрократическими барьерами и окружено преступными

группировками, подвизающимися в деле выдачи фальшивых документов. С 2002 г. работа ФМС России была переориентирована на борьбу с незаконной миграцией, а в 2006 г., после пилотных экспериментов в ряде регионов, амнистия для нелегальных мигрантов была объявлена по всей стране. Кроме того, были приняты законы, регулирующие трудовую деятельность неграждан на территории России, предусматривающие большие штрафы для работодателей, использующих труд иностранных рабочих, не имеющих официальной регистрации.

Реальностью для России является постоянный приток низкоквалифицированной рабочей силы из стран дальнего и ближнего зарубежья, имеющих невысокий уровень жизни. Безработица гонит коренное население бедных стран в более богатые регионы, в том числе и в Россию.

На теоретическом и практическом уровне проблемы гастарбайтеров и нелегальных мигрантов, являясь практически одинаковыми, продолжают оставаться малоизученными. Разнообразие трактовок понятия «нелегальные мигранты» мешает как исследователям этих процессов, так и политикам. Особенно опасным является существование подобной теоретической неразберихи на государственном уровне. На деле получается, что каждое принимающее государство в лице иммиграционных служб даёт свою трактовку понятия «нелегальный мигрант». В силу каких обстоятельств можно рассматривать мигранта как лицо, нелегально находящееся на территории государства: нелегальный въезд (без визы, надлежащих проездных документов или нелегальное пересечение границы в недозволенном месте); нелегальное пребывание или проживание (с просроченной визой, без регистрации и т.д.); нелегальный выезд (аналогично въезду)? У разных государств свой подход к трактовке этого понятия, что фактически приводит к нарушениям прав огромного количества иммигрантов.

Корректная дефиниция «незаконного мигранта» и «незаконной миграции» не является абстрактной проблемой. Терминологическая точность представляется очень важной как для дальнейших исследований, так и для разработки законодательства в этой области. Можно использовать определение «незаконного мигранта» из проекта терминологического словаря Международной организации по миграции, согласно которому это иностранец, въезжающий в страну вне пунктов контроля, избегающий досмотра официальными лицами, получающий разрешение на проживание обманным путем или вступающий в фиктивный брак для того, чтобы обойти иммиграционные законы. Незаконный мигрант тот, кто: а) не имеет законных (юридических) документов для въезда в страну; б) въезжает с фальшивыми документами; в) въезжает в страну с оформленными по закону документами, однако остаётся сверх разрешенного срока, или иным

образом нарушает правила въезда и пребывания. Зачастую по этим позициям нет единства как внутри одного государства, так и в международной политике. Законодательная неразбериха, усиленная многочисленными трактовками этого понятия через СМИ, пагубно отражалась и на научном анализе проблемы миграции, и на результатах конкретной социальной работы с мигрантами.

В России была принята Федеральная миграционная программа, утверждённая Президентом РФ 9 августа 1994 г., на основе которой принималась аналогичная программа на 1998-2000 годы. В Федеральной миграционной программе были установлены субъекты вынужденной, внутренней и незаконной миграции, выяснен статус лица, в отношении которого применяются ограничения на право въезда и пребывания в РФ.

До сих пор в России отсутствуют достоверные количественные оценки нелегальной миграции. По данным ФМС МВД РФ даже после ужесточения миграционного законодательства в стране осталось порядка 5–7 млн нелегалов, в основном выходцев из стран СНГ. По оценкам экспертов Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, их численность составляет около 4 млн человек. Некоторые эксперты увеличивают эту цифру до 10 млн нелегалов.

В общем потоке нелегальных мигрантов в Россию более 40% составляют выходцы из республик бывшего СССР, не прошедшие в установленные сроки регистрацию в органах внутренних дел. Примерно столько же составляют иммигранты из стран дальнего зарубежья, въехавшие в Россию на законных основаниях, но с иной целью, чем указано ими при пересечении государственной границы. Около 7% – это иностранные граждане и лица без гражданства, прибывшие в поисках убежища, но по разным причинам не получившие статус беженца. Остальная часть нелегалов – это иностранцы, работающие по контрактам, срок действия которых истёк; студенты, не пожелавшие вернуться к себе на родину после завершения обучения; «транзитные» мигранты, прибывшие в Россию с намерением ехать дальше в другую страну. Только в 2000 г. российские пограничники не пропустили в страну более 1 тыс. человек, пытавшихся с помощью поддельных документов продолжить свой путь в страны Западной Европы. Согласно данным ФМС МВД РФ, в 2006 г. по решению судов из России были выдворены 55 тыс. иностранцев, в 2007 г. депортированных стало на 40% меньше.

Проблема незаконной миграции имеет международный контекст. По данным МОТ, около трети потока международной миграции в мире сегодня не контролируется. Правительства многих стран мира (США, Канады, Австралии, Японии) уделяют всё больше внимания выработке мер, направленных на со-

кращение незаконной миграции. Последствия нелегальной иммиграции – это давление на занятость в различных сферах трудовой деятельности; расширение теневой экономики; изъятие из финансового оборота значительной доли денежных средств; обострение ситуации на рынке труда и вытеснение фирм и работников страны приёма; криминализация бизнеса; формирование противоборствующих национальных кланов и др. (4).

При рассмотрении международных трудовых миграций сегодня часто используется разработанный Международной организацией труда (МОТ) термин «трудящийся-мигрант», который означает лицо, мигрирующее из одной страны в другую с намерением получить работу иначе, чем за собственный счёт, и включает всякое лицо, допускаемое в соответствии с законом в качестве трудящегося-мигранта.

Согласно Международной конвенции о правах трудящийся, мигрант – это лицо, которое будет заниматься, занимается или занималось оплачиваемой деятельностью в государстве, гражданином которого оно не является.

Наряду с потоком иностранных рабочих, не имеющих легального статуса, в России в конце XX в. стал нарастать поток легальных трудовых мигрантов, количество которых в идеале, благодаря усилиям миграционных служб, должно приблизиться к количеству всех иностранцев, работающих на территории нашей страны.

Миграция является важным источником восполнения дефицита экономически активного населения в большинстве развитых стран, как в перспективе, так и в настоящее время. Тенденция к расширению использования иностранной рабочей силы – характерная черта занятости в современной российской экономике. За годы реформ наша страна вошла в тройку ведущих мировых центров иммиграции (после США и Германии). В среднем в 1992–2002 годах США ежегодно принимали 925 тыс. человек, Германия – 865 тыс. Для России соответствующий показатель был на уровне 610 тыс. человек в год. Однако реалии финансово-экономического кризиса заставили государство в 2008 г. в три раза снизить квоту на рабочие места для трудовых мигрантов из-за рубежа. По словам главы ФМС России К. Ромодановского, квота с 6 млн человек в 2007 г. была снижена до 2 млн человек в 2008 г. Это было сделано с целью освобождения рабочих мест для российских граждан.

Официальное привлечение работников из-за рубежа вызвано рядом причин. Прежде всего, это связано с тем, что на некоторых территориях в массовом порядке появляются рабочие места, малопривлекательные для местного населения. Кроме того, растёт число предприятий с участием иностранного капитала, где трудится много иностранцев, а также сохраняется практика деятельно-

сти иностранных компаний на территории России в форме реализации ими договоров подряда, по которым в 2001 г. трудились 39% привлечённых иностранцев. Развитие на российском рынке труда альтернативных форм занятости, связанных с расширением частного сектора, способствовало этому процессу. Геополитическое переустройство бывшего постсоветского пространства и развал крупных промышленных предприятий в бывших республиках СССР, более прочное экономическое положение и более высокий уровень жизни в России по сравнению со странами СНГ, Азии, Африки, Ближнего и Среднего Востока – всё это повлияло на количество легальных и нелегальных трудовых мигрантов, стремившихся въехать в нашу страну.

В последнее десятилетие рабочая сила в Россию привлекалась из более чем ста стран. Из общего числа привлечённых (1,9 млн человек) 48,8% – это граждане стран СНГ и 51,2% – из других государств. Бесспорный лидер по предоставлению рабочей силы среди всех стран (32,6%) и ещё в большей мере среди стран СНГ – это Украина. Среди остальных стран – это Китай, Турция и Вьетнам. Около 90% иностранных рабочих – это мужчины, две трети которых – в возрасте до 40 лет. Главная отрасль привлечения иностранцев – это строительство (от 40 до 50% в последние годы). В этой отрасли из общего количества прибывших трудовых мигрантов из бывшей Югославии используется до 90% рабочих, из Турции – до 80%, из Армении – 65%, из КНДР – 55%, из Украины – 45%. На второе место вышла торгово-кредитная деятельность (23% в 2001 г.), в которой до недавнего времени было занято большинство мигрантов из Вьетнама и Китая.

Более половины общего количества иностранных рабочих трудятся в 5 регионах страны – это Москва, Московская область, Приморский край, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа. Много иностранных рабочих во всех мегаполисах России. В 2008 г. на территории Курганской области законно трудились 710 иностранных работников. В январе-феврале 2009 г. их число возросло до 1106 человек.

В 2007 г., по данным Всемирного банка, в Россию приехали 12,1 млн человек. Страна по числу мигрантов оказалась на втором месте в мире после США. Мигранты перевели в свои страны 11,4 млрд дол. (без учёта наличных денег). Парламент РФ считает, что в России в начале XXI в. насчитывалось 10-15 млн человек, пребывание которых не было должным образом оформлено. Это во многом нарушало национальные интересы страны в части вопросов общественной безопасности, создания недобросовестной конкуренции на рынке труда. Мигрантов использовали как дешёвую рабочую силу, нарушая права человека.

В 2000 г. в докладе Организации Объединённых Наций «Замещающая миграция: является ли она решением проблемы сокращения численности и старения населения?» дан определённый ответ на вопрос, нужна ли миграция развитым странам. В этом документе однозначно утверждается, что иммиграция является единственной реальной альтернативой депопуляции в ближайшие десятилетия. Т. Сobotка приводит такие данные о вкладе иммигрантов в регистрируемую рождаемость в европейских странах: доля рождений у женщин-мигранток в общем числе рождений составляла в 2004-2006 годах 11-15% в Австрии, Дании, Италии, Франции, 17-19% – в Бельгии, Германии, Испании, Нидерландах и Швеции, 22% – в Англии и Уэльсе, 26% – в Швейцарии (6). Такая же перспектива стоит и перед Россией.

В Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года выделены следующие приоритеты демографического развития в области миграции:

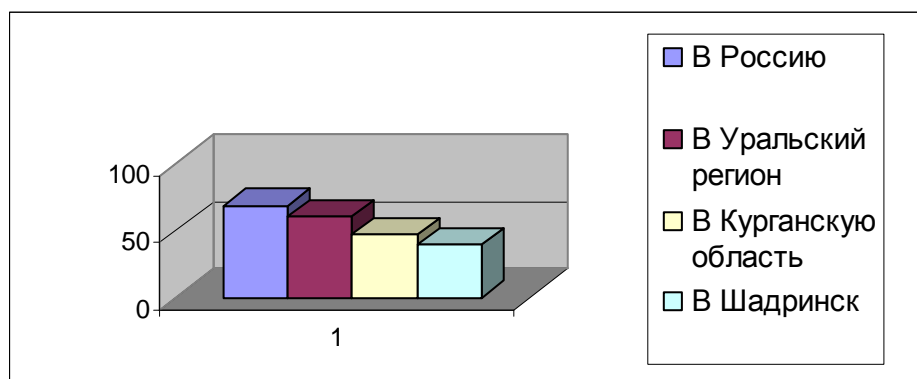
- привлечение иммигрантов в Россию, в первую очередь из государств СНГ и Балтии;
- создание экономических условий для сокращения эмиграции и сохранения научно-технического, интеллектуального и творческого потенциала;
- проведение комплекса правовых, организационных и финансовых мер, направленных на легализацию и адаптацию иммигрантов в РФ;
- совершенствование законодательства, касающегося защиты прав вынужденных мигрантов и регулирования миграционных процессов.

Это правильные меры, способствующие решению демографических проблем. Однако появляются новые проблемы, связанные с толерантностью коренного населения к приезжим. Проблемы толерантности вообще и в контексте взаимодействия этнических мигрантов с местным населением принимающих социальных сообществ стали занимать важное место как особый раздел исследований в социологии миграции (4), в социальной работе.

По подсчётам исследователей во второй половине XXI в. мигранты и их потомки могут превысить половину населения России. Масштабная миграция – это единственный способ противостоять снижению численности населения, но способ опасный, поскольку чреват разного рода угрозами (2).

В 2004 г. мы опросили 930 жителей г. Шадринска Курганской области. Результаты исследования показывают, что ответы на вопросы общего плана, не касающиеся непосредственного пересечения интересов горожан и мигрантов, характеризуются позитивным отношением к переселенцам. Так, половина опрошенных относится к мигрантам положительно и более трети – нейтрально. Реальное пересечение материальных интересов россиян и мигрантов не может

не влиять на отношение к переселенцам, но, видимо, такое пересечение не является острой угрозой для большинства горожан.

Диаграмма 3. Количество жителей г. Шадринска, положительно оценивающих приток вынужденных мигрантов (2004 г.)

Нужно отметить, что на мнение респондентов значительно влияет место расселения мигрантов. Тенденция такова, что в целом горожане не против появления вынужденных переселенцев в России, но чем ближе они размещаются конкретно к искомому городу, тем менее положительно оценивают этот факт респонденты.

Эти результаты свидетельствуют, что положительное отношение к мигрантам со стороны россиян носит прожективный характер. В принципе они ничего против мигрантов не имеют, если интересы переселенцев не пересекаются с их интересами. Когда вопросы касаются непосредственного размещения репатриантов или оказания им помощи, количество положительных ответов значительно уменьшается. Мнение россиян детерминировано страхом потери ресурсов, объёма власти и статусных позиций, что возможно в условиях возрастания количества приезжих, хотя такая угроза непосредственно не осознаётся большинством респондентов. Это влияние носит косвенный характер, но становится первостепенным в условиях реального пересечения интересов этих двух групп.

Очевидно, что проблема не только в россиянах и в интолерантности их настроений по отношению к приезжим. Огромное значение имеет и то, как настроены сами мигранты из стран дальнего и ближнего зарубежья. Приезжают ли они только заработать, и тогда не ставят перед собой проблем адаптации и аккультурации на территории России, или они мигрируют в составе семьи, надеясь получить российское гражданство.

Роль социальных служб в разрешении проблемы интолерантности и мигрантофобии может быть очень значительной. В процессе своей адаптации

приезжие нуждаются в помощи, особенно женщины, дети и пожилые люди. Процесс аккультурации чрезвычайно болезнен, и мало кто может пройти его быстро и без ущерба. Психологическая, юридическая, материальная и иная помощь социальных работников, общественных организаций может помочь снять напряжённость в регионе или населённом пункте между коренными жителями и приезжими. Понятно, что социальные службы имеют право работать только с людьми, имеющими российское гражданство, но по мере нарастания потока мигрантов, видимо, направления работы этих служб будут расширяться.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Как соотносятся следующие понятия: «нелегальный мигрант», «гастарбайтер» и «трудоустроенный-мигрант»?
2. Какими причинами вызвано легальное привлечение рабочей силы в Россию из-за рубежа?
3. Из каких стран в основном привлекается рабочая сила в нашу страну и в каких отраслях экономики прежде всего заняты «гастарбайтеры»?
4. Назовите приоритеты демографического развития в области миграции из Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года.
5. Какие задачи могут стоять перед социальными работниками в процессе адаптации трудоустроенных-мигрантов?

Список литературы

1. Алисов Н.В., Хореев Б.С. Экономическая и социальная география мира (общий обзор). – М., 2001. – С. 150-151.
2. Нарышкина А. Для сохранения численности России нужны мигранты: [данные из доклада А. Вишневого] // Известия. – 2004. – 25 апреля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.izvestia.ru/news/289519>
3. Моисеенко В.М. Динамика миграционной активности населения в современной России // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. – 2001. – № 4. – С. 70.
4. Юдина Т. Н. Социология миграции: Учебное пособие для вузов. – М.: Академический проект, 2006. – С. 13-15, 28-30.
5. Щербакова Е. Международная миграция: тенденции и перспективы // Демоскоп Weekly: Электронная версия бюллетеня «Население и общество». 2009. № 399-400. Режим доступа: <http://demoscop.ru/weekly/2009/0399/tema01.php>
6. Захаров С., Сурков С. Миграция и рождаемость в России // Там же. Режим доступа: <http://demoscop.ru/weekly/2009/0399/tema01.php>

Внутренние мигранты

Внутренние массовые миграции населения были вызваны, прежде всего, урбанизацией. Переселение сельского населения в города захватило сотни миллионов жителей планеты. Масштабы этого вида миграций так велики, что они получили название «великого переселения народов XX века». В развитых странах этот процесс закончился на уровне примерно 80% урбанизации. По итогам всероссийской переписи населения 2002 г. в городах проживает 73% россиян. С 1926 по 1970 год количество горожан в России возросло с 18% до 62%. Этому способствовали процессы индустриализации в экономике. Сегодня наблюдается некоторый отток населения в сельскую местность. В целом в ряде развитых стран начался процесс дезурбанизации.

В странах мира, отличавшихся незначительной и неравномерной плотностью населения, получил распространение и такой вид миграций, как освоение новых районов за счёт внутренней миграции. В нашей стране расселение шло с запада на восток, и внешняя миграция имела меньшее значение, чем внутренняя. В 1990-х годах начался обратный отток населения из районов Севера, Сибири и Дальнего Востока в европейскую часть страны. Это было обусловлено такими факторами, как отсутствие постоянных заработков и льгот в осваиваемых экономических регионах, прекращение финансирования ряда государственных программ и связанное с этим свертывание производственного и жилищного строительства, а также рост безработицы в этих регионах. Начавшийся в начале XXI века новый виток освоения территорий Севера, Ямала и Дальнего Востока приведёт к появлению потоков трудовых мигрантов из других регионов России.

В конце XX века сначала на территории СССР, а потом в России появились внутренние мигранты нового типа – это «вынужденные мигранты» или «внутренние перемещённые лица». Но этот официальный статус люди, переезжающие из зон военных конфликтов в более спокойные регионы страны, стали получать лишь с 1992 г. – года образования ФМС. Основной поток этих переселенцев был с территории Чечни и из зоны ингушско-осетинского конфликта. В общем потоке официальных вынужденных переселенцев (из стран СНГ и внутрироссийских мигрантов) внутренние перемещённые лица из зон военных конфликтов на территории России составляли примерно 12-13%. Только с 1992 по 1996 год такой статус получили 138201 переселенец из Чечни и 7453 мигранта из зоны ингушско-осетинского конфликта. Многие из них разместились в лагерях беженцев в соседних южных регионах, но значительная часть таких вынужденных мигрантов направлялась в Центры временного размещения (ЦВР). В

течение 1992-1995 годов в России было создано 24 центра для вынужденных мигрантов из стран СНГ и для внутренних перемещённых лиц. В начале 1996 г. в ЦВР проживало 15878 человек.

На территории Курганской области работали три ЦВР, два из которых к 2002 г. были закрыты по причине уменьшения потока переселенцев. Центр в селе Батурином Шадринского района действовал вплоть до 2005 г. За более чем десятилетний срок работы этот центр постоянно принимал как вынужденных переселенцев из стран СНГ, так и мигрантов из Чечни.

Внутренним вынужденным мигрантам постоянно оказывалась помощь и со стороны международных организаций. Помощь шла через Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ), Международную организацию по миграции (МОМ), Международный Красный крест и др. Эти организации помогали осуществлять эвакуацию населения из зон военных конфликтов, обеспечивали беженцев гуманитарной помощью, помогали обеспечить их жильём, пытались улучшить санитарные условия в лагерях для беженцев, оказывали консультативную помощь, работали с переселенческими организациями и т. д. Так, например, МОМ только на помощь Чечне затратила 5 млн дол.

Создание этнических диаспор, в том числе и в тех населённых пунктах, где работали ЦВР, то есть концентрация представителей этносов, нетрадиционных для данной местности, как и в случае с гастарбайтерами, стало серьёзной этносоциальной проблемой. Так, например, по данным социологических опросов в Оренбуржье, наибольшая неприязнь отмечена к чеченцам (24,6%) и выходцам из закавказских республик (12,8%). 38% опрошенных отметили, что в их отношении к переселенцам играет роль такой фактор, как национальная принадлежность (1).

Раздражает местных жителей и деловая активность этнических диаспор: чеченской, азербайджанской, цыганской и др. К тому же зачастую предпринимательство этнических группировок носит незаконный характер. Неравномерность распределения доходов в обществе (по некоторым оценкам, в целом около 70% российской собственности принадлежит представителям неславянских народов) также может вызывать межнациональные распри и неприязнь. Примеров этому немало: разгром магазинов, принадлежащих чеченцам, коллективные требования выселить из определённых населённых пунктов даргинцев, цыган, армян, погромы на рынках и прочее (2). Опросы среди студенческой молодёжи в разных регионах страны также показали, что неприязненное отношение вызывают главным образом не особенности быта или образа жизни тех или иных

этнических групп, а характер деятельности их представителей, способы достижения ими материального благополучия*.

Результаты этого опроса среди москвичей уже в 1991-1993 годах выявили проблему неприязненного отношения к людям других национальностей, приезжающих на работу и постоянное место жительства в Москву (21,3%). Общеизвестно, что в дальнейшем эта ситуация практически во всех регионах только усугубилась. Значительно чаще, чем в предыдущие годы, среди причин, вызывающих межнациональную напряжённость, респонденты в 1993 г. называли миграцию. В Ставрополе она даже вышла на первое место (47% против 17% в 1992 г.). Значительная часть москвичей (39%) в октябре 1993 г. заявляли, что способ улучшения межнациональных отношений – это «очистить Москву от приезжих».

В Стратегии государственной молодёжной политики РФ (18 декабря 2006 г.) приводятся следующие данные: 35% россиян в возрасте 18-35 лет испытывают раздражение или неприязнь к представителям иной национальности, а 51% этой возрастной категории одобрили бы решение о выселении за пределы региона некоторых национальных групп.

При изучении мнения жителей Курганской области в 2001 г. выяснилось, что 62,5% опрошенных чеченцев «чувствуют неприязненное отношение окружающих представителей других национальностей». Стереотипное восприятие, сформированное СМИ при освещении результатов двух чеченских войн, не может не влиять на отношение к представителям чеченских диаспор в любом регионе страны. Переломить эту ситуацию довольно сложно, и работники социальных служб должны с этим считаться. Реальностью является тот факт, что каждый пятый из опрошенных жителей области разделяет справедливость лозунга «Россия для русских», либо считает, что представители любой национальности должны жить на своей этнической территории.

Пятая часть опрошенных нами в 2004 г. жителей г. Шадринска Курганской области продемонстрировала значимость для них национальности мигрантов. Причём представители этой группы наибольшую антипатию проявили к переселенцам из Чечни (47,3%).

Подобные настроения отмечаются и в других регионах России. Так, например, в Ставропольском крае было официально зарегистрировано 200-250 тыс. вынужденных мигрантов, и проблема их приживаемости стоит довольно

---

* Исследования проводились в 1991-1993 годах в Петрозаводске, Москве, Оренбурге, Уфе, Ставрополе, Черкесске, Нальчике, Махачкале, Улан-Удэ, Якутске, Абакане, Ростове-на-Дону, Пензе, Челябинске, Чите при финансовой поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований.

остро. С начала 1990-х годов в Ставропольском крае стрессовая миграция вышла на первый план, оттеснив по значимости другие виды миграции. Притягательность края связана с благоприятным климатом и другими природными условиями. Одной из важных черт Ставропольского края является его приграничное положение. На территории региона в свое время были организованы и действовали первичные пункты приёма вынужденных мигрантов, в которых оказывали помощь гражданам, пострадавшим в Чеченской Республике. Через эвакуационные пункты в Ставрополе и Минеральных Водах прошли и получили необходимую помощь около 200 тыс. человек. Многие мигранты из Чечни приняли решение остаться на территории края. Немаловажной причиной является наличие заранее подготовленных мест для поселения рядом с родственниками и знакомыми вынужденных переселенцев. Одной из причин являлось и желание вернуться на прежнее место проживания. Таким образом, граничащий с Чечнёй Ставропольский край испытывал большую миграционную нагрузку. И в настоящее время по числу вынужденных мигрантов он занимает место в верхней части списка регионов России. Основная часть вынужденных мигрантов прибывала в Ставропольский край из Чеченской Республики (65%), относительно велика доля беженцев из Азербайджана (13,5%), Грузии (7,6%), Таджикистана (4,9%), Казахстана (около 5%).

Социальная инфраструктура Ставропольского края не была рассчитана на значительное число беженцев и вынужденных переселенцев. В крае создалась напряжённая социально-экономическая ситуация. Приток мигрантов способствовал росту цен на недвижимость, обострению конкуренции на рынке труда, снижению уровня жизни населения, обострению других социальных проблем, в первую очередь в области образования и здравоохранения, усилению националистических настроений. Данные причины вынуждали принимать ограничения на приём и регистрацию мигрантов. Но такие меры вступали в противоречие с федеральным законодательством с точки зрения соблюдения прав граждан РФ на свободу перемещения, выбор места пребывания и место жительства в пределах своей страны. В создавшейся обстановке, помимо вынужденных мигрантов, уязвимым становится и само общество, которое их принимает. Приток населения не всегда сопровождается возможностью решения проблем трудоустройства, жилья, медико-социальной и психолого-педагогической помощи. Это, в свою очередь, порождает социальные болезни: рост преступности, негативное отношение общества к мигрантам, дестабилизацию общества в психолого-педагогическом аспекте: эмоциональную напряжённость, апатию, неверие во власть, чувство обречённости, социальной заброшенности. Всё это в значительной степени повышает роль социальных служб в конкретных регионах

страны, в том числе и в Курганской области, несмотря на то, что мониторинги показывают довольно спокойный характер межнациональных взаимоотношений на территории Зауралья.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Охарактеризуйте потоки внутренних мигрантов на территории России.
2. Какие международные организации, занимающиеся проблемами мигрантов, вы знаете?
3. Известны ли вам факты проявления мигрантофобии на национальной почве в нашем регионе? Как вы их оцениваете?
4. Какие причины, по вашему мнению, могут вызывать негативное отношение коренных жителей к переселенцам других национальностей?
4. Разработайте анкету для изучения общественного мнения жителей Зауралья по отношению к нерусским переселенцам.

Список литературы

1. Назарова Е. А. Особенности современных процессов миграции // Социологические исследования. – 2000. – № 7. – С. 110.
2. Рязанцев С. В. Этнические мигранты на Ставрополье // Социологические исследования. – 2000. – № 7. – С. 114.

Эмигранты

Во второй половине 80-х годов XX века в СССР была официально разрешена эмиграция в страны дальнего зарубежья. Опасения насчёт её возможных огромных масштабов не подтвердились. Поток выезжающих в Израиль, Германию, США и др. страны, довольно полноводный в конце 1980-х – начале 1990-х годов, позднее стал относительно немногочисленным. Из России в дальнее зарубежье выехало немногим более 1 млн человек.

Одним из главных факторов, влияющих на эмиграционный поток, стал этнический. К активным эмиграционным нациям принадлежат евреи, немцы, греки, довольно значительную долю эмигрантов составляют русские. В 1990-е годы география эмиграции русских была значительно шире, чем евреев и немцев. Около 50% из них направлялось в Германию, более 20% – в Израиль, 12% – в США. Доля русских в эмиграционном потоке из России в США постоянно увеличивалась – к 1994 г. она составляла 42,4%, в 1998 г. – 63,9%, в 2000 г. – 65% (1).

Пик еврейской эмиграции пришёлся на начало 1990-х годов: в 1990 г. выехало 44922 человека, в 1991 г. – 45086 эмигрантов. В последующие годы эта цифра уменьшается и составляет 20-25 тыс. человек в год.

В целом эмиграционный поток из России в страны дальнего зарубежья вырос многократно. Если в 1987 г. страну покинуло всего 9,7 тыс. эмигрантов, то за 1992-1995 годы их число возросло в 188 раз и составило почти 340 тыс. человек. За весь этот период из страны (в дальнее и ближнее зарубежье) выехало около 1,9 млн человек. Основная масса эмигрантов направлялась в страны СНГ и Балтии (более 67%), в Германию (23,4%), Израиль (3,9%) и США (2,1%) (4). Миграционное сальдо со странами дальнего зарубежья было отрицательным: за 1992-2002 годы из России эмигрировало на 1,2 млн человек больше, чем иммигрировало (1).

Миграция в страны дальнего зарубежья имеет практически безвозвратный характер. В настоящее время в потоке эмиграции из России в эти страны можно выделить следующие группы: выезд интеллектуалов, творческой интеллигенции, спортсменов, малоквалифицированных работников.

Наиболее важной и болезненной для России является проблема «утечки умов», или интеллектуальная эмиграция. Кроме выезда элитных специалистов, что само по себе очень тревожно, страну покидают высокообразованные люди. Если среди россиян 13,3% имеют высшее и незаконченное высшее образование, то среди эмигрантов оно более чем у 20%. Эта диспропорция увеличивается при рассмотрении образовательных характеристик эмигрантов в отдельные страны. Среди российских граждан, выехавших в Австралию, высокий уровень образования имели 60%, в Канаду – 59%, в США – 48% и в Израиль – 32,5%. Почти каждый десятый из выехавших – кандидат или доктор наук (6). Наиболее распространён выезд учёных и молодых исследователей по временным контрактам, что также реально способствует росту эмиграции. По оценке И. Ушкалова, постоянно проживающая за границей российская научная диаспора насчитывает 30 тыс. человек, число «контрактников» в 4 раза выше – около 120 тысяч (5). Есть и такие данные: количество российских специалистов в области высоких технологий и программирования, работающих в США, оценивается в 130 тыс. человек, в Германии – 50 тыс. человек. Вероятность того, что эти люди вернуться назад в Россию, очень невелика.

Способствует «утечке умов» и увеличение граждан РФ, обучающихся за рубежом. Так, в США в 1993/94 учебном году обучалось 1582 российских студента, в 1995/96 – уже 5589, а в 1998/99 – 6609 человек. В середине 1990-х годов в университетах 33 стран мира насчитывалось примерно 13 тыс. студентов-россиян, проходящих курс полного или включённого (1-2 семестра) обучения,

причём 80% из них обучались в 4-х странах: США, Германии, Франции, Великобритании. Только США аккумулируют около 40% российских студентов. Интернет-опрос студентов-россиян, обучающихся за границей в 2000/2001 учебном году, показал, что вероятность их возвращения на родину очень низкая – всего 20-25% (3). Нужно учесть, что это только намерения студентов, и реальный процесс может внести коррективы в их миграционные планы, но всё же эти цифры далеко не в пользу России.

Страну покидают учёные и высококвалифицированные специалисты, на подготовку которых затрачены огромные средства. По результатам опроса 2200 студентов элитарных московских вузов было установлено, что от 15 до 20% будущих выпускников могут в ближайшие годы уехать из страны (9-12% из них – безвозвратно).

По оценкам специалистов ЦЭМИ РАН, в 1990 г. экономические потери бывшего СССР из-за «утечки умов» превысили 75 млрд дол. Расчёты, проведённые Министерством науки РФ в начале 1990-х годов, показали, что отъезд одного специалиста равнозначен потере Россией 300 тыс. дол. В середине 1990-х годов комиссия Совета Европы по образованию оценивала ежегодный ущерб России от выезда из неё специалистов высокой и высшей квалификации примерно в 50 млрд дол. (2).

Среди стран въезда интеллектуальных мигрантов лидируют развитые страны – прежде всего США, Канада, Австралия, страны Европейского Союза. Среди стран, выражающих заинтересованность в импорте российского интеллектуального потенциала, можно выделить и страны, которые ещё недавно относили к «третьему миру», – это Китай, Южная Корея, КНДР, Бразилия, Аргентина, Мексика и ряд арабских стран.

Существуют различные прогнозы масштабов эмиграции из России в западные страны на 2015 г.: от 7 млн до 11 млн человек. Потенциал этнической эмиграции уже значительно уменьшился, хотя Германия и Израиль готовы и дальше принимать россиян по этническому принципу. Другие страны Европы и США к российской эмиграции относятся осторожно, хотя и готовы принять некоторое количество высококвалифицированных специалистов. Этот факт, а также потребности развитых стран в малоквалифицированной рабочей силе привели к росту незаконной миграции, в том числе и из России. И хотя миграционная политика стран Западной Европы сегодня направлена на создание «менее благоприятных условий» для вынужденных мигрантов (в 1997 г. только 11% из людей, просивших убежища в этих странах, были признаны беженцами), количество нелегалов и ищущих убежища не сокращается. Значительное

количество россиян ищут убежища в 24-х странах мира. В 2001 г. их было 16,9 тыс. человек, что в 3 раза больше, чем в 1998 г. (6).

Известны две основные модели взаимодействия материнского государства со своей диаспорой: репатриационная и диаспоральная.

Репатриационная модель представляет собой политику возврата представителей этноса в родную страну.

Диаспоральная модель заключается в содействии нормальному развитию и функционированию этноса в других странах, в защите его интересов.

В мировой практике используются обе эти модели. Например, курс на репатриацию характерен для Германии и Израиля, а диаспоральная модель – для Китая и Кореи.

С распадом Советского Союза, когда за пределами России оказалось около 25 млн русских, появились все основания рассматривать их как русскую диаспору. На протяжении 1990-х годов и в начале XXI века Россия так и не выработала однозначного подхода в решении проблем эмиграции и русской диаспоры как в странах ближнего, так и в государствах дальнего зарубежья. Россия подписала межправительственные соглашения по внешней трудовой миграции с ФРГ, Финляндией, Швейцарией, Китаем, Польшей, Словакией. С одной стороны, в 1990-е годы с бывшими республиками СССР были заключены двухсторонние и многосторонние соглашения, частично регулирующие положение и права русской диаспоры. Но, с другой стороны, многочисленные нарушения прав русских в странах Балтии не нашли адекватного ответа со стороны России. Русские, живущие там, вынуждены обращаться в Гаагский суд для защиты своих интересов, так как защиты со стороны российской власти они не чувствуют.

Справедливости ради нужно сказать и о том, что последние 15 лет с переменным успехом, с многочисленными отступлениями и попытками исправить ситуацию Россия прилагает некоторые усилия для возвращения русскоязычных на свою родину. С 1992 по 2002 годы на это была направлена, несмотря на её очевидные минусы, вся миграционная политика, а предложения Президента РФ В.В. Путина в 2006 г. о мерах содействия нашим соотечественникам, возвращающимся на родину, явно можно рассматривать как меры в рамках репатриационной политики.

Таким образом, однозначной и чётко очерченной модели отношения к русской диаспоре за рубежом Россия пока не имеет. В странах дальнего зарубежья русские и русскоязычные наши соотечественники представляют относительно немногочисленные группы и довольно быстро растворяются в населении тех стран, где живут. А в странах ближнего зарубежья, в бывших республиках СССР, несмотря на ущемления прав русских в 1990-е годы, до сих пор положе-

ние наших соотечественников признаётся как бы «нормальным» – ведь они почти «дома» или всегда могут вернуться. Однако в этих странах проживает сегодня более 15 млн русских, и Россия обязана определить своё отношение к русской диаспоре. Необходимо продолжать активную социальную работу как с потенциальными эмигрантами для снижения их количества, так и с соотечественниками за рубежом (в первую очередь в странах СНГ), способствуя их возвращению в Россию. Для этого нужны серьёзные миграционные программы. Значительной в этом направлении может быть и работа социальных служб.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Охарактеризуйте миграционный поток из России в 1990-е годы. Какую часть этого потока составляла эмиграция в страны дальнего зарубежья?
2. Назовите и охарактеризуйте эмиграционные группы? Какие из них являются наиболее проблематичными для России?
3. Что вам известно о прогнозах масштабов эмиграции из России?
4. Дайте характеристику моделей взаимодействия материнского государства со своей диаспорой.
5. Какая модель сегодня принята в миграционной политике России?
6. Какие страны способствуют импорту интеллектуального потенциала из России?
7. Подберите материал и приготовьте сообщение на тему «Проблема эмиграции молодёжи в России».
8. Составьте анкету для изучения миграционных планов молодёжи.

Список литературы

1. Бутов В. И. Демография. – М.; Ростов н/Д., 2005. – С. 199, 208.
2. Витковская Г. С., Панарин С. А. Миграция и безопасность: выбор аналитической парадигмы // Миграция и безопасность в России. – М., 2000. – С. 136-137.
3. Леденёва Л. И. Профессионально-миграционные намерения российских студентов, обучающихся за рубежом // Социологические исследования. – 2002. – № 10. – С. 94-101.
4. Россия в цифрах. 1996. – М.: Финансы и статистика, 1996. – С. 29-30.
5. Ушкалов И. Интеллектуальная эмиграция и безопасность // Миграция и безопасность в России. – М.: Интердиалект, 2000. – С. 128-130.
6. Юдина Т. Н. Социология миграции: Учеб. пособие для вузов. – М.: Академический проект, 2006. – С. 9-10, 17.

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

Трудности и этапы адаптации мигрантов

Проблема адаптации мигрантов до сих пор является одной из самых сложных и теоретически многозначных. Общим положением является мнение, высказываемое большинством учёных, о стрессогенном воздействии новой культуры, с которой сталкиваются мигранты в результате географического передвижения. Контакт с иной культурой вызывает нарушение психического здоровья, более или менее выраженное психическое потрясение, для обозначения которого в кросс-культурной психологии в 1970-1980-е годы был введен термин «культурный шок». Это понятие было введено американским антропологом Ф. Боком. Гипотеза культурного шока основана на том, что опыт новой культуры является неприятным или шоковым отчасти потому, что он неожидан, а отчасти потому, что он может привести к негативной оценке собственной культуры. Индивид оказывается в чужом обществе и испытывает значительные трудности в общении и удовлетворении своих потребностей, он ощущает себя беспомощным и дезориентированным.

Многие психологи были не согласны с приведённой выше формулировкой (1). Они писали, что такое состояние индивида не соответствует понятию «шок» и тем процессам, которые происходят с человеком в момент шока, ведь мигрант продолжает действовать, сохраняя ресурс приспособительных возможностей, и не «выпадает» из реальности. В этом случае точнее термин «стресс», который тем и отличается от шока, что индивид способен воспринимать окружающее, перестраиваться в соответствии с характером и силой воздействия новой культуры.

С начала 1990-х годов более предпочитаемой и адекватной моделью изучения психологической адаптации мигрантов считается так называемый «стресс аккультурации». Аккультурация означает феномен, появляющийся тогда, когда группы индивидов из разных культур вступают в непосредственный и продолжительный контакт, последствиями которого являются изменения элементов оригинальной культуры одной или обеих групп. Согласно теории аккультурации, разработанной Дж. Берри, этот процесс связан с двумя основными проблемами: поддержанием «своей» культуры (в какой степени признается важность сохранения культурной идентичности) и участием в межкультурных

контактах (в какой степени следует включаться в иную культуру или оставаться среди «своих») (2).

Итак, культурный стресс – это состояние психики индивида, попавшего в новую и незнакомую ему среду или же среду, по сложности значительно превосходящую информационную насыщенность прежней его среды обитания. Здесь действует не один резко неблагоприятный фактор, как обычно при шоке, а совокупность в целом неблагоприятных факторов (раз люди там живут благополучно). Так что суть дела заключена в самой множественности факторов, каждый из которых совместим с жизнью (а может даже и благоприятствовать ей), но при условии, что к нему произошла адаптация.

Культурный стресс могут порождать следующие обстоятельства:

- новизна обстановки, неизвестность;
- темп жизни, характерный для определённого места;
- повышенная сложность и многокомпонентность среды;
- особого рода упорядоченность жизнедеятельности, отличающаяся от той, к которой индивид привык раньше (1).

Существует ряд теорий, которые могут быть использованы для объяснения психологического состояния мигрантов в чужих странах. Первая, выросшая в рамках психоаналитической традиции, – это теория *страдания* (горя) или *лишения* (утраты), которая рассматривает миграцию как опыт утраты (социальных связей, близких, положения, имущества и т. д.). Теория *ценности ожиданий* утверждает, что адекватность ожиданий мигрантов от жизни в новой стране прямо влияет на их адаптацию. Теория *ценностных различий* объясняет культурный шок столкновением систем ценностей. При этом считается, что степень различий в ценностях между страной выхода и страной поселения мигрантов прямо пропорциональна количеству трудностей, переживаемых человеком в процессе адаптации. Одна из наиболее интересных и глубоких теорий, пытающихся объяснить механизм культурного шока, – теория *социальной поддержки*. Суть этой теории заключается в том, что поддержка со стороны других людей препятствует психическим расстройствам и обеспечивает психологический комфорт личности. О важности развития социальных сетей для материальной поддержки и психологической адаптации мигрантов к новой социально-культурной среде говорят многочисленные исследования, указывающие на связь численности группы, в которую входит мигрант, с успешностью его адаптации.

Расширение иммиграционной экспансии в Европу во второй половине XX в. заставило правительства этих стран выбирать собственный путь регулирования возникающего общества с культурным и этническим разнообразием. Сего-

дня известны три способа такого урегулирования: *ассимиляция, дифференциальное исключение и мультикультурализм.*

Ассимиляция определяется как политика включения мигрантов в общество через односторонний процесс адаптации: ожидается, что иммигранты поступят своими отличительными лингвистическими, культурными и социальными характеристиками и станут неотличимыми от большинства населения. Роль государства в ассимиляции заключается в создании условий, благоприятных для индивидуальной адаптации и трансформации культуры и большинства ценностей (например, через настойчивость в использовании доминирующего языка и обучения в школах детей мигрантов).

Дифференциальное исключение (сегрегация) может быть охарактеризовано как ситуация, когда иммигранты временно объединены в определённые социальные подсистемы и включены только в некоторые области жизнедеятельности общества (прежде всего в трудовой рынок), но лишены доступа к другим. Исключение может быть воспроизведено через юридические механизмы (отказ в гражданстве или различия между правами граждан и неграждан), а также через неофициальные методы, такие как дискриминация.

Мультикультурализм подразумевает готовность большинства общества принять культурное различие и в соответствии с этим изменять соответственно социальное поведение. Представление официальной политики мультикультурализма произошло первоначально в Канаде (1971 г.) и Австралии (1973 г.). Сегодня целостная политика мультикультурализма существует, кроме названных стран, в Швеции. В ряде стран мультикультурализм проявляется только в определённых областях, например, в образовании (9).

Психологическая адаптация является частью общего процесса социальной адаптации мигрантов. Психологи пишут, что на новом месте жительства мигранту предстоит выдержать большую адаптивную нагрузку:

- установить множество новых связей;
- выработать оценку новых объектов, процессов, явлений, а кое-что из прежнего переоценить;
- установить благоприятные для жизни отношения с новыми людьми и выработать определённое отношение в целом к реалиям новой жизни;
- выработать новые жизненные привычки.

При этом мигранту предстоит и сохранить себя в новых условиях, и разумно измениться под их влиянием (1).

С позиций социологического подхода социальная адаптация представляет собой объективно необходимый процесс вхождения индивида (группы) в новую социальную среду и освоения среды, такого их взаимодействия и взаимно-

го приспособления, в результате которого создаются условия не только для осуществления личностью её потребностей и жизненных целей, но и для прогрессивного изменения самой адаптирующей среды (4). Из такого понимания следует, что приспособление общества к интересам людей создает условия для более глубокой адаптации личности и её самореализации, а адаптированность личности способствует интеграции общества, его стабильному развитию. В противном случае можно говорить об односторонней, а значит, неполной адаптации. В такой трактовке понимания социальной адаптации внимание исследователя сосредотачивается на *процессе и результате* приспособления как индивидов к социуму, так и общества к социальным субъектам.

Социальная адаптация как процесс и результат вхождения человека в новую социокультурную среду зависит от его ценностных ориентаций и целей, от возможностей их достижения в соответствующей социальной среде и от принятия индивидом новой социальной роли.

Логика современной жизни диктует более сложное и всестороннее понимание социальной адаптации. Общесоциологическим законом является усложнение и ускорение общественного развития. XX век продемонстрировал необычайную интенсивность развития общественных процессов, в основе которых лежит ускорение научно-технического развития (НТР). С одной стороны, можно наблюдать продолжающуюся дифференциацию общественной жизни на базе существования социально-политических, культурно-национальных и религиозных сообществ, а с другой стороны, мировое сообщество обречено на неминуемую интеграцию, на взаимопроникновение культур. НТР и существование глобальных проблем современности вынуждают землян объединяться. Мы не будем останавливаться на сложностях и проблемах такого объединения, нас интересует другая сторона интеграции. Благодаря модернизации средств передвижения и массовых коммуникаций, а также благодаря политическим изменениям, многие страны стали открытыми, активно впитывающими технический и культурный опыт всего человечества. Несмотря на политическую и культурно-этническую дифференциацию, этот процесс идёт неумолимо. Следствием этого процесса, в частности, является быстрое изменение жизни народов разных стран, приобщение к общемировым процессам, активное заимствование многообразного опыта других этносов. Каждый этнос имеет собственную логику развития, но мировая интеграция неумолимо заставляет его постоянно приспосабливаться и к мировой тенденции, и к региональным и административным особенностям отдельных сообществ, в состав которых он включён. Таким образом, целые народы вынуждены находиться в постоянном состоянии адаптации, приспособления к быстроменяющимся общественным условиям. Кроме того, от-

дельные страны время от времени революционно обновляют и собственный опыт, вступают в полосу трансформации и быстрых перемен.

Всё вышесказанное относится и к России, народы которой вынуждены были быстро приспосабливаться не только к огромному количеству общемировых изменений, но и параллельно адаптироваться в трансформирующихся условиях собственного политического и экономического пространства. И этот процесс ещё не закончен.

Адаптация в условиях мировой интеграции и быстрых общественных изменений превращается в центральное понятие, в основной критерий и даже в требование современного этапа развития. Сегодня каждый вынужден находиться в постоянном состоянии адаптации, но оставаться до конца не адаптированным, так как на смену приспособления к одним условиям приходят новые перемены в стране и цивилизации в целом. Люди находятся в состоянии «догоняющей» адаптации, и эта гонка является способом их существования, способом овладения общественными условиями.

Некоторые процессы адаптации мигрантов изучались ещё до распада СССР (5). Социологическая литература конца 1980-х – начала 1990-х годов не могла предвосхитить изучение проблем вынужденной миграции, с которыми Россия столкнулась после распада Советского Союза. Социологами в 1990-е годы было проведено большое количество исследований на тему адаптации переселенцев из стран ближнего зарубежья (6).

Многие исследователи отмечают многоуровневость адаптации мигрантов. Изучая проблемы детерминации адаптационного поведения переселенцев, мы пришли к выводу, что нужно выделить четыре уровня их адаптации: к условиям России в целом; к условиям определённого региона; к условиям конкретного населённого пункта; к условиям среды непосредственной жизнедеятельности (микросреды).

При анализе процессов адаптации особое значение имеет разговор и о критериях адаптированности. В социологии существуют различные подходы к анализу критериев и показателей результатов социальной адаптации (7).

В качестве критерия успешности адаптации мигрантов можно принять комплекс объективных и субъективных показателей. Объективными показателями эффективности можно считать степень фактического приспособления на всех уровнях (к России в целом, к региону; наличие жилья, работы, сложившийся круг общения; желание остаться жить в стране, в регионе, в населённом пункте) и достижение того же уровня социального статуса, какой переселенцы имели в стране исхода (или улучшение статуса); субъективными критериями –

мнение мигрантов об эффективности адаптации, их самоощущение, самооценку, чувство удовлетворённости от выполненного решения о переезде в Россию.

Мигранты попадают в очень сложное положение, так как процесс перемещения из одной страны в другую – это перемещение из одной системы господствующих ценностей и стереотипов в другую. Кроме того, разные страны в разной степени интенсивности включены в систему адаптации к общемировым условиям, поэтому довольно часто переселенцам приходится менять и темп, и способ адаптации, что диктуется условиями и требованиями принимающей страны.

Не будем забывать, что мигранты вынуждены адаптироваться одновременно на всех четырёх уровнях действительности: к условиям современной России; к условиям конкретного региона; к условиям определённого населённого пункта и к непосредственной среде жизнедеятельности. Процесс привыкания осложняется тем, что мигранты вынуждены адаптироваться на всех уровнях одновременно, но при этом избежать или упорядочить эти процессы не в их воле. И здесь они находятся в более сложном положении, чем внутренние мигранты: переселенцы не имеют запаса времени, чтобы постепенно приспособиться к условиям России или одного из регионов. С другой стороны, нельзя утверждать, что успешность адаптации на первом уровне предопределяет успех приспособления на последующих уровнях, хотя адаптация на разных уровнях и может быть взаимосвязана. Субъективная самооценка успешности адаптации со стороны мигрантов может основываться как на успехе адаптации к среде жизнедеятельности, так и на самом факте переезда в Россию (что уже воспринимается как успех и большой вклад в будущее своей семьи, детей). Можно предположить, что из всех уровней адаптации мигрантов наиболее значимыми и одновременно болезненными, являются два последних уровня: к условиям населённого пункта и к микросреде общения. Именно по адаптации к ним будут измерять свой жизненный успех мигранты. А условия России и конкретного региона, скорее всего, находятся для них на втором месте по значимости, что не отрицает их первостепенной важности для некоторых отдельных мигрантов.

Фактически процесс адаптации начинается у потенциальных мигрантов ещё в стране исхода, так как решение об эмиграции они принимают не сразу, иногда это может растягиваться на несколько лет.

В случае вынужденной миграции русских из стран СНГ нужно обратить внимание на многоуровневость процесса адаптации переселенцев. Они были вынуждены одновременно актуализировать свою собственную этничность, глубже осознавая себя русскими; адаптироваться к подобной этнической актуализации коренных народов постсоветских государств; а также одновременно решать проблемы аккультурации в России. Вся эта многоуровневая система эт-

нической адаптации вынужденных мигрантов оказывалась «вложенной» в общемировые и региональные процессы политических, экономических и социальных изменений, к которым также необходимо было одновременно привыкать. Вынужденная миграция в Россию в восприятии многих переселенцев действительно имела трагический характер, что было детерминировано как неблагоприятными факторами выезда, так и в большинстве своём не очень благоприятными факторами в стране предназначения, которые, однако, обещали перспективу спокойной, стабильной жизни на основе объединения, как со своим этносом, так и с этнической родиной, а часто и с родственниками.

Таким образом, этничность миграционных потоков может быть причиной кризиса идентичности у мигрантов. Переезд даже в этнически близкую страну так или иначе приводит к разрыву с привычной культурой, а таким образом к смене ценностных ориентаций, мотивов деятельности, стереотипов поведения и мышления на индивидуальном уровне. Мигрантов в период их адаптации в России можно считать этномаргинальной группой, так как они являются носителями других ценностно-культурных стереотипов поведения, испытывая при этом психологическую раздвоенность (3). Рост количества маргиналов – это серьёзная проблема для любой страны.

Необходимость одновременной и многоуровневой адаптации в разрезе «страна исхода – страна предназначения» – это ещё одно обстоятельство, осложняющее аккультурацию переселенцев. Ввиду особых этнических характеристик потока мигрантов на постсоветском пространстве проблему столкновения различных этнических интересов и стереотипов в процессе адаптации нужно изучать отдельно. Особой проблемой является разрушение прежней идентичности и необходимость приобретения новой. Это очень сложный и противоречивый процесс, замедляющий адаптацию.

Нужно отметить и проблему противоречивости уровней адаптации субъектов миграции: отпускающая и принимающая общности, а также сама мигрирующая группа, к которой и в составе которой тоже нужно адаптироваться.

Этничность миграционных потоков как проблема адаптации переселенцев и фактор интолерантного отношения со стороны россиян особенно заметны на примере трудовой миграции из стран дальнего и ближнего зарубежья.

Потоки трудовых мигрантов обладают и другими социальными характеристиками, мешающими развитию их идентичности с российским социумом.

Трудности адаптации обуславливают и гендерные характеристики. Около 90% иностранных рабочих – это мужчины, две трети которых – в возрасте до 40 лет.

Опрос ста гастарбайтеров в г. Кургане весной 2009 г. показал, что возрастное распределение трудовых мигрантов практически соответствует общерос-

сийским показателям. Подавляющее большинство опрошенных трудовых мигрантов являются лицами мужского пола (70%). Доказанным является факт худшей адаптивности мужчин по сравнению с женщинами, что в случае трудовой миграции осложнено разрывом семейных связей и территориальной удалённостью от семьи и детей. Опрос в Кургане засвидетельствовал, что 94% гастарбайтеров имеют семьи, и подавляющее большинство из них страдают от разлуки (85%). Тот факт, что 39% респондентов ежемесячно отсылают своим близким большую часть заработка, а 55% – примерно половину, только подтверждает значимость семейных связей в культуре приезжих. Однако потребности, ценности, поведенческие практики у мужчин, долго живущих в отрыве от семьи, могут претерпевать существенные изменения.

Превалирование в составе трудовых мигрантов семейных мужчин активного трудового возраста, с одной стороны, позволяет российскому государству решать проблемы наполнения рынка труда, но, с другой стороны, мало способствует решению демографической проблемы. По данным опроса в Кургане 37% трудовых мигрантов планируют вернуться на родину. Опрос на территории Свердловской области осенью 2009 г. нерусских детей школьного возраста, имеющих родителей-гастарбайтеров, показал, что 30% трудовых мигрантов планируют в ближайшее время вернуться назад, и это при том, что проблема разрыва с семьёй перед ними не стоит.

Гендерные характеристики этого потока, к сожалению, способствуют обострению проблемы мигрантофобии, нарастанию интолерантности со стороны коренных жителей, так как недоверие к «чужим и пришлым» основывается на позиционировании мужских качеств и свойств характера мужчин-мигрантов. Данные МВД о состоянии преступности среди мигрантов на территории России лишь подтверждают, что эти страхи небезосновательны. В милицейских сводках о преступлениях против личности женщины-мигранты практически отсутствуют.

Нет нужды доказывать, что незнание или плохое знание языка народа, в составе которого ты пытаешься адаптироваться, является важнейшим фактором аккультурации. Существование языкового барьера было отмечено как сложность сбора информации при опросе гастарбайтеров в Кургане. 40% опрошенных детей мигрантов в Свердловской области признались, что не знали русского языка до переезда в Россию, выявляя тем самым эту проблему и в отношении родителей. Эту особенность потока трудовой миграции фиксируют социологи и работники УФС. Данное обстоятельство минимизирует возможность полноценного взаимного культурного обмена, преодоления существующих стереотипов восприятия и поведения, что затрудняет процесс социальной адаптации и

развития идентичности с социумом страны приёма. Принятие в Таджикистане в марте 2010 г. решения об отмене второго государственного языка, каким был русский язык, показывает, что постсоветские страны либо не понимают сложности этой проблемы, либо не хотят понимать.

Социальный статус многих иммигрантов понижен по сравнению с тем, какой они имели в своих странах. На российском рынке труда иммигранты занимают в основном не требующие высокой квалификации рабочие места, на которые не претендует местное население (8). С одной стороны, это соответствует по российским меркам довольно низкому уровню образования приезжих, среди которых, как показал опрос в Кургане, подавляющее большинство имеют среднее образование и ниже, а высшее – только 1%. Но, с другой стороны, большинство приезжих (81%) работают либо не по специальности, либо без наличия соответствующей квалификации.

Тот факт, что отпускающие страны не соответствуют России по уровню урбанизированности, обуславливает следующую особенность миграционного потока: переселенцы, зачастую будучи выходцами из сельской местности или из небольших поселений, в России стремятся обустроиться в крупных городах, не имея культурного опыта жизни в мегаполисе.

Существенным фактором, влияющим на процесс адаптации и идентичности трудовых мигрантов с принимающим сообществом, являются жилищные условия. Данные опроса в Кургане показали, что только половина мигрантов проживают в относительно благоприятных условиях: на съёмных квартирах, у знакомых, в рабочих общежитиях (54%). Остальные вынуждены жить в помещениях, мало приспособленных для этих целей, зачастую не отвечающих элементарным санитарным нормам. Треть респондентов ютятся в приспособленных помещениях (например, в строительных вагончиках), ещё 13% живут прямо на рабочем месте (в подсобных помещениях строительных площадок). При этом мигранты живут кучно, на одной жилплощади селится много человек, и даже при наличии съёмной квартиры или комнаты в общежитии они не имеют нормальных условий проживания. Опрос детей мигрантов в Свердловской области показал, что более 70% гастарбайтеров занимают одно- и двухкомнатное жильё, однако в большинстве семейств (71,5%) на такой жилплощади размещается от 4 до 7 человек. Мигранты, семьи которых остались на родине, стремятся селиться ещё более скученно, что обусловлено необходимостью экономии средств для помощи семье. Кроме того, идентичности с местным населением не способствует стремление мигрантов к обособленному расселению, к «капсулированию», к созданию этнических кварталов.

К обозначенному перечню социальных характеристик трудовых мигрантов можно добавить гендерные особенности взаимоотношения половых групп, принятые в их культурах, повседневные бытовые и досуговые практики, гендерно-семейные нормы, нормы культуры труда и многое другое. В российском социуме ещё не выработаны способы включения мигрантов в сообщество. Готовы ли россияне принять особенности мигрантов и готовы ли сами мигранты принимать и уважать российскую культуру?

Из наиболее сложных проблем адаптации опрошенные в Кургане мигранты отметили экономические трудности (низкий размер заработка, отсутствие работы в связи с кризисом), жилищную необустроенность и сложность оформления легального статуса, в том числе получения двойного гражданства. Несмотря на это, почти все респонденты (97%) отмечают улучшение материального положения их семей, что означает, что мигранты осознанно идут на определённые жертвы для обретения более значимых выгод. Проблема общения с культурно чуждыми людьми волнует лишь 13% иноэтничных мигрантов. Материальный эффект работы «на выезде» оказался решающим фактором для положительной оценки мигрантами своего уровня адаптации. Признавая наличие ряда проблем, они склонны оценивать собственный опыт скорее положительно: лишь пятая часть респондентов сообщили о том, что пока не могут адаптироваться к жизни в России.

Противоречивость российской миграционной политики тоже можно отнести к факторам, влияющим на адаптацию мигрантов. Это выражается в том, что, с одной стороны, миграция из стран ближнего зарубежья на территорию России объявляется положительным явлением, способствующим восстановлению трудовых кадров, демографического потенциала и т. д. А с другой стороны, государство фактически не выработало эффективных механизмов регулирования процессов миграции, не говоря уже о механизмах эффективной адаптации, аккультурации приезжих. Через СМИ внушается идея дисфункциональности миграционных процессов, мигрантов, прежде всего трудовых, обвиняют в ухудшении состояния всего российского социума, начиная с преступности и заканчивая проблемой ресурсов.

Эти сложности в системе адаптации мигрантов, с одной стороны, являются обстоятельствами, затрудняющими нарастание идентичности переселенцев из стран ближнего и дальнего зарубежья с россиянами, а с другой стороны, служат способом своеобразного отбора тех, кто решился на переезд в нашу страну, кто уверен, что сможет преодолеть все преграды на пути адаптации.

Важным является и определение цели социальной адаптации, её эффективности. Многие учёные писали в 1990-е годы и пишут сейчас о необходимо-

сти интеграции мигрантов и коренных жителей как о цели адаптации переселенцев в России. Однако если по отношению к вынужденным мигрантам, в составе которых было до 80% русских из бывших республик СССР и которые возвращались в Россию безвозвратно, ехали на родину (что и служило основой интегративности), можно говорить о полном объединении переселенцев с россиянами, об их взаимотолерантном слиянии, то нынешняя ситуация существенно отличается. По отношению к современному потоку нерусских трудовых мигрантов из стран дальнего и ближнего зарубежья, которые едут с целью заработать средства к существованию для своих семей, оставшихся «дома», и далеко не всегда рассчитывают стать гражданами России, навряд ли можно говорить об интеграции как о цели их социальной адаптации. Правильнее работать над нарастанием идентичности приезжих и коренных жителей. Идентичность как цель адаптации может иметь разную степень глубины в зависимости от целей приезда, которые формулируют для себя мигранты.

Сэмюэль Хантингтон, известный американский учёный, пишет, что идентичность – это отождествление себя с группой, позиционирование себя (чем я отличаюсь от других).

Источниками идентичности являются следующие факторы:

- 1) естественные (семья, род, клан, пол, раса, возраст);
- 2) экономические (работа, доход);
- 3) территориальные (страна, регион, двор, улица);
- 4) культурные (языковая среда, региональная среда, национальная среда).

Таким образом, трудовые мигранты, приезжая в Россию, имеют объективные основания для нарастания идентичности с россиянами. Важно, чтобы у них формировались установки на достижение такой идентичности. В этом процессе большую роль может сыграть принимающая их на территории нашей страны диаспора, деятельность руководителей диаспоры.

Сложности в системе адаптации мигрантов можно глубже понять, анализируя стадии этого процесса, что позволяет представить их в логически-временном разрезе. При выделении этих стадий мы опирались как на результаты собственных опросов мигрантов, так и на результаты других авторов.

Можно выделить следующие *стадии адаптации* переселенцев на территории России. Критерий их выделения – комплексный, где стадии перемещения связаны с успехами постепенного нарастания идентичности с новым культурным сообществом.

Как правило, адаптация к новой социокультурной реальности начинается уже в стране исхода. Это *стадия преадаптации*, когда формируются мотивы миграции. На этой стадии идёт активная подготовка к успешной адаптации че-

рез сбор информации об образе жизни нового культурного сообщества, через актуализацию старых связей и знакомств с членами культурной группы, близких и дальних родственных связей. Некоторые мигранты на этом этапе предпринимают «разведку местности» с целью закладывания основ будущей адаптации. Большое значение здесь имеет подготовка необходимых документов, решение формальных вопросов, а также выбор механизма миграции. И совершенно особое значение имеет выбор места миграции, выбор конкретного региона и населённого пункта. Чем более тщательно будет проделана вся подготовительная работа на этом этапе, тем менее болезненна будет сама адаптация. Но могут быть и исключения из этого правила.

Следующая стадия – *адаптация во время самого перемещения*. В процессе переезда от выбора его способа и особенностей зависит и характер первого столкновения с членами принимающей группы. Здесь мигранты извлекают полезный опыт, получают новую информацию, завязывают новые знакомства, делают первые попытки изучения нового сообщества. Во многом именно на этом этапе начинается стресс аккультурации, острота которого зависит от целой суммы обстоятельств внешнего характера и от особенностей самих мигрантов, в частности от их гендерных характеристик.

Стадия первичной адаптации продолжается, по нашим наблюдениям, от полугода до двух лет. Этот этап привыкания характеризуется тем, что переселенцы испытывают сильную потребность в общении с членами мигрантского сообщества. В получении помощи и в оказании её они ориентируются, прежде всего, на других мигрантов, приехавших из этой же страны или того же населённого пункта. На этом этапе, как правило, возникают обособленные мигрантские поселения или сообщества. Именно в этот период мигранты склонны осуществлять вторичную миграцию в пределах России в поиске близкого культурно-этнического окружения. На этой стадии возможно возвращение в страну исхода, что знаменует собой неудачу в процессе адаптации в новом сообществе. Стресс аккультурации имеет здесь своё пиковое проявление, разрешаясь в конце этапа. От способа разрешения стресса аккультурации зависят характеристики следующего этапа адаптации.

Стадия вторичной адаптации может длиться до 5-7 лет. Переход на эту стадию означает успех в аккультурации, что делает маловероятным возможность возвращения в страну исхода. Адаптанты пристраивают систему социальных сетей уже не только внутри мигрантского сообщества, но и внутри всей принимающей группы. Они перестают воспринимать трагично и с удивлением культурно-этнические особенности принимающей группы. Стресс аккультурации заканчивается идентификацией с новым сообществом. Мигранты, раство-

ряясь среди коренных жителей, из «чужих» превращаются в полноправных членов принимающей группы. Процесс адаптации заканчивается.

Процесс адаптации конкретного индивида или семьи не всегда укладывается в эту схему, не все мигранты полностью проходят эти этапы. Это зависит от многих внешних и внутренних факторов, которые требуют особого анализа. Кроме того, не все мигранты ставят своей целью достижение полной идентичности с коренными жителями. На внешнюю необходимость сохранения собственного этноса накладываются внешние неблагоприятные факторы, детерминирующие поведение потенциальных мигрантов в стране исхода. Эта же внешняя необходимость сохранения этничности и такие же внешние факторы продолжают влиять на адаптацию мигрантов и в стране предназначения, конечно, с учётом специфики их проявления в ином социально-политическом и культурно-этническом пространстве. Таким образом, существенное влияние на процесс приспособления переселенцев к новой жизни оказывает то, что они попадают в иную геополитическую ситуацию, в другие социальные условия, в новые экономические обстоятельства. Как правило, особенно на первых порах, уровень жизни мигрантов снижается.

С целью уточнения специфики проявления вышеобозначенных факторов среди самых важных проблем, детерминирующих адаптацию мигрантов, можно особо выделить следующие: уровень жизни в регионе прибытия; оформление российского гражданства и получение прописки; трудоустройство; психологические проблемы привыкания к новому месту жизни и к новому кругу общения; материальные и организационные проблемы приобретения жилья; особенности работы миграционной службы и других социальных служб; ухудшение здоровья в условиях резкой смены климата; взаимоотношения с местными жителями, а также зачастую проблемы одиночества в решении всех вышеперечисленных задач. Решение каждой из этих проблем в отдельности требует огромного напряжения всех сил. Как правило, мигранты вынуждены решать все эти проблемы одновременно.

Новая геополитическая ситуация, иные экономические и социальные условия России по сравнению со странами ближнего и дальнего зарубежья, откуда прибывают мигранты, фактически предстают перед ними в виде конкретных условий и обстоятельств жизни в определённом регионе страны, в конкретном населённом пункте, где вынуждены адаптироваться переселенцы. Таким образом, на процесс адаптации мигрантов значительно влияет уровень жизни в регионе и населённом пункте, где они планируют жить.

Российская миграционная политика и степень гарантированности прав в нашей стране фактически предстают перед мигрантами в виде проблемы полу-

чения российского гражданства, регистрации в ФМС и адаптации в конкретном населённом пункте.

В следующих разделах остановимся подробнее на некоторых факторах и обстоятельствах, определяющих успешность адаптации мигрантов на территории России. Социальный работник, пытающийся оказать помощь мигрантам, лучше, чем они сами, должен знать трудности, с которыми предстоит столкнуться переселенцам.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Объясните сущность понятия «социальная адаптация».
2. Какие теории используются для объяснения психологического состояния мигрантов в стране приёма?
3. Охарактеризуйте понятия «культурный шок» и «стресс аккультурации». Кто их авторы?
4. Какие факторы в стране приёма мигрантов могут вызывать у них культурный стресс?
5. Какая теоретическая модель изучения психологической адаптации мигрантов начала использоваться в начале 1990-х годов?
6. Объясните сущность следующих понятий: ассимиляция, дифференциальное исключение и мультикультурализм.
7. Какие сложности адаптации мигрантов можно выделить?
8. Как социальные особенности современного потока трудовых мигрантов осложняют их адаптацию на территории России?
9. Назовите и охарактеризуйте этапы адаптации переселенцев.
10. Что такое догоняющая адаптация?
11. Почему мигранты с точки зрения адаптивности находятся в более сложном положении, чем коренные жители?

Список литературы

1. Бондырева С. К., Колесов Д. В. Миграция (сущность и явление). – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж, 2004. – С. 163, 176-179.
2. Ионцев В. А., Лебедева Н. М., Назаров М. В., Окорочков А. В. Эмиграция и репатриация в России. – М.: Попечительство о нуждах Российских репатриантов, 2001. – 490 с.
3. Сергеева О. А. Роль этнокультурной и социокультурной маргинальности в трансформации цивилизационных систем // *Общественные науки и современность*. – 2002. – № 5. – С. 104-113.
4. Свиридов Н. А. Адаптационные процессы в среде молодёжи (дальневосточная ситуация) // *Социологические исследования*. – 2002. – № 1. – С. 90-95.
5. См., напр.: Миграция населения в больших городах СССР. – М., 1990. – С. 40-41; Евтух В. Б. Иммигранты в инонациональной среде: проблемы адаптации // *Миграции и мигранты в мире капитала: исторические судьбы и современное положение: Сб. науч. тр. / АН УССР, Ин-т социал. и эконом. пробл. зарубеж. стран, Ростов. ун-т им. В. Пика*. – Киев: Наукова думка, 1990. – С. 170-179.
6. См. напр.: Назарова Е. А. Особенности современных процессов миграции // *Социологические исследования*. – 2000. – № 7. – С. 106-110. (1997 г., Оренбуржье, объём выборочной

совокупности 600 человек, генеральная совокупность – 9018 чел.); Дубовый Л. М., Константинов В. В. Психологические проблемы компактно проживающих вынужденных мигрантов // Психологические проблемы профилактики экстремизма в российском обществе: Сб. мат. всероссийской науч.-практ. конф. – Пенза, 2002. – С. 15-16. (Опрошены вынужденные переселенцы, компактно проживающие в Ульяновской и Пензенской области); Дощицин Ю. П., Лапин Н. Н. Вынужденные переселенцы в крупном промышленном городе Сибири // Социологические исследования. – 1995. – № 9. – С. 96-99. (Были проанкетированы 207 вынужденных мигрантов, поселившихся в Новокузнецке, а также использованы для анализа первичные учётные документы территориальной миграционной службы за 1992-1994 гг.); Бритвина И. Б., Киблицкая М. В. Жизнь мигрантки в моногороде: Монография. – М.: Книгодел, 2004.

7. См., напр.: Гордон Л. А. Социальная адаптация в современных условиях // Социологические исследования. – 1994. – № 8, 9; Шабанова М. А. Социальная адаптация в контексте свободы // Социологические исследования. – 1995. – № 9. – С. 81-88; Свиридов Н. А. Адаптационные процессы в среде молодёжи (дальневосточная ситуация) // Социологические исследования. – 2002. – № 1. – С. 90-95.
8. Тюрюканова Е. В., Леденева Л. И. Ориентации детей мигрантов на получение высшего образования // Социологические исследования. – 2005. – № 4.
9. Юдина Т. Н. О социологическом анализе миграционных процессов // Социологические исследования. – 2002. – № 10. – С. 102-103.

Материальные проблемы мигрантов

Изменение уровня жизни и, как правило, его снижение по сравнению со страной исхода, – это также важнейший внешний фактор детерминации адаптационного поведения мигрантов. Проблемы легализации и гарантированности прав являются крайне важными, но очевидно, что адаптация на новом месте жительства происходит менее болезненно в том случае, если решены проблемы достижения приемлемого уровня жизни. Наличие работы в этом случае правильнее поставить на первое место, так как оно даёт ощущение определённости, жизненной перспективы, уверенности. А для трудовых мигрантов начала XXI в. успех в поиске рабочего места является мерилем успешности переезда в принципе.

Близкой к проблеме трудоустройства является и проблема жилья. Жилищный вопрос в России остро стоит для многих граждан, но для мигрантов он превращается в препятствие, по успешности преодоления которого они меряют успех своей адаптации в стране въезда (1).

Проблемы развития естественно-антропологической сферы и положение в ней мигрантов характеризуют процесс натурализации, территориальной реабилитации и адаптации мигрантов, то есть включение их в принимающее общество, по крайней мере, на уровне бытовом, повседневном, создания первичных

условий реализации элементарных прав. В отношении беженцев и вынужденных переселенцев существуют специальные законы, которые в 1990-е годы позволяли мигрантам получать жильё (2). Так, например, в Ставропольском крае на приобретение и строительство жилья для переселенцев из федерального бюджета в 1998 г. краевой миграционной службе было выделено 11,6 млн рублей, на которые приобретены 27 квартир, а в 1999 г. почти на 11,5 млн рублей – 86 квартир и ещё 60 было построено на основе долевого участия. Кроме этого, за два года миграционной службой края были предоставлены долговременные беспроцентные ссуды на строительство или приобретение жилья 661 семье. Ссуда выделялась на десять лет, в среднем по Ставропольскому краю она составляла 21 тыс. рублей на одну семью, однако средств на всех не хватало. Напомним, что с 2002 года ФМС перестала заниматься такими проблемами мигрантов, будучи переориентированной на борьбу с незаконной миграцией.

Несмотря на различные социальные программы помощи мигрантам, проблема получения жилья является актуальной и для репатриантов в развитых странах. Немецкие социологи писали в середине 1990-х годов о том, что в их стране 21% опрошенных мигрантов получили квартиру в течение первого года, на втором году эта доля поднялась до 68% и на третьем – до 89% (5). Хотя исследователи отмечали, что на востоке Германии ситуация хуже, эти цифры значительно рознились с данными решения жилищной проблемы для мигрантов из стран ближнего зарубежья в России.

Количественный опрос русскоязычных вынужденных мигрантов, поселившихся в г. Шадринске Курганской области (4), показал, что женщины испытывают гораздо больше трудностей в этом плане по сравнению с мужчинами. Среди самых трудноразрешимых проблем в группе респондентов, не адаптировавшихся в России, проблему жилья назвали 65,7% женщин и 42,1% мужчин. Среди тех, кто уже частично адаптировался, жильё лучше, чем в стране исхода, смогли приобрести 14,8% мужчин и всего 1,8% женщин. И даже давность переезда мало влияла на эту пропорцию. Среди тех, кто живёт в России более десяти лет, лучшее жильё смогли себе позволить в два раза меньше женщин, чем мужчин (8,3% и 15,8% соответственно). А женщины, имеющие высокий уровень образования, ещё в большей степени отстали от такой же группы мужчин по показателю получения жилья «лучше, чем было в прежней стране»: 8% и 23,4% соответственно. Таким образом, на адаптацию влияет и качество приобретённого жилья. Большинство мужчин приобрели жильё такое же или лучше, чем в стране исхода, а большинство женщин – такое же или хуже.

Как правило, материальная сторона уровня жизни мигрантов в России существенно ниже тех показателей, которые были у них в странах исхода, а мно-

гие не могут добиться такого уровня долгие годы или вообще никогда. Переезд в худшие с материальной точки зрения условия – это особенность вынужденной миграции 1990-х годов в России. Но здесь нужно уточнить, что имеется в виду тот уровень жизни в странах исхода, который был до их суверенизации. В конце XX века произошло существенное снижение уровня жизни населения новых постсоветских стран, а некоренного – в особенности. Поэтому переезд в Россию был для русскоязычных одновременно и попыткой решения материальных проблем, и переезжающие из сельской местности или многодетные и малоимущие могли в результате переезда с помощью ФМС существенно повысить свой уровень жизни.

Если говорить о влиянии материального фактора на трудовых мигрантов из стран дальнего и ближнего зарубежья, то нужно уточнить, что он имеет иную степень важности в силу того, что эти переселенцы изначально ориентированы на зарабатывание денег в ущерб разрешению ряда своих жилищно-бытовых проблем. Однако это не означает, что такая ситуация является приемлемой для принимающего сообщества. Опрос конца 2009 г. 70-ти подростков 11-15-ти лет из семей трудовых мигрантов, проживающих в городах Свердловской области, показал, что 44,3% гастарбайтеров живут в съёмном жилье, причём по степени благоустройства 15,7% жилья – это комната в общежитии. Пятая часть семей опрошенных респондентов ютятся в однокомнатном жилье, и половина семей – в двухкомнатных квартирах, хотя большинство трудовых мигрантов (около 70%) живут по 4-7 и более человек в одной комнате.

В отношении трудовых мигрантов российское государство не берёт на себя ответственность за обеспечение их жильём. За условия проживания иммигрантов в соответствии с Федеральным законом «О миграционном учёте иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ» ответственность несут работодатели, а работники ФМС должны это контролировать.

Среди личностных факторов адаптации мигрантов потребность в повышении статусных позиций проявляется через потребность в достижении такого же уровня жизни, какой был у них в стране исхода. От степени удовлетворения этой потребности зачастую зависит и успешность адаптации в России. Для удовлетворения этой потребности переселенцы используют самые различные стратегии: от надежд на помощь государства до активизации самозанятости.

С. В. Рязанцев, анализируя результаты опросов вынужденных мигрантов в Ставропольском крае, делает вывод, что предпринимательская инициативность мигрантов достаточно высока. Так, 58% опрошенных заявили, что по прибытии на новое место жительства у них возникло желание открыть свое дело. Правда, реализовать деловой потенциал удалось далеко не всем. Основными источни-

ками доходов мигрантов являются заработная плата и пенсии (65%), и только 1/4 часть переселенцев живет за счет доходов от предпринимательской деятельности и случайных заработков (5).

Не всё зависит от личных усилий мигранта. Дело в том, что при одинаковых способностях на рынке труда главную роль в выборе претендента на искомое рабочее место играет фактор «мигрант/немигрант». Это обстоятельство особенно сильно действует в небольших городах. Чтобы преодолеть его, мигранты в своих профессиональных достижениях и в упорстве должны быть намного выше остальных претендентов из местных жителей. По сравнению с коренными россиянами, имеющими связи и знакомства, они должны тратить гораздо больше сил и времени для достижения цели.

В начале нового века в отношении трудовых мигрантов эта проблема выглядит иначе. Гастарбайтеры заполняют ниши трудовых вакансий, на которые местное население не претендует в силу низкой оплаты некоторых видов труда и низкостатусности неквалифицированного труда. Однако возникает проблема нарушения прав трудовых мигрантов. Опрос ста гастарбайтеров в 2009 г., работающих в Кургане, показал, что разрешение на работу, отсутствие которого фактически делает трудовую деятельность нелегальной, имела только половина из опрошенных трудовых мигрантов (55%). Лишь 4% опрошенных были зарегистрированы в налоговых органах Кургана и имели индивидуальный налоговый номер. Продолжительность рабочего дня была оговорена при трудоустройстве лишь у 41% респондентов; режим работы и отдыха обговорили 19% опрошенных. Более половины респондентов (59%) трудятся более восьми часов в день, причём каждый пятый (23%) работает более 10 часов ежедневно. Бытовые проблемы трудящиеся мигранты решают преимущественно самостоятельно, 46% респондентам работодатель обеспечивает проживание и лишь 18% – питание.

Система блокирования мобильности даже в сфере частного бизнеса, где, казалось бы, многое зависит от самого человека, действует по отношению к мигрантам в первую очередь. Но те, кто занялись предпринимательством, по нашим наблюдениям, смогли быстрее приблизиться к уровню благосостояния, который был у них на прежнем месте жительства, и, таким образом, быстрее адаптироваться к новым условиям жизни. Тем более что активизация самозанятости объективно способствует более глубокой идентификации с местными жителями.

Проблема состоит в том, что установка на коммерческую деятельность формируется у мигрантов специфическим образом. Пробуют себя в коммерции чаще те мигранты, кто уже имел опыт такой деятельности до переселения в Россию. Однако нужно отметить, что в бизнес мигрантов могут «выдавливать»

неблагоприятные жизненные обстоятельства. Если мигранты сталкиваются с неблагоприятной ситуацией на рынке труда, с дискриминацией в стране пребывания, то они могут заняться собственным делом только в крайнем случае. Получается, что самозанятость – это не выбор самих мигрантов, а ситуация, скорее отражающая отсутствие альтернативы на рынке труда, когда мигранты использовали все возможности поиска работы. Это описывается в литературе как «теория блокирования мобильности», когда и мигранты, и местные жители сталкиваются с одинаковой ситуацией на рынке труда (3). Однако если в идеальных обстоятельствах принцип отбора должен включать образование, опыт, уровень квалификации, то на практике в первую очередь внимание уделяется этничности, тому обстоятельству – коренной это житель или приезжий, и эти характеристики играют большую роль в процессе найма. Даже если существует вакансия на низкооплачиваемую работу, мигранты, как правило, вынуждены конкурировать с местными жителями и доказывать, что никто из местных не соглашается на эту работу. Таким образом, мигранты иногда вынуждены принимать самозанятость в качестве необходимости.

Сама жизненная ситуация, в которую поставлены мигранты, их уровень квалификации и воспринятое в других культурах отношение к труду и частной инициативе, ограниченный круг личных связей приводят к тому, что среди переселенцев потенциальная предпринимательская активность может быть довольно высокой. Но по сравнению с местными жителями мигранты, начиная свой бизнес, имеют более низкую стартовую позицию, им нужно преодолеть барьер отсутствия связей и знакомств.

Важной стороной анализа этой проблемы является и степень соотношения двух крайних установок мигрантов: на государственную помощь и на собственные силы. Между этими двумя вариантами могут находиться многочисленные сочетания крайних и промежуточных вариантов. Данные ФМС показывают, что подавляющее большинство переселенцев не обращаются за получением официального статуса, надеясь на собственные силы в решении проблемы достижения уровня жизни, который был у них в предыдущей стране проживания.

Опросы социологов свидетельствуют, что «статусные» мигранты также не имеют иждивенческих настроений и готовы принять активное участие в решении своих материальных проблем. На государственную помощь рассчитывают прежде всего инвалиды, пожилые мигранты, матери-одиночки и многодетные семьи. Самозанятость, коммерческая деятельность и предпринимательство выступают показателями наивысшей степени активности переселенцев в направлении самостоятельного решения адаптационных проблем.

Социальные работники могут играть значительную роль в разрешении материальных проблем мигрантов. Это может заключаться в организации юридической помощи, в оформлении ссуд, в информационной помощи самого различного характера. Нередки случаи, когда мигранты, переезжая большими семьями, с детьми и пожилыми людьми, нуждаются в элементарной материальной заботе хотя бы на первое время. Опыт такой работы у социальных служб есть – срочная социальная помощь в центрах социального обслуживания населения (ЦСОН). В такой помощи нуждаются и переселенцы.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какие материальные проблемы прежде всего являются насущными для мигрантов?
2. Что такое «блокирование мобильности»?
3. Почему установка на коммерческую деятельность формируется у мигрантов специфическим образом?
4. Сформулируйте несколько вопросов для анкеты с целью выяснения материальных проблем переселенцев.

Список литературы

1. Амелин В. В. Социальная адаптация вынужденных переселенцев в Оренбуржье: состояние, проблемы, пути решения // Миграционные процессы в Оренбуржье: проблемы экономического регулирования и социальной адаптации переселенцев. - Оренбург: Изд. Центр ОГАУ, 2004. – С. 26; Рязанцев С. В. Этнические мигранты на Ставрополье // Социологические исследования. – 2000. – № 7. – С. 113; Зборовский Г. Е., Широкова Е. А. Ностальгия российских эмигрантов: пробный опрос в Финляндии // Социологические исследования. – 2003. – № 8. – С. 77.
2. Акмалова А. А., Капицын В. М. Социальная работа с мигрантами и беженцами: Учебное пособие. – М., 2008. – С. 57-58.
3. Light, Ivan and Rosenstein, Carolyn. Race, Ethnicity, and Entrepreneurship in Urban America.- New York: Aldine de Gruyter, 1995.
4. Опрос 361 мигранта из стран СНГ и Балтии был проведён автором в 2003-2004 годах.
5. Рязанцев С. В. Демографическая ситуация на Северном Кавказе // Социологические исследования. – 2002. – №1. – С. 77-86.
6. Шопс Ю., Ясперс В., Фогт Б. Русские евреи в Германии. Интеграция и самоутверждение в чужой стране. – Ванхайм, 1996. – 366 с.

Социокультурные проблемы адаптации переселенцев

На состоявшемся в октябре 2000 г. в Бангкоке семинаре в рамках подготовки к предстоящей Всемирной конференции по борьбе против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости эксперты отметили, что иммиграция людей с сильными отличительными особенностями создает напряжённость между спросом на рабочую силу и ощутимой эрозией самобытности местной культуры. Как заявил один из экспертов, «искоренение предубеждения в обществе к чужакам – гораздо более трудоёмкий и длительный процесс, чем ликвидация правовых и институциональных форм дискриминации» (8). И это действительно так. В соответствии с социокультурным подходом, ценности и культурные элементы являются важными детерминантами повседневной жизни людей. Многие стороны этнического неприятия или отвержения чужих, «не таких, как мы», связаны именно с социокультурными особенностями жизни разных стран и народов. К этому блоку относятся языковые особенности, нормы поведения, обычаи и традиции, бытующие в разных этнических культурах, гендерные нормы, культура труда, религиозные особенности и др. В. И. Мукомель считает, что страхи «вторжения другого» служат вербальным объяснением эмоционального восприятия мигрантов как чужеродных, незваных гостей. В данном случае, видимо, более значимы социокультурные страхи «утраты идентичности» (9).

С этой точки зрения важными детерминантами миграционных процессов являются, на наш взгляд, и гендерные стереотипы, господствующие в обществе. Актуальность изучения гендерного аспекта социокультурных стереотипов не вызывает сомнений. С. И. Голод справедливо заметил, что «предрассудков, связанных с полом, удивительно много. В вопросе о типичном и неизменном в характеристике мужчин и женщин, в их темпераменте, способностях, побуждениях и ценностях бытуют, и весьма широко, непоколебимые стереотипы» (4).

Гендерную стереотипизацию мы рассматриваем в ряду важнейших гендерных факторов, через которые преломляются детерминанты миграционного поведения переселенцев. Этому аспекту мы решили посвятить отдельный параграф в силу того, что этнические особенности миграции усиливали конфликт стереотипов, придавая своеобразную форму проявлению гендерной стереотипизации.

Под социальным стереотипом обычно понимается стандартизированный, устойчивый, эмоционально насыщенный, ценностно определенный образ. В основе производства социального стереотипа лежит психологический феномен генерализации, обобщения, схематизации данных опыта. Синонимом стереоти-

па нередко выступают понятия «предубеждение», «предрассудок» или «клише». Стереотип не только выделяет статистически среднее мнение, но задает норму, упрощённый или усреднённый до предела образец социально-одобряемого или социально-допустимого поведения.

Особенность стереотипов такова, что они настолько прочно проникают в подсознание, что их очень трудно не только преодолеть, но и осознать вообще. Стереотипы могут быть индивидуальными или массовыми. Стереотипы массового сознания являются наибольшим барьером в установлении равноправных позиций женщин и мужчин в политической, экономической и культурной сферах. Таким образом, гендерные стереотипы занимают важное место среди социальных стереотипов.

Гендерные стереотипы – это один из видов социальных стереотипов, основанный на принятых в обществе представлениях о маскулинном и феминном и их иерархии. Это внутренние установки в отношении места мужчин и женщин в обществе, их функций и социальных задач. Гендерные стереотипы являются частным случаем стереотипа и обнаруживают все его свойства. Они представляют собой культурно и социально обусловленные мнения о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке. Гендерная стереотипизация, фиксируемая в языке, тесно связана с выражением оценки и влияет на формирование ожиданий от представителей того или другого пола определённого типа поведения. Гендерные стереотипы очень упрощают реальную ситуацию, однако в коллективном общественном сознании они закреплены прочно и меняются медленно (11).

Все описываемые в литературе гендерные стереотипы можно объединить в три группы.

Первая группа – стереотипы маскулинности/феминности. Эти стереотипы полярно и иерархически противопоставляют мужчин и женщин: мужчины доминантны, независимы, компетентны, самоуверенны, агрессивны и склонны рассуждать логически; женщины покорны, зависимы, эмоциональны, конформны и нежны.

Вторая группа гендерных стереотипов касается закрепления семейных и профессиональных ролей в соответствии с полом. Для женщин главными социальными ролями являются семейные роли (мать, хозяйка), а для мужчин профессиональные. Мужчин принято оценивать по профессиональным успехам, женщин – по наличию семьи и детей.

Третья группа гендерных стереотипов связана с различиями в содержании труда. Удел женщин – это экспрессивная сфера деятельности, где главным является исполнительский и обслуживающий характер труда. Инструментальная

сфера – это область деятельности для мужчин, где главным является творческий, созидательный, руководящий труд (5).

В той или иной степени стереотипы-предрассудки воздействуют на каждого человека. Согласно укоренившимся представлениям, женщинам в обществе приписывается меньшая ценность, чем мужчинам. Представления о маскулинности и феминности и присущих им свойствах имеют место в каждой культуре, им отводится существенное пространство в обрядах, фольклоре, мифологическом сознании, «наивной картине мира». Вместе с тем, стереотипизация и ценностная шкала гендера не одинаковы в разных культурах, также различаются социальные роли мужчин и женщин. Они, как правило, регламентированы. Такая регламентация стереотипизируется, а затем функционирует в коллективном сознании по схеме «правильное/неправильное».

Таким образом, одним и тем же действиям человека в зависимости от его пола придается различное содержание в разных культурах, одно и то же содержание находит различное выражение в поступках. Социокультурная обусловленность пола, его ритуализация и институционализация делают правомерным изучение гендерных стереотипов и их отражения в языке. Каждому из полов в данной культуре приписывается ряд обязательных норм и оценок, регламентирующих гендерное поведение.

Влияние гендерных стереотипов на миграционные процессы на постсоветском пространстве имеет сложный характер. Базовой основой детерминации этого рода выступает то обстоятельство, что мигрируют не бесполое существа, а мужчины и женщины. Кроме того, принимающее сообщество тоже состоит из половых групп, которые по-разному воспринимают и оценивают мигрантов в целом и разные половые группы мигрантов. Не будем забывать о том, что отпускающее сообщество также дифференцировано по признаку пола. Роли разных гендерных групп могут значительно отличаться, действия в рамках этих ролей по-разному воспринимаются и оцениваются половыми группами потенциальных мигрантов. Но самым важным является то обстоятельство, что процесс миграции приводит к смене культурного-этнического окружения. Происходит перемещение мигрантов из одной системы господствующих стереотипов в систему, где властвуют другие представления и нормы, имеющие стереотипизированный характер. Этот процесс не приводит к автоматическому освобождению переселенцев от стереотипов, культурно воспринятых в стране исхода, вместе с пересечением границы страны предназначения. Они ещё очень долго оценивают новую реальность с точки зрения не до конца утраченных шаблонов сознания. Но дело в том, что и ведут они себя некоторое время (иногда довольно длительный период) также в соответствии с усвоенными образцами. Это не

могут не замечать коренные жители принимающей стороны, которые оценивают переселенцев в соответствии со своими стереотипами сознания. Именно здесь и возникает главный конфликт взаимного неприятия обеих сторон. Директор Центра временного размещения вынужденных переселенцев в с. Батуринском (Шадринский район Курганской области) говорила в интервью о своих подопечных: «Они долго ещё сравнивают: “А у нас в Казахстане так, а у нас на Украине вот так...”».

Различие социальных установок в поведенческой сфере, в культурных традициях переселенцев и местных жителей при нестабильной социально-психологической ситуации в обществе оказывает негативное влияние на процесс взаимодействия между представителями этих групп населения. В интервью русские мигрантки из Средней Азии много раз высказывали недоумение по поводу поведения местной молодёжи (особенно девушек), по поводу отношений между родителями и детьми, особенно в отношении к матери.

– В Узбекистане среди русских это не принято?

– Нет, такого нет. Вот у меня даже дочь говорит: что я [дочь] поражаюсь, как это вот можно свободно всё это. Никакого стеснения, уважения... Совершенно другие люди – наши русские там намного лучше. По отношению друг к другу, и вообще как-то добрее, и с уважением относятся ко всему...» (52 года, разведена, Узбекистан).

Вот ещё один характерный пример из интервью:

«Люди Востока, мы привыкли к общению. У нас, если сосед зашёл, то ты не отпустишь соседа просто так, посадишь за стол. Если что-то у кого-то случилось, то обязательно надо помочь. А здесь этого не принято, здесь много что не принято. Мы живём в общежитии – не принято даже на кухне угостить ребёнка. У казахов как принято: если пришёл гость, то ты последнее должен отдать. Гость – это как богом данный человек. Здесь люди не такие открытые...» (49 лет, замужем, Казахстан).

Аспект взаимосвязи гендерных и этнических стереотипов очень важен именно для анализа миграционных процессов, которые имели и имеют чётко выраженные этнические признаки. Многие авторы признают, что стереотипизация действует на различных уровнях социального взаимодействия, но главными среди них будут этнический и расовый уровни, и значительно реже – профессиональный или возрастной. Основной массив зарубежных работ по социальным стереотипам выполнен именно на материале этнических или расовых стереотипов (2).

Про конфликт этнических стереотипов в миграционных процессах на постсоветском пространстве пишут многие авторы (13). Диалектика этого конфликта не так проста. В зависимости от многих факторов (этнических, лично-психологических, демографических, образовательных и др.) напряжённость и степень выраженности этого конфликта может быть различной: от

скрытого и быстротекущего его разрешения до этнических столкновений. Эта проблема требует более глубокого и полного изучения на основе серии специальных исследований. Наши данные позволяют сосредоточиться только на одном аспекте этой проблемы, а именно: как гендерные стереотипы влияют на процесс адаптации мигрантов.

Это влияние может иметь несколько сторон: во-первых, как сказываются на адаптации стереотипы самих мигрантов, усвоенные в стране исхода, во-вторых, как на их привыкание влияют гендерные стереотипы коренных жителей, и, в-третьих, какой степени остроты достигает конфликт столкновения двух групп стереотипов.

Думается, что конфликт гендерных стереотипов страны исхода и страны предназначения мешает успешной адаптации переселенцев, увеличивает её сроки, тем более что носителями этих двух видов стереотипов являются разные группы людей: мигранты и коренные жители. Соответственно их идентификации мешает и разная степень осознания важности миграционных процессов. Коренные жители, не понимая противоречивой миграционной политики, уверены в негативных последствиях миграции. Переселенцы, напротив, не видят для своих семей другого исхода сложившейся ситуации, и уверены, что только переселение в другую страну улучшит их социально-этническое самочувствие.

В постсоветских миграциях были и некоторые благоприятные обстоятельства, несколько смягчавшие конфликт стереотипов. А именно то, что русскоязычные переселенцы, во-первых, ехали на свою историческую родину (а многие из них и родились в России), а во-вторых, то, что до 1991 г. все страны исхода объединяло с Россией одно социально-политическое пространство – Советский Союз. В силу этого обстоятельства все бывшие жители СССР не могли не иметь общих стереотипов, обусловленных советским образом жизни. Л. Л. Рыбцова считает, что в реформируемой России воспроизводятся не просто прежние традиционные гендерные отношения, но последние становятся более традиционными (10).

Общими, советскими были и ряд гендерных стереотипов, связанных с представлением о женщине как об активной труженице, успевающей рожать, воспитывать детей и принимать участие в общественной жизни. В сознание советских людей активно внедрялись представления о мужчине и женщине, как о равноправных партнёрах в труде и во всех других сферах жизни, но и одновременно – представления о мужских и женских типах занятости.

В стране к середине 1980-х годов сложилась такая профессиональная занятость, которой не было аналогов в мире. По сути дела к этому времени сформировался единый стереотип занятости для мужчин и женщин, в соответствии, с

которым все работники трудоспособного возраста должны были быть заняты в экономике или в сфере обучения. Для женщин допускались временные перерывы в трудовой деятельности, связанные с рождением ребёнка и выполнением обязанностей по уходу за ним. Таким образом, например, в России в конце 1980-х годов 92% женщин трудоспособного возраста было занято на работе или учёбе. Этот показатель по возрасту 20-55 лет был на 30-40% выше аналогичных показателей развитых стран. Нужно отметить, что существовавшая система законодательных актов, регламентирующих труд женщин, построенная во имя наиболее благоприятного сочетания женщиной семейных и профессиональных обязанностей, включала в себя множество льгот. Однако эти льготы наряду с достоинствами обладали значительным числом недостатков, которые были продолжениями самих достоинств. А именно: за женщинами постепенно закрепились «слава» работников, обременённых слишком большим количеством разнообразных льгот, то есть «рабочей силы второго сорта».

Здесь уместно вспомнить о том, что, по мнению Н. П. Космарской, специфика трудоустройства в «постмиграционной ситуации» во многом определялась господствующими гендерными стереотипами. Широко распространённые в массовом сознании представления о мужских и женских ролях связаны с мнением, что «главным кормильцем семьи», которого нельзя оставить без работы, считают именно мужчину. Космарская свидетельствует, что при выборе нового места жительства главным предметом переговоров с потенциальным работодателем обычно является трудоустройство мужчины, а вопрос о трудоустройстве его жены поднимается лишь как второстепенный. И женщины-мигранты либо воспринимают это как должное, либо вынуждены с этим мириться (7).

Советской реальностью было и существование бесполой нормы и стереотипов, в которых практически не обозначался гендер, например, «борцы за коммунизм», «труженики производства», «победители соцсоревнования» и т. д. С одной стороны, это способствовало достижению формального равенства между мужчинами и женщинами, но, с другой стороны, на деле вело к ещё большей дискриминации женщин, так как уводило от реального решения их проблем.

Говоря об общих для всего пространства СССР стереотипах, можно высказать предположение, что замена советских представлений (стереотипов) о дружбе народов, интернационализме, «старшем русском брате» на новые этнополяризованные стереотипы, резко изменившие отношение к некоренным народам в бывших республиках, могла послужить серьёзной причиной формирования у русскоязычных установок на переезд в Россию, а в современной ситуации у гастарбайтеров из стран СНГ – причиной усложнения адаптации на территории России.

Кроме единого советского пространства, существуют и общие моменты культурной идентичности народов разных республик, которые также были залогом смягчения конфликта стереотипов. Ш. Берн доказал, что есть четыре аспекта, по которым сходятся различные по другим показателям культуры: разделение труда по половому признаку; убеждения или стереотипы, связанные с различием между мужчинами и женщинами; дифференциальная социализация мальчиков и девочек; меньшая власть и более низкий статус женщин (3). Мы видим, что это именно гендерные стереотипы, обусловленные социокультурными факторами, и, таким образом, их наличие во всех культурах может служить залогом смягчения конфликта стереотипов при миграции. Однако не надо забывать, что конкретное содержание одного и того же стереотипа в разных культурах может сильно варьироваться.

Все эти общие моменты не могли, однако, полностью предотвратить конфликт стереотипов. По нашим наблюдениям, в силу резкой этнической разницы особенно острым этот конфликт был у мигрантов, переселяющихся в Россию из постсоветских стран Средней Азии, у гастарбайтеров из этих республик. У переселенцев из новых стран европейской части бывшего СССР проблема столкновения гендерных стереотипов с россиянами не имела такой остроты. Это ещё раз подтверждает тесную взаимодетерминированность этнических и гендерных стереотипов в вынужденной миграции.

Ш. Берн отмечает, что культуры, где поощряется покорность старшим, могут отличаться большей резистентностью к социальным изменениям, поскольку люди с возрастом менее охотно принимают любые изменения. Это непосредственно относится и к бывшим азиатским республикам СССР, культуры которых, при всех индивидуальных этнических отличиях, можно отнести к одному коллективистскому типу, что приводило к большей их устойчивости в процессе советизации, к сохранению специфических этнических стереотипов, что воспринималось и русскоязычным населением, живущим в этих республиках. Например, учёные из Киргизии пишут, что и сегодня система воспитания мальчиков и девочек в киргизской семье формируется под влиянием традиционной культуры общества и является одним из главных факторов порождения гендерных стереотипов. Эти стереотипы, в основном, отводят женщине подчиненную второстепенную роль, подчеркивая её репродуктивную функцию. Девочкам навязывается идеал послушания, домоседства и роль домохозяйки, которая ответственна за всю работу в доме и создание благоприятных условий для жизни семьи, а мальчикам – лидерства, предприимчивости и самостоятельности, то есть основные качества роли добытчика и кормильца семьи. Это приводит к тому, что у мальчиков и девочек формируются специфические модели поведения (1).

Видимо, гендерные стереотипы новых азиатских стран имели большую устойчивость к советским, а позже и к демократическим изменениям, что и приводило к конфликтам стереотипов при миграции русскоязычных в Россию и трудовых мигрантов, приезжающих в нашу страну. Мы не можем не привести здесь очень характерную цитату из интервью с русской мигранткой из Казахстана:

«Я считаю, что здесь (в Шадринске) более 60% женщин проживает, мужчин мало, и мужчины здесь бесхарактерные. Я родилась и выросла в Казахстане, муж родился и вырос в Казахстане, мы многое приняли от восточного. У нас большую роль играет муж в доме, а жена руководит хозяйством и детьми. Это у нас так воспиталось и детям передалось. Я считаю, что как мужчина сказал, так оно и должно быть. Он не может сказать «да», и не сделать. А здесь получается, что руководят всем женщины. Я уже много раз обращала внимание на то, что мужчины говорят и не всё делают...» (49 лет, замужем, Казахстан).

Женщина очень точно охарактеризовала конфликт гендерных стереотипов отпускающего и принимающего сообщества, причём дальше она рассказала, как ей это мешало в поиске работы, в воспитании детей и в целом в адаптации к российским условиям.

И ещё один аспект влияния стереотипов на адаптацию переселенцев – это рыночные отношения, совпавшие по времени с интенсивной вынужденной миграцией. Развитие рынка способствовало формированию новых гендерных стереотипов, что усиливало дискриминацию женщин взаимодействием таких факторов, как пол и возраст. И. М. Козина, на основании своих опросов, утверждает, что открытая дискриминация по возрасту – это одна из «инноваций» рынка труда, которая воспринимается респондентами как большая несправедливость, чем ограничения по половому признаку. Её исследования показывают, что среди мужчин средней и старшей возрастной группы только половина респондентов отметили возраст в качестве фактора, ограничивающего их возможности на рынке труда, в то время как среди женщин той же возрастной группы на это указали практически все респондентки. Для «женских» профессий возрастной предел, после которого трудно найти работу, существенно ниже, чем для «мужских». Здесь срабатывают гендерные стереотипы, которые слабо проявлялись в советский период, а в рыночных условиях стали работать в полную силу. Женщины оценивают предельный возраст поиска работы на уровне 30-35 лет, а мужчины – 40-45 лет. Возможно, это связано со спецификой многих «женских» рабочих мест, на которые работодатели осуществляют подбор кадров по «фейс-контролю». Но бесспорным является тот факт, что чем старше женщина, тем больше эффект от сочетания гендерной и возрастной дискриминации (6).

Об этом же говорили в интервью и женщины-мигранты. Вот характерная цитата из интервью:

«Я считаю, что мне возраст мешал. Потому что кому остаётся два-три года до пенсии, то им бесполезно вообще что-то искать, приходишь в организации, и всех интересуют молодые и интересные женщины. В газетах объявления: нужен главный бухгалтер с высшим образованием, со стажем работы, возраст 20-25 лет. Я так смеялась» (49 лет, замужем, Казахстан).

Многие мигрантки среднего возраста и старше указывали на это обстоятельство:

– Ну, вот Вы уже столько рабочих мест нашли, ведь нашли как-то?

– *Это просто случайно. Ну, если молодые, то может быть... если молодые, а если уже 40-45 – это уже бесполезно»* (53 года, замужем, Казахстан).

При поиске работы возраст действительно играл для женщин-мигрантов в отличие от мужчин иногда решающее значение. Этот новый стереотип усиливался дискриминацией по миграционному статусу, а также безработицей и конкуренцией на рынке труда. Многие мигрантки, понимая это, отмечали, что благополучным может быть переезд в возрасте до 30-35 лет, а в более старшем – очень труден.

Оказывал влияние и ещё один стереотип, который широко распространён в небольших населённых пунктах, где все с детства друг друга знают: «свои всегда лучше, чем чужие». Таких примеров из наших интервью с мигрантками мы можем привести много. Например, одна из женщин призналась:

«В пенсионный фонд я пришла, объяснила, кем раньше работала, что я умею, а она мне сказала, что всё равно возьму на работу того, кого знаю, пусть она даже будет плохо работать» (49 лет, замужем, Казахстан).

Такие установки работодателей очень затрудняли для женщин поиск работы, а значит и адаптацию в новых условиях.

Анализ влияния гендерных стереотипов на адаптацию мигрантов нужно продолжать и дальше. Эта тема требует особого изучения. В литературе мы нашли много аспектов изучения проблемы влияния гендерных стереотипов на различные стороны жизни российского общества, в частности, на рекламу, на деятельность СМИ, на содержание учебников для начальной школы, на систему образования в целом, на разделение труда и другое (12). Но мы не встретили постановки вопроса в этом ракурсе о проблемах адаптации русскоязычных переселенцев или мигрантов в целом.

Российские авторы отмечают, что с вхождением страны в рыночные отношения гендерные стереотипы стали более жёсткими, дискриминационными, не прикрытыми идеологическими установками. Вследствие этого социально активная женщина испытывает серьёзные трудности не только объективного, но

и субъективного характера. Так, например, необходимость выжить в условиях конкурентной борьбы приводит к потере у наших современниц типично женских черт и приобретению качеств, свойственных скорее стереотипам маскулинности: независимость, твёрдость, жёсткость, а в крайних проявлениях даже жестокость, спонтанная, немотивированная агрессивность, конфликтность.

Принятие на себя мужской роли чревато как для самой женщины (невротизация, возникновение психосоматических заболеваний и т. д.), так и для членов микросоциума (супруг, дети, близкие и родственники). В тех же случаях, когда женщина стремится реализовать в своём поведении требования традиционно феминных стереотипов, она также оказывается в потенциально невротичной ситуации, так как испытывает трудности в адаптации и к новым экономическим условиям, и к условиям страны приёма. Всё это, прежде всего, относится к женщинам-мигрантам, которым пришлось в тяжёлых социальных обстоятельствах брать на себя функции спасения семьи, опровергая стереотипы и преодолевая свою феминность, что не всегда благожелательно оценивалось не только принимающим сообществом, но и членами её семьи, а в первую очередь – мужем.

Карен Хорни писала, что попытка отойти от женского стиля к мужскому неизбежно приносит чувство неполноценности, поскольку женщина начинает примерять к себе чужие притязания и оценивать себя мерками, чуждыми её биологическому естеству, и при этом, конечно же, сталкивается с чувством, что она никогда не сможет соответствовать им полностью (14).

Немногие задумываются о том, что от гендерных стереотипов страдают не только женщины, но и мужчины. Женщины мучаются «комплексом работающей матери», мужчины страдают не меньше: нужно больше зарабатывать, всегда быть сильным и уверенным в себе, компетентным, стремиться к повышению статуса, к антиженственности. Для многих мужчин полное соответствие этим нормам недостижимо, что вызывает стресс и приводит к компенсаторным реакциям: ограничение эмоциональности, навязчивое стремление к соревнованию и успеху, алкоголизм и т. п. Стереотипы подталкивают мужчин к совершению безрассудных, рискованных и агрессивных действий с целью демонстрации своей мужественности. Мужчина может унижать других, боясь показать свою неправоту или не допустить, что кто-то знает больше, чем он. Стереотипы требуют от мужчин не демонстрировать свои чувства и быть в состоянии решать эмоциональные проблемы без помощи окружающих, что ведёт к стрессам и нервным срывам.

Возможно, именно отрицательное воздействие гендерных стереотипов служит залогом худшей адаптированности мужчин-мигрантов по сравнению с мигрантами-женщинами. В ситуации переезда и адаптации к новым условиям

мужчинам-мигрантам сложно быстро и результативно воспроизвести ситуацию своего соответствия гендерным нормам, тем более что потерю статуса они воспринимают гораздо трагичнее женщин. Переезд из страны в страну предполагает, во всяком случае, некоторый период времени, снижение статуса. Женщинам-мигрантам некогда переживать по поводу его потери, они просто вынуждены адаптироваться быстро, используя любые способы. Но этот аспект проблемы адаптации мигрантов требует дальнейшего изучения. Кроме этого в дальнейшем анализе нуждается проблема влияния гендерных стереотипов на место и роль женщины в процессе миграции, на социальные функции мужчин-мигрантов, на детоцентричность русских семей, на роль матери в процессе переезда. Нужно и дальше изучать проблему резкой смены стереотипов при переезде из страны исхода в страну предназначения, сложное наложение этнических стереотипов на культурные, гендерные и другие нормы, бытующие в стране въезда. Помощь социальных работников мигрантам в преодолении стереотипов соответствует духу социальной работы и может существенно усилить её эффективность.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Что такое социальные стереотипы? Каковы их особенности?
2. Дайте понятие гендерных стереотипов. Охарактеризуйте их группы.
3. Как взаимосвязаны этнические и гендерные стереотипы?
4. Какую роль играют этнические и гендерные стереотипы в адаптации мигрантов?
5. Какие обстоятельства могут смягчать конфликт стереотипов коренных жителей и мигрантов из стран СНГ?

Список литературы

1. Айтматова Р. Т., Эдилова М. М. Гендерные стереотипы современной культуры и традиционной практики кыргызов / НПО Центр Помощи женщинам, Бишкек, Кыргызстан. Режим доступа: www.multi-edu.web.kg/articles.htm
2. Агеев В. С. Психологическое исследование социальных стереотипов // Вопросы психологии. – 1986. – № 1. – С. 96.
3. Берн Ш. Гендерная психология. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001, 2002. – 318 с.
4. Голод С. И. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. – СПб., 1996. – С. 72.
5. Клещина И. С. Практикум по гендерной психологии. – СПб.: Питер, 2003. – С. 9.
6. Козина И. М. Профессиональная сегрегация: гендерные стереотипы на рынке труда // Социологические исследования. – 2002. – № 3. – С. 127-136.
7. Космарская Н. П. «Женское измерение» вынужденной миграции и миграционное законодательство России // Проект «Гендерная экспертиза» Московского центра гендерных исследований. – М., 1998. – 64 с.

8. Материалы Всемирной конференции по борьбе против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.un.org/russian/conferen/racism/vision.htm>
9. Мукомель В. И. Грани интолерантности (мигрантофобии, этнофобии) // Социологические исследования. – 2005. – № 2. – С. 58.
10. Рыбцова Л. Л. Российская женщина: пять лет спустя. – Екатеринбург, 1998. – С. 60.
11. Словарь гендерных терминов. – М.: Информация-XXI век, 2002. – С. 48.
12. См. работы Т. Б. Котловой и А. В. Смирновой, Т. В. Панышиной, О. А. Ворониной.
13. Спицын А. И. Социально-экономическое регулирование миграционных процессов населения в регионе // Миграционные процессы в Оренбуржье: проблемы экономического регулирования и социальной адаптации переселенцев. – Оренбург, 2004. – С. 4; Дубовый Л. М., Константинов В. В. Психологические проблемы компактно проживающих вынужденных мигрантов // Психологические проблемы профилактики экстремизма в российском обществе: Сб. мат. всероссийской науч.-практ. конф. – Пенза, 2002. – С. 15-16.
14. Рыбцова Л. Л. Российская женщина: пять лет спустя. – Екатеринбург, 1998. – С. 20.

Проблема взаимоотношений коренных жителей и мигрантов

Для полноты понимания социокультурных проблем адаптации переселенцев остановимся на вопросе о взаимоотношениях коренных жителей и мигрантов. Проблема взаимоотношений между россиянами и переселенцами из стран ближнего зарубежья обострилась в 90-е годы XX века, когда приток мигрантов из стран ближнего зарубежья значительно вырос. С подобной проблемой сталкиваются все страны, принимающие приезжих, этнически чужих или даже своих. Перед мигрантами встаёт проблема аккультурации, с которой и связаны в первую очередь все особенности адаптации.

Современный взгляд на данную проблему состоит в том, что более успешной стратегией является идентификация с местным сообществом (8). Мы полностью согласны с этим, но, к сожалению, именно здесь и кроются основные причины противостояния мигрантов и местных жителей. К тому же не все мигранты это понимают и избирают стратегией своей адаптации. В России существует немало компактных поселений мигрантов, которые ведут довольно обособленную жизнь от остального населения. С одной стороны, экономическая и психологическая необходимость заставляет переселенцев поступать именно так, но, с другой стороны, результатом такого обособления является затягивание сроков идентификации с местным населением.

Результаты опросов европейских социологов также высвечивают подобные проблемы. Немецкие учёные, опрашивая мигрантов еврейской национальности, пришли к выводу, что в качестве решающей причины, побудившей их к

отъезду из России, большинство опрошенных назвали антисемитизм. Но 38% от числа опрошенных столкнулись с его проявлениями и в самой Германии. Многие евреи именно в Германии впервые так или иначе начали приобщаться к еврейской традиции, регулярно посещать синагогу. Начался и процесс их самоорганизации. Так, в Берлине создано «Объединение в поддержку иммигрантов из бывшего Советского Союза» (13).

Любопытно, что, по отзывам евреев-эмигрантов из бывшего СССР, они, проживая в Израиле долгие годы, продолжают думать и любить «по-русски» (7). Этнические переселенцы, даже вливаясь в число представителей родного этноса, долго не могут избавиться от многих черт и особенностей культуры того народа, среди которого они жили длительное время (а может, и сохраняют их навсегда!). Эта особенность чётко просматривается и в адаптации русских мигрантов из стран ближнего зарубежья, и, видимо, свойственна процессам адаптации трудовых мигрантов. На основе опроса 200 трудовых мигрантов в Ставропольском крае было выявлено, что 43,4% респондентов следуют образу жизни своего этноса (4).

Это было замечено и в более ранних исследованиях адаптации мигрантов в развитых странах. Результаты исследования в западной части Германии основываются на социологических опросах групп этнических немцев, которые выехали с территории бывшего СССР в ФРГ в 1975-1985 годах и в конце 1980-х годов. Предварительные представления российских немцев об условиях жизни в ФРГ определяются авторами как слабые и даже «нереалистические», поэтому им трудно понять, почему в ФРГ их *воспринимают как иностранцев*. В книге Дитца и Хилькеса представлены интересные данные, характеризующие степень удовлетворённости переселенцев жизнью в ФРГ. Согласно выводу авторов, те из российских немцев, которые приехали в ФРГ в 1970-1980-е годы, с её политической и общественной системой «в некоторой мере согласуются». В 1990-е годы для последующих их сородичей уже обозначено и прогнозируется обострение «социальной изоляции и *дискриминации*». В последние годы российские немцы в ФРГ рассматривались местными жителями как конкуренты на рабочие места и на квартиры (5).

Эти данные подтверждают наши рассуждения о проявлении дискриминации по отношению к приезжим, хотя они и являются этнически «своими».

В соответствии с культуралистским подходом, ценности и культурные элементы являются важными детерминантами повседневной жизни людей, их встраивания в принимающие сообщества. Соответственно и в жизни мигрантов они играют ключевую роль. Основная идея этого подхода заключается в сле-

дующем: мигрант приносит с собой то, что воспитала в нём культурная среда страны происхождения.

Н. П. Космарская справедливо полагает, что в Россию приезжают люди со специфическим менталитетом «среднеазиатских русских», отсюда возникновение социокультурных барьеров между «местными» и «приезжими» (9). И даже 70-летняя общность единого советского пространства полностью не снимает этой проблемы. Особое звучание эта проблема имеет для гастарбайтеров из стран СНГ, почти половина которых, по данным опроса в Ставрополье, ссылаются на незнание русского языка (41,6%) (4).

Данные социологических опросов, проведённых в разных регионах России (в Оренбургской, Ульяновской, Пензенской, Курганской областях, в Поволжье, на Ставрополье, в Ханты-Мансийском округе и др.), крайне противоречивы. В целом тенденция такова, что сами мигранты уверены в неблагоприятном отношении к ним со стороны коренных россиян, а опросы россиян показывают, что на их отношение в первую очередь влияет национальность переселенцев и культурно-этнические особенности страны, из которой они приехали.

Уровень жизни в регионе и состояние преступности также может оказывать влияние на отношение местных жителей к приезжим (11). Многие отечественные авторы пишут о том, что мигранты оказывают существенное влияние на этнический состав населения России, обостряют межнациональные процессы, криминализируют обстановку в местах компактного проживания, занимают рабочие места, так необходимые коренным жителям. В некоторых российских регионах недовольство коренного населения притоком «чужих» иногда перерастало в открытые выступления и протесты. Такая позиция понятна, если учесть, что процессы притока мигрантов в 1990-е годы протекали на фоне резкого снижения уровня жизни большинства коренного населения.

По данным Л. Д. Гудкова антимигрантские настроения разделяет 68% россиян (10). Многие учёные считают, что причины этого явления кроются именно в проблеме культурной несовместимости этнических групп. Например, москвичи по результатам опросов последнее десятилетие испытывают настоящую мигрантофобию, что может быть связано и с экономической конкуренцией, и с культурным неприятием приезжих (14). По официальным данным ещё недавно в Москве нелегально проживало более 5 млн иностранцев. В Краснодарском крае их насчитывается около 100 тыс. только с Кавказа. В Екатеринбурге – около 120 тыс. В 2004 г. Россия вынуждена была выдворить за свои пределы 11 тыс. нелегалов, затратив на оплату их дороги огромные средства.

По данным Управления федеральной миграционной службы по Курганской области, в 2011 г. на территории субъекта федерации проживает по разре-

шению на временное проживание 1260 иностранных граждан, 406 – по виду на жительство в РФ. Судами Курганской области в 2011 г. вынесено 30 постановлений об административном выдворении иностранных граждан за пределы РФ. Исполнено 31 постановление суда об административном выдворении за пределы РФ. Вынесено 50 решений о сокращении срока временного пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства (15).

Возможно, негативное отношение россиян к приезжим связано и с ростом количества преступлений, совершаемых иностранцами на территории России. По данным Министерства внутренних дел РФ, в конце XX века количество преступлений, совершённых коренными жителями России по отношению к иностранцам и иностранцев по отношению к коренным жителям, было практически одинаковым – по 30 тыс. преступлений с той и другой стороны. Но в начале XXI в. это соотношение изменилось. Иностранцы в четыре раза чаще совершают преступления в отношении коренных жителей России, чем наоборот (40 тыс. и 10 тыс. соответственно).

МВД сообщает, что чаще всего преступления на территории России совершают украинцы – 24,1%, азербайджанцы – 13,6%, молдаване – 12,4%. Конечно, надо помнить, что это данные по зарегистрированным преступлениям, и их количество находится в прямой зависимости от того, сколько самих представителей той или иной страны находится в России.

Трудовых мигрантов с Украины проживает на территории России больше, чем выходцев из других стран. Но с точки зрения культурной несовместимости коренных и приезжих интересен другой аспект. Данные ВЦИОМ, Г. С. Витковской и других социологов, многочисленные социологические опросы в Москве и в других регионах страны показывают, что отношение жителей России к украинцам гораздо лучше, чем, например, к выходцам с Кавказа (12). Это подтверждает предположение, что на отношение к мигрантам влияет прежде всего их этническая принадлежность, а также культурное восприятие со стороны коренного населения тех этнических характеристик, которые мигранты восприняли за долгие годы проживания в азиатских и кавказских республиках.

Исторически сложившиеся различные практики социализации, отличные социокультурные модели поведения мигрантов и россиян обусловили их контрастность и, вследствие этого, взаимное неприятие. В силу разности менталитетов и социокультурных моделей поведения эти группы мало пересекаются. Мигранты, как правило, стараются общаться среди таких же, как они, мигрантов или селиться отдельно, создавать компактные поселения. Таким образом, процесс взаимопроникновения культур идёт очень медленно.

Реальностью является тот факт, что в результате активной иммиграции в России создаётся общество с культурным и этническим разнообразием. Стране приходится выбирать собственный путь регулирования этого разнообразия: ассимиляция, дифференциальное исключение или мультикультурализм. В таком сложном вопросе простое заимствование чужого опыта просто невозможно, хотя отказываться от его изучения тоже нельзя.

Показателен в этом отношении опыт Финляндии. Количество мигрантов, переехавших в Финляндию в 90-е годы XX в. составляет всего лишь 88 тыс. человек (приблизительно 1,7% всего населения страны), но у финского общества, тем не менее, появилась необходимость способствовать процессу адаптации переселенцев, оградить их от этнической отчуждённости, социального отстранения и проявлений расизма (1). Россия, приняв миллионы мигрантов из стран ближнего зарубежья, тем более должна быть озабочена проблемами их адаптации, проблемами воспитания не просто толерантности к переселенцам, а проблемами формирования доверия между репатриантами и россиянами. А проблема адаптации трудовых мигрантов должна находиться на контроле и социальных служб.

С этой точки зрения, у русскоязычных переселенцев, казалось бы, не должно возникать с россиянами проблем социокультурного противостояния. Но это не так. Социологами зафиксирован психологический эффект не совсем адекватного восприятия мигрантами своего образа в глазах местных жителей. При этом и аборигены зачастую не признают в этнических русских-мигрантах таких же русских, как они сами, так как формирование ценностей и социальных установок у местных жителей протекало в иных условиях, нежели у мигрантов из стран ближнего зарубежья. По этим же причинам адаптация переселенцев осложняется трудностями общения с местными жителями, которые, по мнению мигрантов, ведут себя иначе, непривычно, как было не принято среди русских в среднеазиатских республиках. Этнические русские, долгие годы проживая на территории этих республик, невольно воспринимали бытовые, семейные, трудовые и другие особенности жизни коренных народов и при переезде в Россию распространяли свои глубоко укоренившиеся представления на россиян. Различия социальных установок в поведенческой сфере, в культурных традициях, в общении переселенцев и местных жителей при нестабильной социально-психологической ситуации в обществе может оказывать негативное влияние на процесс взаимодействия между представителями этих групп населения.

Для адаптации/ассимиляции иммигрантов необходимо встречное движение, желание местного населения. Его негативное отношение толкает иммигрантов к самоизоляции.

Как уже отмечалось выше, мигранты с точки зрения сложности и многоуровневости адаптационных процессов находятся в более тяжёлом положении, чем коренные жители. При анализе внутренних факторов адаптации нужно уточнить специфику этого процесса. Здесь на первый план выходит проблема формирования *доверия* между переселенцами и аборигенами, и суть адаптации мигрантов сводится именно к завоеванию этого доверия. Этот вопрос практически не разработан в социологической литературе. Чаще пишут о необходимости формирования толерантного отношения к мигрантам со стороны россиян, о формировании толерантного сознания у молодёжи и т. п. Это актуальный разговор, но доверие и толерантность – не одно и то же. Можно вынужденно терпеть мигрантов, сообразуясь с экономической и демографической необходимостью, но не доверять им, что будет мешать аккультурации приезжих. Кроме того, важной является и позиция переселенцев. В какой степени они готовы менять своё поведение, чтобы вызвать доверие коренных жителей, в какой степени готовы принять ценности российского общества? Каковы их установки на аккультурацию, или они готовы временно смириться, а подчинение нормам принимающего сообщества внутренне отрицают? Какую модель аккультурации предпочитают мигранты?

Таким образом, нас интересует прежде всего внутренний аспект этой проблемы, а именно личностные установки различных групп переселенцев на сближение с местным населением.

Дело в том, что переселенцы, уверенные в плохом отношении к ним местных жителей подсознательно (или сознательно) стремятся воссоздать атмосферу прежней жизни. В самом крайнем проявлении эта проблема решается через организацию компактных поселений мигрантов.

Можно различать три физические и две виртуальные структуры миграции. Физические структуры: компактное поселение (ОКП), диффузное поселение («ассимилят»), диаспора. Виртуальные структуры: национально-культурная автономия и псевдоэмиграция («антисистема»).

Компактные поселения, состоящие из представителей одного этноса, прибывших на эту территорию в качестве мигрантов, могут быть открытого и закрытого типа. Для жителей гетто (закрытый тип) характерно недружелюбное и недоверчивое отношение к посторонним. Типичный пример – это негритянские кварталы Нью-Йорка, куда не рекомендуют заходить белым. «Китайские кварталы», напротив, характеризуются дружелюбием и открытостью, так как они заинтересованы в привлечении покупателей. Гетто могут быть спонтанные и принудительные.

Диффузное поселение образуется в случае, если аборигенное население и мигранты высоко терпимы друг к другу, если у них нет контрастных различий в уровне цивилизованности. При этом происходит культурный обмен и взаимодействие мигрантов и аборигенов. Существенную роль здесь может играть сходство по какому-либо существенному параметру, например, по религиозной принадлежности или общему историческому прошлому, как в случае миграции населения стран СНГ в Россию. Ассимиляция может быть полной или частичной.

Диаспора – это диффузное сообщество индивидов, прошедших исторический опыт адаптирования к самым разнообразным условиям. Участники диаспоры не теряют связей друг с другом. Это историческая многовековая школа выживания индивидов в чужеродной среде. Таким образом, миграционные явления, связанные с диаспорой, – это всегда межгосударственная миграция. Она сочетает в себе диффузные и компактные поселения, но во многих странах мира. Диаспора помогает адаптироваться своим членам, где бы они не жили. Самые известные и успешные диаспоры – это еврейская и армянская.

Национально-культурная автономия – это общественная организация, целью которой является взаимопомощь, поддержание культурных традиций и языка, моральная поддержка представителей своего этноса. Это полезная миграционная структура, если только она не становится жертвой экстремистов и не получает политическую направленность.

Термин «*антисистема*» был введён Л. Н. Гумилёвым для обозначения совокупности индивидов, постоянно выступающих против своей страны: формально принадлежат к стране и её культуре, они враждебны ей осознанно или нет. Это внутренняя, психически вполне развёрнутая миграция, но без переменных места жительства: индивид отчуждён от своей страны, но не собирается её покидать. Типичный персонаж антисистемы – это индивид, которому в родной стране всё плохо, который всегда отыщет повод для неконструктивной, разрушительной критики. Характерный пример – это диссиденты времён брежневской эпохи (2).

На Западе многие мигрантские сообщества живут по типу диаспор или гетто. В России, за редким исключением, не проводились исследования повседневных практик новых мигрантских сообществ, и до сих пор остаётся неясным, как складываются социальные сети мигрантов, каковы их функции и что собой представляет так называемая «мигрантская экономика». Поэтому пока можно говорить о том, что необходимо глубже исследовать опыт адаптации мигрантских сообществ в России, опыт компактных поселений мигрантов.

С одной стороны, стремительное удорожание жизни и невозможность обустроиться в одиночку создали объективные условия для коллективного выжи-

вания и ведения хозяйства переселенцев в условиях экономической нестабильности. Общины соотечественников, которых в настоящее время насчитывается в России более тысячи, создаются переселенцами в основном для защиты своих прав и интересов, а также для обеспечения рабочими местами и совместного строительства жилья.

Но, с другой стороны, современный взгляд на данную проблему, как уже было упомянуто, состоит в том, что более успешной стратегией является идентификация переселенцев с местным сообществом. Дело в том, что замкнутые поселения мигрантов способствуют их самоизоляции и затягиванию сроков адаптации. Так, например, известен опыт компактных поселений вынужденных мигрантов в Ульяновской и Пензенской областях. Выше мы уже приводили цифры, свидетельствующие о том, что такая изоляция способствовала формированию у переселенцев представлений о негативном характере отношения к ним со стороны местных жителей (6).

В. В. Гриценко показала, что более успешно адаптировались вынужденные переселенцы, избравшие дисперсный тип расселения и активно взаимодействующие с коренными жителями, по сравнению с теми, кто поселился компактно (3).

В Курганской области также есть неудачный опыт формирования замкнутого компактного поселения. Директор хозяйства «Богатырь» (село Яровое Половинского района) решил обеспечить рабочую силу для нужд своего хозяйства за счёт привлечения русскоязычных мигрантов из Казахстана, на границе с которым и расположено это село. Он помог многим семьям переехать и устроиться в России. Хозяйство обеспечило переселенцев не только работой, но и жильём. Но адаптация мигрантов в селе была так тяжела, так велики были организационные трудности оформления статуса компактного поселения (его так и не дали) и психологические трудности адаптации мигрантов, что многие из них, в конце концов, предпочли уехать в другие регионы России.

Тем не менее, законодатель, несмотря на негативный опыт, рассматривает организацию компактных поселений мигрантов как наиболее результативную меру в их успешной адаптации. В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 3 марта 1992 г. № 135 «О мерах по оказанию помощи беженцам и вынужденным переселенцам» (в редакции от 16 июня 1997 г. № 724) на органы исполнительной власти субъектов федерации была возложена задача предусматривать строительство комплексных поселений для компактного размещения беженцев и вынужденных переселенцев с созданием необходимых рабочих мест, в том числе в соответствии с программой возрождения российского села.

Под общинно-компактным поселением (ОКП) вынужденных переселенцев понимается населённая территория, в пределах которой они проживают, объединившись для совместного устройства, занятости и социальной адаптации. Эффективность общинного обустройства, по мнению законодателей, заключается в комплексном подходе к решению проблемы с учётом всех влияющих факторов, организации рабочих мест на создаваемых ими предприятиях, а также возможности строительства жилья хозяйственным способом.

Так, в Псковской области создано 62 предприятия, из них производственно-переселенческих организаций – 26, жилищно-строительных товариществ – 25, прочих организаций – 11. В общей сложности они объединяют 724 семьи и 2400 человек.

Большинство исследователей сходятся в том, что государство практически не занимается адаптацией и аккультурацией мигрантов, не борется с их «капсулированием». Мы видим, что государство даже напротив способствует самоизоляции переселенцев. Решение проблемы обеспечения жильём и работой путём организации ОКП является важным для мигрантов, но одновременно обостряет проблему взаимоотношений с местным населением, что увеличивает сроки адаптации переселенцев. Самое главное, что в таких условиях у мигрантов слабо формируются установки на идентификацию с местным сообществом, так как они уверены в неблагоприятном отношении к ним коренных жителей и объективно отделены от них как в сфере производства, так и в сфере бытовых отношений.

Важнейшим моментом в проблеме адаптации мигрантов, является проблема доверия между принимающим и мигрантским сообществом, а в этом отношении особо актуальным – вопрос об активности самих мигрантов в участии в процессах идентификации с россиянами. Чем выше собственная активность субъекта адаптации, тем успешнее и быстрее она протекает. Мы опираемся на методологические положения отечественных психологов о самодвижении, саморазвитии адаптантов. Мигранты должны не просто проявлять активность в сближении с местными жителями, но и саморазвиваться, внутренне меняться в процессе аккультурации. Нужно иметь в виду, что саморазвитие – это направленный процесс постоянных самоизменений. Мигранты должны иметь желание к сближению, сознательно формировать установки на идентификацию. Только при таком условии возможен процесс формирования доверия между россиянами и приезжими.

В этом отношении роль социального работника может быть очень существенной и даже необходимой.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Каковы возможные причины неприятия мигрантов со стороны коренных жителей России?
2. Какие физические и виртуальные структуры миграции можно выделить? Охарактеризуйте их. Приведите примеры.
3. Что вы знаете об общинно-компактных поселениях мигрантов?
4. Создание общинно-компактных поселений, на ваш взгляд, способствует адаптации переселенцев или замедляет её ход?
5. Какое место занимает проблема формирования доверия между мигрантами и россиянами в процессе аккультурации приезжих?
6. Приготовьте сообщение на тему «Проблема мигрантофобии в России».
7. Приготовьте сообщение на тему «Проблемы формирования толерантного сознания у россиян».

Список литературы

1. Бобохидзе В., Виртанен Т. Употребление одурманивающих средств и наркотиков переселенцами в Финляндии // Социологические исследования. – 2001. – № 12. – С. 92-96.
2. Бондырева С. К., Колесов Д. В. Миграция (сущность и явление). – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж, 2004. – С. 53-71.
3. Гриценко В. В. Роль индивидуальных различий в процессе адаптации вынужденных мигрантов // Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы / Под ред. Г. У. Солдатовой. – М.: Смысл, 2001. – С. 112-138.
4. Гриценко Г. Д., Маслова Т. Ф., Кобзева Н. В. Черты к «портрету» трудового мигранта // Социологические исследования. – 2007. – № 8.
5. Дитц Б., Хилькес П. Интегрированы или изолированы? К ситуации российско-немецких переселенцев в Федеративной Республике Германии. – Мюнхен: Ольцог, 1994.
6. Дубовый Л. М., Константинов В. В. Психологические проблемы компактно проживающих вынужденных мигрантов // Психологические проблемы профилактики экстремизма в российском обществе: Сб. мат. Всерос. науч.-практ. конф. – Пенза, 2002. – С. 16.
7. Зубарев А. Проблемы российского образования в Казахстане. Выступление на парламентских слушаниях в Государственной Думе РФ «Российское образование в странах СНГ», 19 апреля 2002 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1019420460>
8. Ионцев В. А., Лебедева Н. М., Назаров М. В., Окорочков А. В. Эмиграция и репатриация в России. – М.: Попечительство о нуждах Российских репатриантов, 2001. – 490 с.
9. Космарская Н. П. «Женское измерение» вынужденной миграции и миграционное законодательство России // Проект «Гендерная экспертиза» Московского центра гендерных исследований. – М., 1998. – 64 с.
10. Мукомель В. И. Грани интолерантности (мигрантофобии, этнофобии) // Социологические исследования. – 2005. – № 2. – С. 56-66.
11. См., напр.: Рязанцев С. В. Этнические мигранты на Ставрополье // Социологические исследования. – 2000. – № 7. – С. 111-116; Назарова Е. А. Особенности современных процессов миграции // Социологические исследования. – 2000. – № 7. – С. 110; Дубовый Л. М., Константинов В. В. Психологические проблемы компактно проживающих вынужденных мигрантов // Психологические проблемы профилактики экстремизма в российском обществе: Сб. мат. Всерос. науч.-практ. конф. – Пенза, 2002. – С. 15.
12. В. И. Мукомель. Грани интолерантности (мигрантофобии, этнофобии) // Социологические исследования. – 2005. – № 2. – С. 56-66.
13. Шопс Ю., Ясперс В., Фогт Б. Русские евреи в Германии. Интеграция и самоутверждение в чужой стране. – Ванхайм, 1996. – 366 с.

14. Щедрина О. В. Возможна ли мультикультурная модель интеграции мигрантов в России? // Социологические исследования. – 2004. – № 11. – С. 67-75.
15. Информационный портал УФМС России по Курганской области. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fms45.ru/stat2/1852-migracija-v-cifraxh.-itogi-dejatelnosti-za-8-mes.html>

Здоровье мигрантов как фактор их адаптации

Адаптация переселенцев может осложняться и проблемой ухудшения их здоровья в результате стрессов в период переезда и аккультурации. Кроме того, степень гарантированности прав для мигрантов можно проанализировать и на примере доступа к медицинскому обслуживанию. Здоровье признается во всем мире как фундаментальное и неотъемлемое право каждого человека. Вместе с тем, когда мы говорим о мигрантах, к сожалению, нужно отметить, что они не имеют равных с местным населением прав доступа к медицинским ресурсам.

Например, одна из опрошенных мигранток рассказала о таком случае:

«Муж у бабушки был прописан, а я вот нигде не прописана, я родила, это мне повезло, по знакомству меня записали как-то, а потом стало строго, меня даже на приём не записали в женской консультации без прописки» (26 лет, замужем, Казахстан).

Для любых мигрантов ухудшение здоровья в результате переезда – это весьма вероятный факт. Т. Малева рассматривала здоровье мигрантов, переехавших из Инты (Печорский угольный бассейн) в среднюю полосу России (2). Более половины опрошенных не заметили никаких изменений, но остальные ответы распределились так: четверть респондентов указала на улучшение здоровья, четверть – на ухудшение. Однако здесь надо иметь в виду, что люди переезжали из районов Севера в среднюю полосу, то есть из более холодного климата в тёплый. Специфика постсоветских миграций связана с тем, что мигранты чаще переселяются из тёплого климата в более холодный. И этот фактор наряду со стрессом переезда существенно влияет на успешность их адаптации. Так называемые стрессовые, вынужденные миграции подтверждают этот вывод.

В 1999-2000 годах сотрудники научно-практического центра психологической помощи «Гратис» опросили 326 беженцев из дальнего зарубежья. Психологи пришли к выводу, что одна из основных проблемных областей адаптации мигрантов связана со здоровьем. Резкое ухудшение самочувствия в результате травмирующих событий зачастую имеет психосоматическую основу и требует помощи психолога (4).

В. К. Калинин отмечает, что для беженцев характерно состояние посттравматического стрессового расстройства. Всех беженцев уравнивает потеря ими культурной идентичности и резкое понижение уровня социальной интегрированности, что увеличивает риск психопатологии, в частности, суицидальных тенденций (3).

В основном, проблемы с ухудшающимся здоровьем возникают вследствие стресса, который сопровождает весь процесс миграции. По свидетельству большинства переселенцев, стресс существенным образом повлиял на то, что у них самих или членов их семьи обострились хронические заболевания или появились новые.

Психологи выделяют такие наиболее распространенные заболевания у вынужденных мигрантов, как анемия, вегето-сосудистая дистония, гастрит, невроз. По данным психологов, число тех, кто испытывает чувство тревоги, страха, неуверенности после переезда, возросло в 4 раза. Для мигрантов, как правило, характерно наличие сразу всех или нескольких симптомов. Психика становится неустойчивой, расшатывается, в результате снижается способность личности к адаптивным формам поведения (4). Вывод психологов однозначен: ухудшение здоровья у переселенцев мешает их нормальной адаптации в стране въезда и идентификации с местными жителями.

Для трудовых мигрантов, быт которых зачастую совершенно не устроен и не отвечает санитарным нормам, угрозой являются простудные и кишечные заболевания, а также туберкулез (1). Опрос ста гастарбайтеров 2009 г., работающих в Кургане, показал, что медицинский полис оформила лишь треть респондентов (36%), каждый пятый работает более 10 часов ежедневно (23%). Понятно, что такие обстоятельства отнюдь не способствуют сохранению здоровья.

Другой проблемой, которая является проблемой не только в России – это доступ к психологической помощи. Стресс аккультурации почти всегда является следствием миграции, однако во многих центрах временного размещения мигрантов не было ставки психолога. Не раз официальные лица говорили о насущной необходимости работы психологов с мигрантами, но «телефоны доверия» есть не в каждом городе, тем более нет их в сельских поселениях.

Таким образом, здоровье мигрантов – это основа их успешной адаптации. Улучшение здоровья в результате переезда или доступ к качественной медицинской помощи служат залогом благополучной адаптации. Напротив, ухудшение здоровья мешает адаптации переселенцев. Хотя нужно отметить, что эта связь не во всех случаях носит прямой характер. Иногда для мигрантов бывает важнее оказаться на родине, воссоединиться с соотечественниками, чем продолжать жить в тёплом климате, в местности, богатой фруктами и солнечными днями, но в неблагоприятной инонациональной среде.

Организация социальными службами консультационной, правовой и психологической помощи мигрантам может сыграть существенную роль в их благополучной адаптации.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Почему здоровье переселенцев может ухудшиться при переезде и в период аккультурации?
2. Какую помощь в сохранении здоровья мигрантов могут оказать социальные работники?
3. Составьте небольшую анкету для выяснения проблем со здоровьем мигрантов в процессе адаптации в России.

Список литературы

1. Акмалова А. А., Капицын В. М. Социальная работа с мигрантами и беженцами: Учебное пособие. – М., 2008. – С. 55.
  2. Бритвина И. Б., Киблицкая М. В. Жизнь мигрантки в моногороде: Монография. – М.: Книгодел, 2004. – С. 284.
  3. Калинин В. К. Кросс-культурные аспекты психологической помощи // Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы / Под ред. Г. У. Солдатовой. – М.: Смысл, 2001. – С. 40-66.
  4. Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А. Социально-психологическая адаптация вынужденных мигрантов // Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы / Под ред. Г. У. Солдатовой. – М.: Смысл, 2001. – С. 66-102.
- Материалы исследования 1998-2001 гг., в котором кроме других социальных групп были опрошены свыше 300 русских вынужденных мигрантов, покинувших страны СНГ и Чечню и поселившихся в Воронежской, Кировской, Омской, Орловской, Ростовской и Тамбовской областях.*
5. Universal Declaration of Human Rights, 1948.

Гендерные особенности адаптации мигрантов

Методология изучения гендерной проблематики была разработана в 1970-х годах в США. Гендерные исследования во многом стали продолжением женских исследований в социологии. Признание и распространение гендерных исследований в России пришлось на 90-е годы XX века (10).

В начале XXI века понятие «гендер» (gender) окончательно определяется как социальный пол, а понятие «sex» – как биологический пол. Таким образом, гендерная принадлежность – это социальное качество человека. Однако социологи сегодня не склонны жёстко противопоставлять эти два понятия. В учёном мире уже несколько десятилетий признано, что отношения между полами детерминируются социальными и культурными конструкциями. Гендерная детерминация мышления и поведения людей основана как на объективном существовании половых различий, так и на бытовании социальных требований и стереотипов полового поведения: семейно-брачных отношений, в которых мужу и жене предписаны разные стандарты и нормы-требования; половом разделении труда, в процессе которого женщины, как правило, осуществляют испол-

нительские функции, что и предопределяет более низкую оплату их труда и, таким образом, более низкие места в социальной иерархии по сравнению с мужчинами (13).

Таким образом, изучая детерминацию миграционных процессов, невозможно обойтись без учёта гендерной составляющей, которая лежит в основе социальной стратификации общества в целом, и стратификации мигрирующих групп. Внешние факторы, детерминирующие миграцию, преломляясь через гендерные особенности переселенцев, дают вариативность проявления внутренних факторов. И эта вариативность имеет гендерную специфику.

Такое же значение, как и гендерная стратификация, в миграционных процессах имеет гендерная стереотипизация, так как мигрантам приходится перемещаться из одной этнической системы господствующих стереотипов в другую. В результате формируется сложная система сочетания и борьбы стереотипов, которая значительно осложняет процесс адаптации переселенцев. Кроме того, в процессе миграции огромную роль играет семейное положение мигрантов, их место в структуре домохозяйства, распределение семейных обязанностей, наличие детей, фактор сплочения семьи, тесные взаимосвязи в составе расширенной семьи (семейного клана).

Женская миграция выделилась на Западе в самостоятельную сферу научной и практической деятельности в начале 1980-х годов: проводились научные конференции, формировались проблематика, понятийный аппарат, специфические методы исследования. Причём эта тематика развивалась сразу в нескольких направлениях: со стороны женских исследований и феминистского движения (Afshar, Castro, Chant), со стороны миграционных исследований (Zlotnik, Lim, Lin Lean), в русле проблемы прав человека. Были созданы и сейчас успешно функционируют организации различного уровня (межправительственные, национальные, неправительственные): фонды, общественные движения, инициативы и т. п. Вся эта разветвленная социальная инфраструктура помогает увидеть и реализовать возможности, предоставляемые миграцией, а также является дополнительным средством контроля и гарантом соблюдения прав женщин. Однако даже западные исследователи отмечают недостаточное внимание к гендерным проблемам миграции, которые начали изучаться сравнительно недавно (Miller).

В течение последних двадцати лет в западной науке произошли три важных события в плане изучения процесса миграции с точки зрения гендерного подхода.

Первое направление связано с признанием того, что имеются существенные различия между мужчинами и женщинами в смысле побуждений, рисков, их продвижения и адаптации.

Второе направление связано с объединением всех социальных концепций сетей, призванных моделировать более динамический процесс миграции.

Третьим важным направлением было признание того, что решения о миграции принимаются не разрозненными индивидуумами, а обусловлены их членством в пределах домашних хозяйств и общин.

Большинство статей, посвящённых в настоящее время гендерным аспектам миграции, пытаются ответить на следующие вопросы: чем мужчины-мигранты отличаются от женщин-мигрантов; в чём отличны их процессы принятия решений, касающихся миграции; как меняются причины миграции в зависимости от пола; действительно ли последствия миграции различны для мужчин и женщин. Таким образом, исследования в западной социологии показали, что в адаптации мигранта и его семьи имеет значение не только пол, но и положение внутри домашнего хозяйства: каков статус мигранта в домашнем хозяйстве, является ли он/она главой домашнего хозяйства, роль в домашнем хозяйстве (14).

Суммируя всё вышесказанное, можно отметить, что женский и мужской опыт миграции существенно отличаются. К сожалению, до сих пор в некоторых исследованиях игнорируются различия между мужчинами и женщинами, а, следовательно, игнорируются и гендерные аспекты формирования сетей мигрантов, поиска работы (Boyd; Grasmuck & Pessar).

Имеется достаточно много исследований, показывающих, что социальные связи имеют гендерную окраску и гендерный состав социальных сетей влияет на статус рабочего места и доходные характеристики занятости. В США это работы Кемпбелла, Хансона и Пратта (15), в Мексике – работы Гонсалеса ла Роша (9).

Некоторые исторические исследования свидетельствуют, что нередко государственные программы помощи мигрантам отдают предпочтения одному полу в ущерб другому. Так, например, гендерная селективность перемещений мигрантов усиливала различия в социальных сетях мужчин и женщин при разработке программы Брасеро (Bracero). Программа, которая началась в 1940-х годах, вербовала мексиканских мужчин-чернорабочих в США, таким образом облегчая миграцию мужчин-мигрантов и способствуя развитию мужских социальных связей среди мигрантов-мексиканцев в Америке. Очевидно, что такого рода программы, разработанные на государственном уровне, приводили к гендерному неравенству в миграционном плане, поскольку усиливали гендерные различия и ограничивали возможности мексиканских женщин мигрировать в одиночку в США, при явном поощрении миграции мужчин (7). Учитывая то,

что в основном социальные сети формируются по гендерному признаку и что в некоторых странах официальные программы помощи мигрантам также формируются по гендерному принципу, а приоритет в этом смысле отдаётся мужчинам, можно предположить, что женские сети будут менее институционализированы, чем мужские сети. В США до 1970-х годов не существовало специальных институционализированных программ для мигранток из Мексики (4).

Нужно отметить, что в конце XX – начале XXI в. европейские страны, следуя принципам своей миграционной политики («поменьше впускать, но лучше интегрировать»), вынуждены принимать специальные программы по социальной поддержке и интеграции женщин, принадлежащих к меньшинствам, так называемые *migrant/minority women*.

Таким образом, можно видеть, что западные социологи уже не одно десятилетие развивают гендерный аспект в анализе миграционных процессов, однако и зарубежные учёные сталкиваются с трудностями обнаружения роли гендерного фактора в миграции и с проблемами его анализа. Многие авторы на Западе пишут о влиянии гендерной стратификации, гендерной стереотипизации и гендерного разделения функций в составе домохозяйства на миграционные стратегии и на сам процесс адаптации переселенцев в стране въезда.

Нужно отметить, что в России исследований миграционных процессов с гендерных позиций очень мало. Одно из немногих – это исследование Н. П. Космарской «Женское измерение вынужденной миграции и миграционное законодательство России» (11). Н. П. Космарская проанализировала, почему гендерные аспекты вынужденной миграции не стали объектом пристального внимания российских учёных. Она считает, что это связано с особенностями принимающих и отпускающих сообществ. Если репатрианты, въезжающие в страны Европы или США, вынуждены перемещаться из развивающихся стран в развитые (когда особенно заметной является социально-экономическая, этнокультурная и цивилизационная дистанция между отпускающим и принимающим сообществом), то в случае вынужденной миграции русскоязычных из бывших республик СССР ситуация обратна противоположная. Возвращение на историческую родину русскоязычных переселенцев — это вхождение в «своё» или воспринимаемое таковым общество, в котором нет языковых, этнических барьеров для идентификации репатриантов. Поэтому на начальных этапах переселения русскоязычных в Россию вряд ли кто-то ожидал, что дадут о себе знать серьёзные социокультурные различия между местными жителями и приезжими. Н. П. Космарская считает, что изучение гендерных особенностей адаптации вынужденных мигрантов ещё впереди.

Продолжая разговор об особенностях адаптации репатриантов в цивилизованных странах (Европа и США), нужно отметить, что в гендерном аспекте общества выхода и приёма мигрантов действительно принципиально отличаются друг от друга. В первых господствуют патриархатные модели отношений между мужчиной и женщиной, в других же одержала победу эгалитарная модель. Для женщин-мигрантов из африканских и азиатских стран, в особенности тех из них, где господствует ислам и где основная жизнедеятельность женщины не выходит за пределы ведения домашнего хозяйства, интеграция в общество с иными гендерно-культурными нормами существенно затруднена. В то же время модернизированная социокультурная среда даёт некоторые шансы «прорыва» к эмансипации, особенно в случае, когда женщина получает возможность изучить язык, найти работу вне дома и обеспечить себе самостоятельный источник дохода. Как правило, это тернистый путь, на котором она вовлекается в противостояние не только с работодателями, иммиграционными службами и просто страдающими предрассудками рядовыми гражданами (как женщина, цветная и «приезжая»), но и с мужской частью своего клана, родственной группы. Это порождает специфические для женщин-мигрантов социальные коллизии, за которыми пристально следит общественное мнение, привыкшее в западных странах к строгому соблюдению политкорректности в отношениях рас, наций и полов. При такой яркой «видимости» проблем женщин-мигрантов европейские страны вынуждены принимать специальные программы по социальной поддержке женщин.

По мнению большинства экспертов, проблемы мужчин и женщин-мигрантов в России совершенно одинаковы и их крайне трудно дифференцировать. Многие эксперты считают, что отпускающее и принимающее общества практически идентичны в гендерном отношении. Русскоязычные женщины в бывших республиках СССР были и остаются носительницами универсальной гендерной культуры советского образца, даже в тех республиках, где этнокультурная дистанция между русскоязычными и титульными этносами особенно заметна (страны Центральной Азии). Мы не можем согласиться с этой точкой зрения. В некоторой степени гендерные стереотипы имели общий советский характер, но всё же это не снимало конфликт стереотипов принимающего сообщества и приезжих мигрантов, которые не могли не нести с собой гендерные нормы вытесняющих этносов. Нужно сказать и о том, что социокультурные барьеры между русскоязычными переселенцами и коренными россиянами всё же стали реальностью для нашей страны, были выявлены в результатах многих исследований и обозначены термином «другие русские».

Рассмотрим проблему гендера в миграционных процессах через анализ *гендерной стратификации в странах исхода*. Некоторые статистические данные и результаты социологических исследований в новых постсоветских странах, показывающие резкое изменение положения женщин в стратификационной системе в 1990-е годы, позволяют нам это сделать. В этом ракурсе одной из главных внешних детерминант, преломляющихся через гендер и вызывающих страх, прежде всего, у русскоязычных женщин, являлись реальные процессы неравенства половых групп, обострившиеся в период суверенизации, что приводило к изменению стратификационной системы не в пользу женщин, к понижению их социального статуса. Логично предположить, что углубление неравенства половых групп в период суверенизации новых стран сильнее влияло именно на потенциальных мигрантов-женщин, хотя бы в силу того, что именно они, прежде всего, оказывались в более низком статусном положении по сравнению с мужчинами. Автор считает, что внешние неблагоприятные условия, сложившиеся в новых постсоветских странах, особым образом воспринимались русскоязычными женщинами, вызывая страх от резких внезапных перемен, страх потери привычного социального статуса и, таким образом, нарушая стабильность семейного существования. Вот как об этом говорит русская мигрантка из Азербайджана:

«Во-первых, я не ожидала, что будет лучше. Наоборот, я боялась, что будет хуже и хуже, что могут мне отказать от работы, потом я действительно не знала азербайджанского языка...» (51 год, не замужем).

Важно здесь увидеть и другую проблему, – как через гендерный фактор преломляются внешние детерминанты миграционного поведения, формируя внутренние факторы, т.е. мотивы и установки на переезд в Россию, различные у женщин и мужчин. Женщины в первую очередь испытывали страх за детей, за их будущее, детерминированный страхом от потери возможности удовлетворять базовые потребности своей семьи. Мигрантка из Таджикистана наиболее ярко выразила эту мысль в интервью:

«Да, стало страшно. Доходило до того, что начали дежурство устраивать, мужики из домов выходили и говорили: «Давайте будем дежурить по очереди». И как ночь настает, я стиральную машину тащу к дверям, я боялась, у меня был физический страх и за детей» (57 лет, не замужем).

Страх перед снижением социального статуса в результате суверенизации постсоветских стран, а значит и страх потери возможности удовлетворения жизненных, витальных потребностей, преследовал как русскоязычных женщин, так и мужчин. Но женщины испытывали это чувство в гораздо большей степени, так как реальные изменения стратификационной системы в новых странах были далеко не в их пользу. Все изменения только ухудшали социальное поло-

жение женщин, снижая их возможности удовлетворять потребности семьи, возможности выживания, обеспечения нормального уровня жизни для детей. В этот период времени в странах исхода не было никаких механизмов, которые бы компенсировали женщинам этот страх, обещали бы в дальнейшем реальную перспективу нормализации их собственной жизни и жизни детей.

Проанализируем проблему преломления внешних факторов через гендер путём анализа такого *социального института как семья*, места и роли этого института в гендерной составляющей миграционных процессов.

Результаты исследований на Западе, некоторые работы отечественных социологов и наши данные показывают, что сам факт социального пола (гендерный фактор) очень тесно, практически неразрывно, связан с другими характеристиками мигрантов, с такими как семейное положение, место (роль) в системе домохозяйства (глава семьи или семейного клана, особенности взаимоотношений внутри семьи, степень взаимопомощи и др.), наличие детей. Социальный пол усиливается или даже проявляется именно через эти особенности семейных межличностных взаимодействий в процессе миграции. Для каждой категории семейных мигрантов налицо будут особенные причины миграции, особые способы переселения и факторы адаптации на новом месте. Переселение зачастую происходит всей семьёй или даже кланом родственников (расширенная семья). Поэтому в миграции представлены не просто семейные мужчины и женщины, а мигрирующие семейные пары, в которых есть муж и жена, глава семьи, глава семейного клана и т. д. Все эти гендерные характеристики влияют на принятие решения о миграции, на способ миграции, на выбор места жительства в стране предназначения и на процесс адаптации в новом месте.

Западные социологи внесли существенный вклад в проблему изучения семейной взаимопомощи в процессе миграции. Т. Бурч, определивший семью как совместно проживающих родственников, сделал акцент именно на совместном проживании (б), в то время как в настоящее время и в значительной мере для миграционных процессов огромную роль играет расширенная семья, то есть не только те родственники, которые живут вместе. Именно эти родственные связи являются порой критическими в процессе миграции, они составляют цепочку родственных связей, члены которой могут влиять на процессы принятия решения о миграции, а также оказывать существенное влияние на повседневную жизнь мигрантов в процессе адаптации. Литература по теории миграции свидетельствует о том, что внутри семьи происходят достаточно сложные процессы, и существует очень большая взаимозависимость между теми, кто мигрирует и широкой сетью других родственников. Особенно это верно для азиатских национальностей, у которых очень сильна внутриклановая и внутриродственная

поддержка расширенных семей. Как правило, на решение о миграции могут оказывать влияние не только члены семьи, а члены всего клана родственников. Поэтому анализ успешности адаптации трудовых мигрантов на территории России, которые прибывают, прежде всего, из новых азиатских стран, должен осуществляться с учётом гендерного фактора.

М. Низа собрала воедино основные находки исследователей, изучающих взаимосвязь миграции и семьи (12):

- в принятии решения о миграции скорее семья, а не индивидуум является основным звеном;

- решение о миграции принимается чаще всего для улучшения благосостояния всей семьи, а не отдельных членов, и в большинстве случаев это решение принимает глава домохозяйства;

- родители, как правило, обладают особой силой в принятии решений о миграции. В частности, они могут принять волевое решение в отношении старших или младших детей о миграции (мигрировать или нет), если, например, необходимо возделывать землю в стране проживания, или просто поддерживать старых родителей;

- несмотря на то, что экономические мотивы очень важны в принятии решений о миграции, социальные факторы обладают не меньшей силой, например, наличие или отсутствие родственников в стране, куда планируют мигрировать. С другой стороны, решение о миграции может быть свернуто, если необходимо совместно преодолеть экономические трудности в стране проживания.

Таким образом, указанные авторы считают, что успешная адаптация семьи зависит от экономического климата в месте, куда мигрируют, от силы родственных связей, а также от традиционной экономической активности семьи.

Можно утверждать, что надежда на семейно-родственные связи – это существенный фактор в ряду гендерных характеристик мигрантов. Этот гендерный фактор детерминации миграционного поведения влияет и на выбор принимающей страны, и на выбор конкретного населённого пункта для переезда, и на объём материальной помощи, а что самое главное – на различия в психологическом самочувствии, и, таким образом, на успешность адаптации мужчин и женщин-мигрантов. Семья и родственники играют огромную роль в переезде. Хотя надо отметить, что не существует прямой зависимости в том, что близкие родственники помогают, а дальние – нет. Это зависит от силы родственных связей в той или иной семье. В некоторых семьях велики узы между всеми родственниками, и дальние помогают так же, как и близкие. А в других семьях близкие родственники отказываются помочь даже малым. В современных условиях, когда государство обладает очень скромными возможностями поддержки

мигрантов и их семей, именно родственники выполняют решающую роль в адаптации мигрантов, предоставляя им жилье, прописку и т.п. К сожалению, современные мигранты вынуждены рассчитывать не на государственную помощь, а, прежде всего, на помощь родственников или знакомых. В этом отношении семейные интересы, распределение ролей внутри домохозяйств, роль мужей в процессе миграции и в процессах привыкания к новому месту, роль матери, главы семейного клана требуют дальнейшего изучения в рамках других исследований.

Автор считает, что положение мигранта внутри семьи, в структуре домохозяйства, его семейный статус – это также важный фактор, детерминирующий миграционное поведение. И это фактор из разряда гендерных характеристик. В связи с этим, можно поставить закономерный вопрос: кто главный субъект миграции, мужчина или женщина? Однозначно ответить на этот вопрос невозможно: существует множество сценариев миграции. Женщина, в зависимости от роли в составе домохозяйства, может быть инициатором миграции или её пассивным приверженцем. Такие же роли может исполнять муж. Женщина может быть активным или пассивным противником переезда, что влияет на её миграционную активность, а также на сценарий миграции. Такая позиция жены вынуждает мужа действовать более активно, искать новые варианты переезда, брать на себя всю ответственность за благополучие семьи. Но таким же противником переселения может выступать и муж, что толкает жену на определённые поступки. Известны случаи, когда в результате переезда распадалась семья. Термин, обозначающий это явление, введён в научный оборот Н. П. Космарской: «мужья теряются по дороге». Совершенно иные гендерные роли играет женщина, если она не просто жена и мать детей, а глава расширенной семьи в отсутствие старшего мужчины или даже при наличии такового. Переселение семейными кланами не редкость, и эта проблема требует особого изучения в случае трудовой миграции, которая обладает особыми культурно-этническими характеристиками.

И особый разговор о незамужних женщинах и мужчинах. Миграция в одиночку – это лёгкий сценарий переезда, так считают многие. Но, видимо, это не всегда так. Члены семейного клана могут объединить свои ресурсы и помочь друг другу выстоять, а одиночкам приходится значительно труднее. Именно поэтому одинокие женщины и мужчины довольно часто мигрируют в составе группы близких родственников. Встречается и такой сценарий, когда одинокая женщина берёт на себя роль инициатора и «пробивной силы» для миграции клана, состоящего из нескольких семей её близких родственников. Но с другой стороны, миграция семьей – процесс более сложный, чем миграция одного че-

ловека, с точки зрения организационных трудностей, поскольку влечет за собой более сложное планирование переезда, необходимость больших материальных ресурсов при передвижении и более тщательного подбора жилья. Миграция с детьми заставляет учитывать множество различных факторов. И в этом случае наличие родственников в стране, куда планируют переехать мигранты, является решающим фактором при принятии решения о переезде всей семьёй.

Таким образом, статус семьи, её социальные особенности и положение конкретного мигранта внутри домохозяйства – это гендерные характеристики, которые могут детерминировать миграционное поведение переселенцев, преломляя через себя внешние факторы и создавая вариативность проявления внутренних личностных факторов.

Мало кто из российских авторов анализировал миграцию с точки зрения гендерного подхода, что значительно затрудняет анализ. Наши данные позволяют утверждать, что факторы, детерминирующие решение о миграции, по-разному воспринимались мужчинами и женщинами, в частности, по-разному представители половых групп воспринимали ухудшение экономической и политической обстановки в странах «исхода». Мы выяснили, что женщин больше волновало ухудшение социально-бытовых условий, что, в первую очередь, связано с невозможностью удовлетворения базовых потребностей:

«Вы не можете представить, а когда дают [воду] на два часа, мы не знали: или стирать, или готовить. Газа вообще нет. У меня во дворе был садик, я там работала, и заведующая разрешала потихоньку приходить поварить. Вот это было хорошо... А так готовили на кострах, люди жгли костры хотя бы чай накипятить» (41 год, замужем, Казахстан).

Мужчин, прежде всего, не устраивала национальная дискриминация на рабочем месте:

«Русских в основном убрали с высокооплачиваемых, с железной дороги, с таких вот высокооплачиваемых работ. А где низкооплачиваемые – там, где работает папа, там низкооплачиваемые. Водоём – они воду дают по посёлку, водоканал вроде, организация, – там низкооплачиваемые. Там одни русские работают, там казахов почти нет. Это вот взять, полностью организация русская, а начальство сейчас казахское в городе сидит... У мужа уже работы не было» (женщина, 26 лет, замужем, Казахстан).

Другая мигрантка ещё более определённо сказала о том, что причиной переселения в Россию её родительской семьи стала потеря работы отцом:

«Я бы не уехала, если бы не родители. У родителей начались проблемы с работой. Как раз казахский язык начали вводить, и вся документация, всё на казахском языке учить. Папа уже был безработный, он приехал раньше на год... Мама работала, была удовлетворена своей работой и заработной платой. Сестра переехала сюда учиться. Просто разорвалась семья» (28 лет, не замужем, Казахстан).

Женщины в большей степени, чем мужчины были охвачены различными фобиями, среди которых доминировал страх за будущее детей.

«С каждым годом страшнее и страшнее, мальчишек стали избивать, налетают компанией и избивают. Мы уехали, у меня Андрюше 14 лет было. Участковый – у меня там подруга, у неё мальчику 18 лет – закрыл мальчика на трое суток и говорит: «Платите за то, что вы ходите по нашей земле, по нашему кварталу, платите три тысячи» (53 года, замужем, Узбекистан).

Мужчин больше не устраивала неопределённость социального положения, так называемый «дефицит определённости». И хотя разные факторы приводили к одному результату, к переезду в Россию, мы думаем, что их различное соотношение и переплетение у мужчин и женщин влияло на особенности гендерной адаптации в «стране предназначения».

Первостепенная значимость ухудшения социально-бытовых условий в стране исхода среди причин переселения говорит о том, что инициаторами миграции могли быть, прежде всего, женщины, которые в русскоговорящих семьях ответственны за обустройство семейного очага, за стабильность существования семьи.

– Мы магнитофон подключали к аккумулятору, потом вообще перестали свет включать. У нас, знаете как: похороны или свадьба – в совхозе радость, свет дают. Вот воду тоже отключили, у нас был водопровод в доме, потом отключили, нам приходилось за водой ездить, что далеко довольно-таки.

– Что Вас больше напрягало: бытовые условия, или то, что из-за национальности мама работу потеряла?

– Ну, конечно, то, что она работу потеряла, имело своё действие. Но больше бытовые» (25 лет, не замужем, Казахстан).

Но, в то же время, рост безработицы и «коренизация» кадров приводили к увольнению русских мужчин, а значит, и они могли рассматривать переезд в Россию как один из лучших способов разрешения этой проблемы. Дальнейшее распределение ролей в процессе переезда зависело от состава и типа семьи, от распределения обязанностей внутри семьи. К тому же замечено, что иногда распределение ролей в семье после переезда существенно изменялось по сравнению со страной исхода. Были случаи и распада семей в процессе или в результате переселения. Все эти гендерные аспекты миграции требуют дальнейшего изучения в отечественной социологии.

Нужно обратить внимание и на внутренние факторы детерминации миграционного поведения, которые имеют гендерную вариативность, а именно, прежде всего, выявить особенности женских и мужских мотиваций миграции. Можно утверждать, что появление среди мотивов миграции переселенцев таких формулировок, как страх за жизнь (свою или детей), страх от военных столкно-

вений среди коренных народов, страх за будущее детей, дискомфорт от изменения отношений с представителями коренных этносов (даже с соседями), развал привычных бытовых условий, страх из-за возможной оторванности от России, где у многих живут родители, дети или родственники, паника, порождённая масштабами миграции русскоязычных, всё это социальные эмоции и чувства, явственно проявлявшиеся прежде всего у женщин-мигрантов, хотя не меньше они детерминировали и миграционное поведение мужчин. У мужчин подобный страх выражался в снятом виде, преломляясь через гендерные стереотипы.

Чувство страха за жизнь детей и собственную жизнь преследовал многих мигранток. Особенно часто про это упоминали женщины-мигранты из Узбекистана и Таджикистана, также жаловались и переселенки из сельской местности Казахстана. Источником такого страха служила внезапно возросшая враждебность местного населения к некоренным народам, это чувство подогревалось националистической прессой и слухами. Эмоциональные переживания женщин фактически могли быть детерминантами миграционного поведения мужчин, как мужей, так и сыновей, и других родственников-мужчин в составе расширенной семьи. Одна из незамужних респонденток была инициатором переезда большой родственной семьи:

«Как раз я и уговаривала своих близких, что из Казахстана нужно уезжать. Я вдалбливала своим мужчинам, как говорится, родственникам всем, что, собственно говоря, здесь у нас перспектив нет, по тому, что творилось тогда в Алма-Ате ясно и понятно» (не замужем, 51 год, Казахстан).

В конечном итоге первой переехала семья её старшего брата, потом они забрали в Россию отца, а сама респондентка с матерью приехали позже с целью помочь семье брата в адаптации.

Таким образом, гендерные характеристики оказывают значительное влияние на процесс переезда уже на этапе принятия решения о миграции, и женщины ведут себя в этой ситуации довольно активно. Более того, мы склонны предполагать, что именно женщины определяли многие особенности постсоветских миграций.

Кроме мотивов миграции, важными внутренними детерминантами миграционного поведения являются ожидания переселенцев, которые формируются у них в процессе размышлений о переезде, а также в процессе сборов и самого переселения. Они тоже, скорее всего, имеют гендерную вариативность. Какой помощи ожидают мигранты, от кого, в каком объёме, в какой степени надеются сами на себя, а в какой – на принимающее сообщество, всё это зависит от их гендерных характеристик. Социальные качества пола мигрантов также влияют на то, будут ли завышенные надежды на помощь приводить к ухудшению или

улучшению адаптации. И наоборот, оправдана ли в таком случае надежда только на самого себя, опора только на свою семью, ухудшит или улучшит это процесс адаптации, приведёт ли к усилению собственной активности или к затягиванию сроков и результатов адаптации. Всё это вопросы, на которые в полном объёме социологической науке ещё предстоит ответить.

Мы убедились, что на внешнюю помощь в большей степени рассчитывали женщины, чем мужчины, которые полагались, прежде всего, на собственные силы. Отсюда получаются и разные сценарии адаптации. Если рассчитывали на внешнюю помощь и получили её, то это облегчает адаптацию. Но если помощи не получили, то это вызывает ухудшение адаптации у женщин-мигрантов и, возможно, усиление трудовой активности у мужчин.

В ряду миграционных ожиданий русскоговорящих переселенцев – помощь Российского государства. И официальные данные ФМС, и данные многих российских социологов показывают, что посетителями социальных служб и получателями государственной помощи в первую очередь являются именно женщины. Они в большей мере, чем мужчины рассчитывают на это, и в большем объёме получают такую помощь. Более того, они, в отличие от мужчин, не считают зазорным пользоваться помощью социальных служб. Мужчины предпочитают надеяться сами на себя и гораздо реже обращаются за помощью в социальные органы. Более того, результаты опросов показывают, что мужчины-мигранты быстрее женщин находят рабочее место, и, таким образом, объективно именно женщины имеют больше времени «выхаживать» государственную помощь по кабинетам чиновников. Об этом упоминали и работники миграционной службы, по мнению которых около двух третей посетителей ФМС – это именно женщины.

Е. С. Балабанова, опираясь на результаты социологических исследований, пишет, что женщины более ориентированы на поиск внешней поддержки, сочувствия, их списки проблем (материальных, семейных, психологических) значительно длиннее мужских. По её мнению, основное различие в способах преодоления жизненных трудностей – интенсификация трудовой активности мужчин и поиск внешней поддержки женщинами. Именно по этому критерию, считает она, можно выделить статистически значимые гендерные особенности (1).

Многие исследователи отмечают, что поиск внешней поддержки – это одна из женских стратегий выживания в трудных жизненных обстоятельствах. Мы полностью согласны с этим, и не считаем, что такая стратегия как-то снижает женщину. Социальные службы для того и создаются, чтобы помогать в трудных случаях. Женщины-мигранты, имеющие детей, попадают именно в такую ситуацию и не гнушаются любой помощью ради выживания семьи.

Можно выделить гендерные особенности миграционных ожиданий и способов миграции. Особенностью вынужденных миграций на постсоветском пространстве являлось повышенное количество женщин, детей и стариков. По данным Федеральной миграционной службы Курганской области практически каждый третий из обратившихся для регистрации в 1990-е годы – это малоимущие и слабо защищённые категории мигрантов. Женщины чаще мужчин обращались в миграционные службы и в другие социальные органы за помощью. Это происходило потому, что женщин в потоке мигрантов большинство, уровень их материального обеспечения ниже, чем у мужчин, и поэтому объективно они могли получать такую помощь чаще. Кроме того, имея на своём попечении детей, чаще всего именно женщины получали на них различные пособия и льготы. Например, государственная программа «Дети России» отдельной строкой включала помощь детям вынужденных переселенцев и беженцев, и, конечно, получателями этой помощи были в первую очередь женщины, а не мужчины. Но и субъективно женщины больше, чем мужчины, настроены на получение социальной помощи от государства. Этот факт подтверждается результатами многих социологических опросов. Респондентки с уверенностью говорили об этом:

«Службе социальной помощи 10 лет... Есть бесплатные горячие обеды, и талоны они дают, талоны в баню. – Ну, вот муж у меня точно бы не пошёл. Нет, я бы пошла, конечно, конечно... Муж бы не пошёл, я точно говорю, однозначно, прям с большой уверенностью, что он бы не пошёл. Я бы, конечно, если бы я знала, я бы пошла, но мне никто не подсказал» (38 лет, замужем, Узбекистан).

Таким образом, успех в получении такой помощи, её объём и действенность, в первую очередь, благоприятно сказывались именно на самочувствии женщин, и только через них – мужчин.

Есть и другая сторона этой проблемы. Завышенные ожидания женщин, которые в большинстве случаев и были инициаторами миграции в Россию, привели к разочарованию от встречи с родиной. Опросы показывают, что самые сильные примеры разочарования были именно у женщин, именно у них появлялись такие формулировки как «родина встретила нас неласково», «оказалась не матерью, а мачехой», «мы здесь никому не нужны» и т. п. Конечно, это не могло не сказаться и на особенностях их адаптации.

«Меня ещё что поражает, вообще вот по отношению к России. У меня есть родственники, которые уехали в Германию – немцы, казахстанские немцы, уехали в Германию. И когда они приехали в маленькую Германию, они получили пособие, они получили гражданство, им до сих пор помогает государство. И вот мы – русские, которые всю жизнь прожили в Казахстане. Я не говорю, что вот дайте нам, и всё! Ну мы же работаем! Даже элементарно – гражданство. Ладно, я его получила, но

вот, допустим, мои родители сейчас гражданство смогут получить только через пять лет (50 лет, замужем, Казахстан).

Обида скользит в каждом слове и другой её фразы: *«Я специалист, привезла двух здоровых детей, ничего не прошу, а никому не нужна».*

Таким образом, особенностью миграционных стратегий женщин являлось то обстоятельство, что они выбирали такой способ переезда, который позволял им получить от государства максимальную помощь. Именно женщины больше мужчин были ориентированы на воссоединение с родными и близкими, живущими в России, и при переезде чаще женщины, чем мужчины, рассчитывали на помощь таких родственников. Надежды на помощь родственников, друзей и знакомых тоже входят в число миграционных ожиданий. Как правило, переселенцы надеются на помощь родственников и получают её. Испытав на себе трудности переселения, они сами активно оказывают помощь родственникам и другим мигрантам. По данным миграционной службы Курганской области, каждый второй респондент выбирал Зауралье в связи с наличием родственников и отсутствием средств ехать в более дальние области России (3).

Можно сделать вывод, что общим в системе детерминации миграционного поведения женщин и мужчин, имеющих различный семейный статус, будет глубоко подсознательное и актуализирующееся под влиянием резко изменившихся внешних обстоятельств чувство страха, переживание которого могло приводить к формированию миграционных установок. Но эти переживания по-разному проявлялись у представителей половых групп, будучи детерминированы гендерными нормами и стереотипами сознания. Этот общий для мужчин и женщин фактор лежит на пересечении внешних и гендерных детерминант их миграционного поведения, формируя вариативность проявления потребностей, интересов, чувств и эмоций у разных половых групп. Страх формируется под влиянием целой суммы внешних, резких, непривычных и пугающих обстоятельств, которые одинаково эмоционально шокирующе действуют на представителей обоих гендерных групп. Но, подчиняясь гендерным нормам, мужчины более сдержанно проявляют свои чувства, а женщины – более открыто. Женщины чаще говорят о своих страхах, чем и начинают подталкивать мужчин к совершению определённых действий, формируя у них установку на переезд.

В зависимости от этого, можно выделить и особенные факторы, детерминирующие миграционное поведение женщин и мужчин. Так, миграционная активность женщин на основе страха детерминируется, прежде всего, стремлением сохранить собственных детей и себя как неотъемлемую их часть, как гаранта их безопасности. Если женщина ещё не имеет детей, то, возможно, её поведение детерминировано стремлением иметь их в будущем. Вот как объяснила

причины переезда в Россию одна из молодых мигранток, ещё не имеющая детей на момент миграции:

«Ну, мы думали о будущем наших детей, потому что какое там образование... Ну, вообще вот эти аттестаты пошли только казахские. Ну и поступать: тут [в России] всё равно – что-то, где-то, как-то. Где-то ещё можно будет поступить, где-то выучиться, даже вот взять сколько тут: и художественная школа, и музыкальная школа, всяких, и кружки самодеятельности, и всё. Там вообще ничего абсолютно такого нет» (24 года, замужем, детей ещё нет, Казахстан).

Важнейшей детерминантой женского поведения является и возникающая из насущной необходимости потребность создать условия, в которых сохранность детей будет максимальной. И особенным фактором детерминации поведения потенциальных мигрантов является стремление женщин к постоянно воспроизводимому постоянству, ориентация на будущее. Женщина сохраняет стабильность существования себя и детей именно за счёт активного приспособления, если таковое возможно. При невозможности приспособления она ищет более благоприятные условия для создания устойчивого образа жизни. Будучи ответственной за двух-трёх человек, семейная женщина просто вынуждена быстро и гибко приспосабливаться или переезжать туда, где наиболее безопасно для детей. Одинокие женщины фактически не бывают таковыми абсолютно, так как всегда чувствуют себя частью родительского клана, сохраняя тесную взаимосвязь с родительской семьёй или с другими родственными кланами. Четверть опрошенных нами респонденток переселялись семейными кланами, в составе расширенной семьи. Все матери-одиночки и незамужние женщины переезжали в Россию вместе с родственниками или в надежде на родственную помощь. Переезжать и адаптироваться в одиночку, абсолютно независимо (материально, а особенно психологически) не характерно для большинства женщин-мигрантов.

Таким образом, миграционное поведение одиноких женщин также детерминировано гендерными особенностями – стремлением к семейной стабильности, к воспроизводству привычных форм семейного существования. Неблагоприятные внешние обстоятельства, формируя мотивы переезда у женщин и особенности их адаптации, преломляются через эти факторы, детерминируя поведение мигранток.

В отличие от женщин, мужчинам свойственно, прежде всего, чувство собственного самосохранения, что и может толкать их на миграцию. Угроза ухудшения материального обеспечения, понижения статуса, поиск лучших условий для профессионального роста, страх перед увольнением и сокращением, а также ухудшение условий собственной самореализации являются для них серьёзными факторами, могущими повлиять на формирование мотивов переезда. Одна из мигранток так интерпретировала причины переезда:

«В принципе, мы уехали потому, что у него (у мужа) там работы не было. Ну, видите, он у меня человек, так сказать, не старой закалки, максималист по характеру. Он у меня «телец», упрямый, как телец, как бык точно, вот. Он упёрся в то, что я не буду работать на хозяина-казаха, и всё» (33 года, замужем, Казахстан).

Слабо осознаваемый, но существенный фактор более благоприятной в других условиях вероятности создания нормальной семьи и её дальнейшего процветания является очень важным для мужчин. Нужно отметить и следующее: если женщины стремятся к стабильности, то одной из детерминант мужского поведения является стремление к постоянным изменениям. Это может быть связано и с карьерным ростом, и с семейными переменами, и с увлечениями. Вот почему призыв женщины мигрировать ради сохранения стабильности существования детей находит у мужчин отклик, который завершается процедурой переезда или хотя бы тем, что мужчины едут «на разведку» новых мест для жизни.

Таким образом, факторы, детерминирующие миграционное поведение представителей разных половых групп, находятся в определённой согласованности, так как мужчина путём миграции стремится обеспечить женщине требующуюся для спокойствия её и детей стабильность. Подытоживая анализ литературы и результатов социологических опросов по миграции, отметим, что действие неблагоприятных внешних факторов по-разному влияет на миграционное поведение мужчин и женщин, приводит к разнообразным способам переселения и адаптации, к формированию различных миграционных стратегий.

Литература по поводу гендерных аспектов адаптации далеко неоднозначна. С одной стороны, существует немало свидетельств лучшей адаптивности мужчин в экономике. С другой стороны, некоторые исследования, посвященные проблемам вынужденной миграции, показывают, что женщины-мигранты адаптируются более успешно в принимающих сообществах, чем мужчины.

При оценке потерь и приобретений в процессе миграции современные исследования положения женщин-мигрантов подчеркивают, что женщины часто бывают жертвами не только расовой дискриминации и классовой эксплуатации, но часто и дискриминации, базирующейся именно на принадлежности к женскому полу. В большинстве случаев доступ к оплачиваемой занятости, что является целью переезда в более развитую страну для многих женщин, далеко не гарантирует улучшения статуса в принимающем сообществе.

Анализируя изменения в российской экономике конца XX века, некоторые отечественные авторы отмечают проблемы женской адаптации (16). Они стремятся подчеркнуть тот факт, как тяжело было женщинам встроиться в новые рыночные условия, перенести разрушение старых экономических отношений. Учёные это объясняют тем, что женщины в России ориентированы прежде все-

го на труд в государственном секторе экономики, в традиционных сферах и не настроены на риск, а также тем, что женщины по сравнению с мужчинами менее мобильны в области трудовых отношений. В целом ряде исследований было установлено, что женщины имеют больше проблем в процессе адаптации, чем мужчины.

Многие учёные к подобным выводам приходили и на примере изучения адаптации мигрантов. Так, Е. И. Филиппова в своих работах сделала вывод о том, что среди социально-демографических факторов пол – один из наиболее активно влияющих на адаптацию вынужденных переселенцев факторов. Изучая адаптацию мигрантов из стран ближнего зарубежья в Псковской области, она получила данные о том, что женщины менее адаптивны по сравнению с мужчинами. Они более подвержены ухудшению психологического состояния и здоровья, среди них больше распространены пессимистические оценки относительно правильности сделанного выбора и оценки перспектив приспособления к новым условиям (18). И. Р. Балеев, опросив в 1992-1994 годах 475 вынужденных мигрантов, поселившихся в Башкортостане, тоже пришёл к выводу, что женщины гораздо сильнее реагируют на трудности переселения, чем мужчины, особенно на те, что связаны с нарушениями нормального жизненного уклада (2).

Е. С. Балабановой, которая в том числе опрашивала и мигранток из ближнего зарубежья, было установлено, что в целом для женщин в большей степени, чем для мужчин, характерно чувство безнадёжности и растерянности в трудной ситуации (1).

Исследования в экономической сфере логично приводили учёных к выводу о худшей адаптивности женщин вообще и мигранток, в частности, по причине того, что в условиях резких рыночных перемен женщины объективно проигрывали по сравнению с мужчинами. Иначе и быть не могло, так как женщины в сфере экономики занимают более низкие социальные позиции (им нужно отказаться от рождения детей, чтобы успешно соревноваться с мужчинами). По экономическим меркам большинство женщин будут проигрывать всегда, потому что у них есть более важная задача, поставленная перед ними самой природой и трансформировавшаяся в совокупность гендерных норм и стереотипов.

Реальностью для России стал и тот факт, что многим женщинам в новых экономических условиях пришлось взвалить на себя тяготы материального обеспечения семьи. Именно в тот период страна столкнулась с проблемой резкого падения рождаемости, и такое положение не может являться благоприятным признаком лучшей адаптированности женщин по сравнению с мужчинами.

Успешность адаптации мужчин и женщин нужно измерять разными показателями, и это связано с гендерными особенностями половых групп, с теми

функциями и нормами, которые предписаны им обществом. Если от мужчины ждут, прежде всего, успешности в профессиональном отношении, то и меряют его достижения именно по этим критериям, а главное, что и сам мужчина ощущает себя адаптированным, только если смог достичь успеха в карьере и обеспечить семью. Если успешность женщины измеряют, прежде всего, по признаку состоялась ли она как жена и мать детей, то это происходит именно потому, что общество в первую очередь предъявляет ей требования в этом отношении. Сама женщина, будучи одинокой, бездетной, чувствует себя неуспешной, ущербной и всю жизнь как бы оправдывается в своей семейной несостоятельности. Другие женщины, даже имеющие «плохих» мужей и проблемных детей, смотрят на такую одиночку с сожалением, свысока, стремятся помочь ей в создании семьи, причём успех в профессиональной карьере женщины здесь практически не берётся в расчёт. В итоге самоощущение женщины, связанное со своей социальной состоятельностью, теснейшим образом детерминировано теми требованиями, которые предъявляет к ней общество. И окружающие люди, и она сама меряет свои жизненные достижения через призму гендерных стереотипов и норм.

Нужно отметить, что есть результаты исследований, которые подтверждают лучшую приспособляемость женщин-мигрантов по сравнению с мужчинами. Например, данные, характеризующие положение боснийских женщин-беженок в Австрии, доказывают, что миграция благотворно повлияла на их уровень свободы и влияние в семье. Более того, боснийские женщины выиграли экономически и социально по сравнению с мужчинами. В то же самое время боснийские мужчины с трудом отказываются от предыдущей этнической и социальной идентификации и проявляют сильные ностальгические тенденции. Данные этого исследования также подчеркивают, что женщины относительно нетребовательны и готовы на любую работу, в противовес мужчинам, которые не так быстро адаптируются к дискриминационным законам рынка труда принимающей страны и потере прежнего социального статуса. В данном исследовании показано, что гендерные различия в поведении мигрантов состоят в том, что мужчины в основном связаны с местом рождения, экономическим и социальным статусом страны, откуда они приехали, в то время как женщины наоборот очень быстро понимают необходимость личных жертв во имя семьи и скорейшей адаптации в принимающем обществе. В сложившейся ситуации женщины-мигранты каждая для себя разрабатывают свой собственный проект адаптации, учитывая семейные отношения, культурные и религиозные традиции (4).

В американской социологии не зафиксировано серьёзных различий в адаптации мужчин и женщин, хотя есть данные, что женщины-американки быстрее, чем

их соотечественники-мужчины, приспосабливаются к образу жизни в другой культуре, так как они более ориентированы на межличностные отношения с местным населением и проявляют больший интерес к особенностям их культуры (17).

В. В. Гриценко сделала вывод о неоднозначном влиянии фактора пола на успешность процесса адаптации вынужденных переселенцев. Она пришла к выводу, что женщины более остро переживают кризис личностной и социальной идентичности в условиях изменившейся социокультурной реальности, демонстрируют неуверенность в будущем, тревогу за своих близких, разочарование в обществе. Более значительная фрустрированность женщин межличностными отношениями объясняется тем, что женщины отличаются большей эмпатией и «большей ориентированностью на других», большей социальной восприимчивостью и озабоченностью межличностными отношениями. Однако В. В. Гриценко установила и позитивную корреляционную связь между принадлежностью к женскому полу и удовлетворённостью профессиональной деятельностью. Женщины, по её мнению, на новом месте легче находят работу, так как ранее чаще всего были заняты в таких сферах труда, как образование, здравоохранение, наука, бытовое обслуживание. Им реже, по сравнению с мужчинами-мигрантами, приходится менять вид профессиональной деятельности, а это обстоятельство может значительно уменьшить стресс аккультурации. Исследовательница выявила ещё одно положительное гендерное отличие: женщины-переселенки в большей степени ориентируются на себя, свои внутренние установки и силы, руководствуются ценностями самоактуализирующейся личности, что оказывает положительное воздействие на эффективность их адаптации в любых ситуациях (8).

Авторы книги «Эмиграция и репатриация в России» (2001) приводят следующие данные. Согласно статистике, 82% самоубийств в условиях эмиграции совершаются одиночками. Им труднее без социальной поддержки близких людей защитить себя от разрушения. Среди мужчин число самоубийств в 4 раза выше, чем среди женщин. Объясняется это несколькими причинами: во-первых, инстинкт сохранения и продолжения рода, а также инстинкт самосохранения у женщин значительно сильнее, чем у мужчин. Во-вторых, женщины в меньшей степени подвержены действию длительного эмоционального напряжения, так как они постоянно снимают его за счет общения с подругами, знакомыми, детьми. В-третьих, у женщин реже разрушается система жизненных ценностей и происходит утрата смысла жизни, так как многие из них видят свое назначение в решении конкретных, неотложных, «земных» задач: приготовление обеда, уборка дома, воспитание детей и т. д. Наконец, в силу физиологиче-

ских особенностей, организм женщины успешнее справляется с «адреналиновыми бурями» в крови, чем организм мужчины.

Очевидно, что здесь речь идёт о более эффективной адаптации женщин-мигрантов по сравнению с мигрантами-мужчинами, но психологи склонны объяснять лучшую адаптивность женщин их физиологическими и психологическими особенностями. Однако более высокая эффективность адаптации женщин-мигрантов может быть обоснована существованием социальных механизмов, которые детерминируют гендерную адаптивность.

Можно привести результаты и других российских исследователей, где более чётко обосновывается лучшая приспособляемость женщин по сравнению с мужчинами.

Так, С. К. Бондырева и Т. В. Колесов пришли к выводу, что «на новом месте женщины обычно вживаются в среду обитания лучше мужчин. Возможно, что более эффективная адаптация женщин связана с тем, что они замкнуты преимущественно на повседневное и не отвлекаются на постороннее – их внимание не рассеивается и лучше концентрируется на жизненно важном» (5).

Другим примером результативности адаптации женщин является характер работы, которую готовы выполнять женщины и мужчины в сложных жизненных ситуациях.

Исследование, проведенное под руководством профессора Саймона Кларка Институтом сравнительных исследований трудовых отношений (ИСИТО) в рамках проекта по реструктурированию занятости и рынка труда в России (1997-1998 гг.), показало, что основным отличием женщин от мужчин на рынке труда является то, что женщина, перед которой встает вопрос о необходимости зарабатывать деньги, готова, как правило, на любую работу, в то время как мужчина стремится сохранить либо свою квалификацию, либо свой статус. Женщины проявляют большую гибкость и одновременно готовность смириться с обстоятельствами. Так, школьная учительница готова переквалифицироваться в уличного продавца. Таким образом, если для мужчин очень важно сохранение «своего лица», то женщина, чувствуя ответственность за семью, согласна идти на любую работу. Данные исследования ИСИТО показывают, что часто женщины соглашались на тяжелую работу, порой совершенно по другой специальности, со значительным понижением статуса только для того, чтобы прокормить семью.

Таким образом, результаты некоторых исследований подтверждают наши теоретические выводы о существовании социальных механизмов, которые обуславливают более эффективную адаптацию женщин-мигрантов по сравнению с мужчинами.

Гендерные особенности имеет и проблема трудоустройства мигрантов. По мнению некоторых экспертов (например, И.Федотовой, которая занимается организацией социальной помощи женщинам и детям вынужденных переселенцев в Саратове), трудности женщин-мигрантов в сфере трудоустройства идентичны трудностям всех российских женщин. Н. П. Космарская считает (11), что в какой-то мере с этим мнением можно согласиться, но только когда речь идет о достаточно крупных городах, с большими возможностями переквалификации, выбора рабочего места и пр. Но даже в таких городах переселенцы, при прочих равных условиях, имеют меньше шансов найти работу, чем местные жители: «приезжие» не включены в локальную систему неформальных связей, а их активность и возможности выбора жестко ограничивается фактором жилья и «прописки». В результате, несмотря на более высокий образовательно-квалификационный уровень переселенцев в сравнении с российским населением, они проигрывают последнему по уровню занятости. Так, по результатам крупномасштабного обследования ФМС, в середине 1993 г. среди трудоспособных жителей России были трудоустроены 80,8%, а среди вынужденных мигрантов трудоспособного возраста лишь 68,5%. Разбивки по полу в данном обследовании не представлено, но можно предположить, что среди самих переселенцев в лучшей ситуации оказываются мужчины как более предпочитаемый «товар» на российских рынках труда.

Особенно трудно найти работу именно женщинам-мигрантам, и более всего – в сельской местности, где вынужденно «оседают» около 40% (а в ряде регионов и значительно больше) репатриантов. Причём если в городах высокий образовательный и квалификационный уровень женщины помогает ей в трудоустройстве, то в сёлах этот фактор мешает адаптации. Причина такой ситуации, скорее всего, в разительном несоответствии между складывающейся десятилетиями структурой преимущественно городской занятости русскоязычных женщин в основных странах выезда и спросом на женскую рабочую силу в сельских районах России. Этот разрыв усугубляется неразвитостью в деревнях и поселках системы бытового обслуживания, общественного питания, торговли, коммуникаций и пр. В результате не только учителя, врачи и инженеры, но и парикмахеры, портнихи, телеграфистки и медсестры вынуждены либо «сидеть дома», либо идти свинарками, доярками, на полевые работы, теряя квалификацию и социально-профессиональный статус. Женщины, оказываясь «не у дел», сильнее ощущают на себе и тяжесть «феодалных порядков», до сих пор господствующих в российских хозяйствах на селе. Сказывается и общая атмосфера напряженности между «местными» и «приезжими». Работа в «конторе», даже на непрестижных и малооплачиваемых должностях (например, уборщица в правлении), не говоря

уж о работе секретаря, бухгалтера считается «чистой», легкой в сравнении с фермой или свиноматкой. За эти места обычно велика конкуренция между «своими», местными жительницами, а «чужих» сюда пускают крайне неохотно. Наконец, специфика трудоустройства в «постмиграционной ситуации» состоит в том, что женщина конкурирует не только с реальными и потенциальными претендентами на данное рабочее место, но зачастую и с собственным мужем, особенно при первичном поиске работы. Руководители хозяйств, в первую очередь, находят работу для мужчин, а для женщин – что останется.

Даже самые поверхностные наблюдения за семьями трудовых мигрантов показывают, что и в крупных городах, и в небольших населённых пунктах трудоустраиваются, прежде всего, мужчины-мигранты, их жёны занимаются хозяйством и воспитанием детей, а старшие дочери не всегда посещают даже среднюю школу. Так, опрос конца 2009 г. 70-ти подростков возраста 11-15 лет из семей трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья, проживающих в городах Свердловской области, показал, что у 57% молодых респондентов матери не работают, а у 70% опрошенных старшие сёстры не учатся в школе или других учебных заведениях. Понятно, что в случае трудовой миграции на первое место среди причин незанятости женщин выходят культурно-этнические нормы, но всё же проблема трудоустройства переселенков в принимающих сообществах стоит более остро, чем мигрантов-мужчин.

Таким образом, к адаптации женщин-мигрантов в экономической сфере можно применить концепцию гендерной и классовой сегрегации. Обобщая этот анализ, нужно уточнить, что, мигрируя, женщины могут быть подвергнуты двойной или тройной сегрегации на основании принадлежности к полу, определенному классу, по национальному или иному признаку. Мигрантки могут испытывать на себе влияние негативных процессов, характерных как для всего общества, так и подвергаться дискриминации по миграционному статусу.

В России существуют явные тенденции гендерной сегрегации, когда женщины концентрируются в основном на низкостатусных позициях, на малооплачиваемых должностях. В силу уже указанных причин мигрантки могут иметь очень ограниченные возможности для изменения своего социального статуса, перехода в более престижный социальный слой (класс), поскольку в ситуации постмиграции возможности для восходящей мобильности у них ограничены. И если измерять адаптацию мужчин и женщин-мигрантов только по экономическим критериям, то женщины всегда будут в проигрыше. Но, как известно, главное не то, сколько и чего у тебя есть, а как ты к этому относишься, то есть в какой степени тебе этого хватает и удовлетворены ли твои потребности. Мы уже писали выше, что для измерения успешности адаптации нужно применять

более широкий комплексный критерий, где кроме экономических показателей обустройства нужно учитывать и субъективное отношение мигрантов к своему новому положению. Женщины-мигранты, используя специфические стратегии миграционного поведения, по их ощущениям, привыкают к новой обстановке быстрее и успешнее мужчин.

Делая общий вывод о специфике детерминации адаптационных процессов мигрантов в зависимости от гендерного фактора, нужно сказать, что в целом, мы не можем согласиться с выводами некоторых российских ученых о худшей адаптивности женщин-мигрантов по сравнению с мигрантами мужского пола. Чтобы преодолеть многочисленные трудности адаптации, чтобы конкурировать с местными жителями, мужчинам и женщинам-мигрантам приходится применять свои особенные стратегии адаптации. Стратегии, применяемые женщинами-мигрантами, зачастую отрицаются мужчинами как способ достижения успеха, а женщины вполне могут заимствовать у мужчин их особенные стратегии в целях обеспечения семьи.

Таким образом, для успешной аккультурации в принимающем сообществе женщинам-мигрантам приходится адаптироваться, с одной стороны, на основе сохранения гендера, а с другой стороны, за счёт частичной смены гендера, т.е. преодолевать гендерные стереотипы и брать на себя нетипичные для женщины обязанности и заботы. Причём такая подмена происходит у женщин чаще неосознанно, т.к. заботы о благополучии семьи, о детях вынуждают мигранток вести себя нетипично, быть слишком мужественными, маскулинными.

Мы убеждены в лучшей адаптивности женщин вообще и женщин-мигрантов в частности. И это связано с существованием особых социальных механизмов, которые детерминируют разницу в адаптивности мужчин и женщин. Женщины по сравнению с мужчинами всегда занимали более низкие позиции в социальной стратификации, что, с одной стороны, приводило к предъявлению к ним со стороны общества «заниженных» требований в профессиональном отношении (сфера их деятельности никогда не признавалась основной), а с другой стороны, – к повышению планки их социальной успешности, так как конкурентом женщины всегда выступал мужчина, имеющий больше времени и сил на достижение успеха. Всю человеческую историю женщина находится в двойных тисках: она должна состояться как мать и жена, но и преуспеть в профессиональном плане, доказывая свою личную состоятельность по сравнению с мужчиной. Не важно, что в разные периоды истории, в разных странах и культурах предписывалось женщине в профессиональном отношении, в дополнение к семейным обязанностям. Это могло быть собирательство плодов или обработка полей, уход за скотом или изготовление полотна, работа по найму или организа-

ция собственного дела. Важно, что обязанности женщины всегда были шире, чем только рождение и воспитание детей, женщины всегда играли существенную роль в материальном обеспечении семьи. И чем дальше развивается общество, тем больше дополнительных обязанностей, по отношению к функции материнства, выполняет женщина. Хотя основная проблема обеспечения семьи по-прежнему лежит на мужчине, женщина не имеет возможности снять с себя этот груз ответственности и полностью положиться на спутника жизни в решении этого вопроса. И дело не только в материальном обеспечении семьи. Проблема в том, что профессионализм женщины и мужчины измеряется одними и теми же критериями, а количество усилий, которые нужно затратить для достижения этого успеха, разнится у женщин и мужчин в силу того, что женщина одновременно должна успеть состояться как мать и жена. При этом, если женщина карьеру отодвинет на второй план, её никто не осудит, но если она начнёт ради профессионального успеха плохо исполнять материнские обязанности или вообще откажется от их исполнения, она будет осуждена и останется непонятой.

В самом лучшем положении находятся те женщины, которые видят своё основное предназначение именно в материнстве. Но современное цивилизованное общество предъявляет к женщинам более широкие требования, чем только состояться как мать, более того, хорошо исполнить свои материнские обязанности современная женщина может, только будучи развитой и образованной. И современному мужчине она может быть интересна не только как мать его детей, но и как друг, партнёр, разносторонний человек. Таким образом, с одной стороны, женщина должна иметь силы и способности большие и лучшие, чем мужчина, а с другой стороны, успешность женщины общество по-прежнему оценивает через призму её материнских достижений. Такая ситуация приводит к тому, что сами женщины свои успехи в адаптации меряют по «заниженным» критериям, по сравнению с мужчинами. Если для успешности в адаптации на новом месте мужчина должен найти престижную и доходную работу, то для женщины важен уже сам факт наличия любой работы. Если мужчины с неохотой обращаются в социальные службы, считая такую стратегию решения проблем адаптации своим поражением, то женщины с полным правом рассчитывают на такую помощь, признавая своё слабое социальное положение.

Таким образом, адаптацию гендерных групп нужно измерять по разным критериям. Женщины-мигранты адаптируются лучше и быстрее мужчин уже хотя бы в силу того, что заранее рассчитывают на более скромные успехи. Вся социальная организация общества в течение своей многовековой истории причала женщин находиться на втором плане, но, в то же время, преодолевать огромное количество трудностей, довольствуясь малым. Это сделало женщин бо-

лее социально адаптивными и одновременно выработало у них заниженные критерии успеха в адаптации по сравнению с мужчинами, если, конечно, иметь в виду престижность в разделении труда. Вот почему самоощущение женщин-мигрантов в отношении успехов в аккультурации будет лучше, чем у мужчин. И поэтому женщины оценивают свою адаптивность выше, чем мужчины, объективно занимая более низкие социальные позиции по сравнению с ними. Но, кроме того, и само общество по разным критериям оценивает адаптивность мужчин и женщин. Огромную и основную роль в этой оценке играют гендерные архетипы и стереотипы сознания, которые детерминируют процесс адаптации мигрантов мужского и женского пола.

Успешность адаптации мужчин и женщин, во-первых, зависит от темпов «разрушения» собственного гендера, так как процесс аккультурации требует отказа от гендерных стереотипов вытесняющего сообщества и усвоения новых гендерных норм принимающего сообщества; а во-вторых, – от темпов частичного обмена гендерными характеристиками двух мигрирующих половых групп, в процессе чего именно женщины, в первую очередь, вынуждены частично овладеть новыми гендерными ролями. В силу своей лучшей природной адаптивности женщины, как правило, способны это сделать, к тому же и общество, и они сами предъявляют к своей адаптации более низкие требования, чем мужчины. Таким образом, будучи более крепкими биологически, приученные всей логикой исторического развития к социальной терпеливости, женщины-мигранты оказываются более успешными в процессе адаптации, чем мужчины.

Исследователи, увидевшие различия в адаптации мужчин и женщин-мигрантов, не выявили в полной мере социальные механизмы их адаптации. Более успешную адаптацию мужчин объясняют, прежде всего, особенностями их занятости, преимущественным положением на рынке труда. Успехи женщин-мигрантов в аккультурации пытаются понять через их физиологические и психические характеристики, через их специфические семейные заботы, ориентацию на детей и погружённость в повседневные проблемы, через их способность устанавливать многочисленные контакты с местным населением, через более развитый у женщин инстинкт самосохранения, через готовность смириться с обстоятельствами и др. Все эти предположения можно принять во внимание, но остаётся открытым вопрос: почему женщины адаптируются лучше мужчин? Какими социальными причинами и факторами обусловлена их более успешная адаптивность? Почему худшее социальное положение позволяет женщинам ощущать себя более успешными, состоявшимися, более адаптированными, чем мужчинам, имеющим лучшие социальные характеристики?

Лучшая адаптивность женщин вообще и женщин-мигрантов, в частности, обусловлена несколькими обстоятельствами.

Во-первых, это связано с лучшей адаптивностью женщин, которые и биологически, и социально привыкли преодолевать трудности и выработали у себя повышенные привычки к адаптации.

Во-вторых, и общество в целом, и мужчины, и женщины предъявляют разные требования и критерии к своей адаптации по сравнению с противоположной половой группой. Кроме того, что у женщин эти критерии носят, как правило, заниженный характер по сравнению с мужчинами, успешность адаптации у женщин и мужчин обычно меряется в разных сферах жизни: в профессиональной – у мужчин, в семейной – у женщин.

В-третьих, женщины-мигранты (и женщины вообще) применяют особые стратегии адаптации в новом социуме, которые оказываются более плодотворными, чем мужские, и позволяют быстрее и результативнее адаптироваться.

В-четвёртых, женщины больше, чем мужчины готовы разрушать в процессе адаптации собственный гендер, частично заимствуя гендерные нормы у мужчин, что тоже приводит к более быстрой адаптации.

И, в-пятых, важным является то обстоятельство, что женщины вообще, и женщины-мигранты в частности, гораздо меньше мужчин переживают по поводу потери социального статуса, что позволяет им менее болезненно преодолевать трудный жизненный этап, целью которого является сохранение семьи, а не себя лично.

Все вышеприведённые теоретические данные могут существенно помочь социальным работникам в оказании помощи женщинам-мигрантам, а также в понимании сущности гендерных аспектов адаптации переселенцев, более точно и адресно выстроить социальные мероприятия помощи мигрантам.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Охарактеризуйте понятие «гендер».
2. Какие наработки сделаны в западной социологии в плане изучения гендерных аспектов миграции?
3. Почему гендерные аспекты миграции пока ещё не стали объектом пристального внимания российских учёных?
4. Охарактеризуйте проблему гендера в миграционных процессах через анализ гендерной стратификации в странах исхода.
5. Какое место занимает семья в гендерной составляющей миграционных процессов?
6. В чём разница в восприятии факторов, детерминирующих решение о миграции, у мужчин и женщин?

7. Как зависит от гендерных характеристик ожидание мигрантами помощи: от кого; в каком объёме; в какой степени надеются сами на себя, а в какой – на принимающее сообщество?

8. Какие общие и особенные факторы детерминируют миграционное поведение мужчин и женщин?

9. Почему женщины лучше адаптируются в стране предназначения, чем мужчины? Какими социальными факторами это можно объяснить?

Список литературы

1. Балабанова Е.С. Гендерные различия стратегий совладания с жизненными трудностями // Социологические исследования. – 2002. – № 11. – С. 26-36.
2. Балеев И.Р. Вынужденная миграция населения как социальный процесс: проблемы исследования и регулирования: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Уфа, 1997. – С. 18.
3. Беженцы и вынужденные переселенцы: Информационный бюллетень / Миграционная служба Курганской области, Курганский областной комитет государственной статистики. – Курган, 1996. – № 1. – С. 37.
4. Бритвина И.Б., Киблицкая М. В. Жизнь мигрантки в моногороде: Монография. – М.: Книгодел, 2004. – С. 88, 157-160.
5. Бондырева С.К., Колесов Д.В. Миграция (сущность и явление). – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж, 2004. – С. 203
6. Burch, Thomas. «Household and Family Demography: A Bibliographic Essay», Population Index. 1979. 45. Pp. 173-195.
7. Cerrutti M., Massey D. «On the Auspices of Female Mexican Migration to the United States». Demography. 2001. 38/2. Pp. 187-200; Hondagneu-Sotelo, Pierrette. «Gendered Transitions: Mexican Experiences of Immigration». Berkeley, Calif.: University of California, 1994.
8. Гриценко В. В. Роль индивидуальных различий в процессе адаптации вынужденных мигрантов // Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы / Под ред. Г.У. Солдатовой. – М.: Смысл, 2001. – С. 112-138. (Опрос в 1994-1998 гг. 620 русских вынужденных мигрантов из постсоветских государств, прибывших на постоянное местожительство в Волгоградскую и Саратовскую области).
9. Gonzalez de la Rocha, Mercedes. «The Resources of Poverty: Women and Survival in a Mexican City». Oxford; Cambridge, MA: Blackwell, 1994.
10. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России // Женщина в обществе: мифы и реалии. – М., 2001.
11. Космарская Н.П. Женское измерение вынужденной миграции и миграционное законодательство России. – М., 1998.
12. Nisa, Meherun. «The Role of the Family in Migration Decision-making in Bangladesh». M. A. thesis (geography). Australian National University, Canberra, 1986. Pp. 22-26.
13. См. работы Сорокина П., Ворониной О.А.; проект «Гендерная экспертиза» Московского центра гендерных исследований. – М., 1998.
14. См., например: Curran, Sara R. «Gender Roles and Migration: «Good Sons» Vs. Daughters in Rural Thailand». Seattle Population Research Center Working Paper. 1995. University of Washington; Lauby, Jennifer and Oded Stark. «Individual Migration As a Family Strategy: Young Women in the Philippines». Population Studies. 1988. 42(3).
15. См., например: Hanson, Susan and Geraldine Pratt. «Job Search and the Occupational Segregation of Women». Annals of the Association of American Geographers. 1991. 81. Pp. 229-253; Smith-Lovin, Lynne and J. M. MacPherson. «You Are Who You Know: A Network Approach to Gender» // Theory on Gender, Feminism on Theory/ Editor Paula England. New York: Aldine de Guyter, 1993.
16. См., например, работы Е. И. Филипповой; Е. С. Балабановой.

17. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2003. – С. 332.
18. Филиппова Е.И. Вынужденные мигранты в Псковской области: проблемы адаптации // Русские в новом зарубежье: миграционная ситуация, переселение и адаптация в России. – М., 1997. – С. 312-345.

Роль Федеральной миграционной службы в адаптации переселенцев

Мигранты, въезжающие в Россию легально, обязательно обращаются в Федеральную миграционную службу (ФМС), от эффективности работы которой в значительной степени зависит успешность адаптации переселенцев.

Не все мигранты имеют возможность переехать именно туда, где у них есть родственники. Кроме того, довольно велика доля репатриантов, не имеющих родственников или близких друзей в России. По нашим оценкам, таких переселенцев – примерно треть в общем потоке вынужденных мигрантов 1990-х годов., ещё больше таких сегодня в других потоках, например, среди трудовых мигрантов начала XXI в. Кроме того, мигранты не всегда могут рассчитывать на помощь родственников, имея с ними не очень близкие отношения. Зачастую родственники просто не в состоянии оказать помощь в приобретении жилья или поиске работы. В этих обстоятельствах огромную роль в адаптации переселенцев могут сыграть миграционная служба (конкретный чиновник этой службы) и виды помощи, на которые переселенцы вправе рассчитывать. Не нужно забывать, что именно региональные отделения федеральной миграционной службы и предстают перед мигрантами как субъекты проведения государственной миграционной политики. Таким образом, в лице ФМС смыкаются два важнейших внешних фактора детерминации адаптационного поведения мигрантов.

Изучив эту проблему на примере вынужденной миграции на территорию России в 1990-е годы, можно выделить важнейшие внешние факторы, влияющие на адаптацию мигрантов:

- проблема постановки на учёт в ФМС;
- виды и объём помощи, предоставляемой ФМС;
- личность чиновника миграционной службы;
- деятельность Центров временного размещения мигрантов (ЦВР);
- сотрудничество ФМС с муниципальными органами власти;
- проблема нарушения прав мигрантов;
- проблема многократной передачи миграционной службы различным ведомствам.

Первая проблема, с которой сталкивались мигранты, обратившись в миграционную службу, – это постановка на учёт, получение соответствующего статуса. Особенности работы ФМС приводили к тому, что не все мигранты обращались за получением официального статуса. Причинами этого, по данным многочисленных социологических опросов мигрантов, являлись следующие факторы: сложность бюрократической процедуры, отсутствие информации о возможностях миграционной службы, отсутствие требуемых документов (4). Однако и особенности российских миграционных законов, и перебои в финансировании, и субъективная сторона деятельности ФМС в некоторой степени детерминировали необращение переселенцев по поводу получения официального статуса.

Сегодня ситуация иная. В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 15 января 2007 г. № 9 «О порядке осуществления миграционного учёта иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» мигранты обязаны по истечении трёх рабочих дней со дня прибытия встать на учёт в региональном отделении ФМС. Таким образом, у них нет выбора, контактировать с работниками этой службы или нет.

В процессе постановки на учёт огромное значение имеет личность чиновника миграционной службы, занимающегося проблемами переселенцев. Переселенцы, обращаясь в миграционную службу, зачастую находятся в угнетённом психологическом состоянии, поэтому поведение работника этой службы, слова, которые он нашёл для посетителя, степень сочувствия и оперативность оказываемой помощи имеют для мигрантов жизненно важное значение. Но, к сожалению, как отмечают исследователи, некоторые чиновники буквально страдают мигрантофобией. Работники этих служб разделяют все опасения и заблуждения в отношении мигрантов, свойственные населению в целом. Более того, в силу своего служебного положения они знакомы со всей негативной информацией, касающейся мигрантов, что не улучшает их отношения к части приезжих (1).

Мигрант, получивший официальный статус беженца или вынужденного переселенца, мог рассчитывать на получение единовременного денежного пособия, мог претендовать на место в Центре временного размещения (ЦВР) сроком на три месяца, на материальную помощь детям, на финансовую помощь в решении жилищной проблемы. Некоторые дополнительные виды помощи оказывались социально слабо защищённым мигрантам и их семьям. Из всех этих видов помощи самой существенной являлось решение жилищной проблемы. Несмотря на все трудности получения долговременной беспроцентной ссуды на приобретение жилья, эта мера была очень действенной для мигрантов. Многие из них упоминали про это в интервью. В 2002 г. при передаче ФМС в ведомство

МВД ссуда была заменена безвозвратной субсидией, что значительно затруднило её получение и существенно ухудшило действенность этой меры. В самом лучшем положении оказывались мигрантские семьи, отнесённые к категории льготников, для которых ФМС приобретало бесплатное жильё. Реально решить жилищную проблему в ФМС было очень трудно, сами мигранты говорят, что жильё надо было «выхаживать». Но те, кто смогли здесь достичь успеха, закладывали основу для успешной адаптации.

Центр временного размещения – это первое местожительство для тех переселенцев, кто не имел родственников на территории России, и, прежде всего, для слабо защищённых. Живя три месяца в таких центрах, мигранты могли получить помощь в оформлении всех документов, подыскать жильё и работу. В ЦВР каждая семья имела возможность занять отдельную комнату с мебелью, получить кое-какую домашнюю утварь, денежное содержание на каждого члена семьи, помощь медицинского работника, а в крупных центрах (не везде) – и психолога. Для многих мигрантов приём в таких центрах был единственной возможностью как-то обустроиться в России.

Многие проблемы и просчёты в работе ФМС (а главное, перебои в финансировании) возникали в результате передачи миграционной службы в другие структуры и ведомства. С 1992 г. это происходило четыре раза. Особенно проблематичным в работе этой структуры был 2002 г., когда переход в ведомство МВД осуществлялся практически больше полугода. Миграционная служба была переориентирована на борьбу с незаконными мигрантами, что сопровождалось массовым закрытием территориальных отделений ФМС по причине уменьшения потока переселенцев, а также ослаблением социальной направленности этой службы. Сам факт передачи ФМС в ведомство МВД вызвал в 2002 г. волну возмущения многих общественных деятелей, журналистов, активистов миграционных объединений. Они отмечали, что передача миграционной службы в ведомство МВД, возможно, и позволит навести порядок в борьбе с незаконной миграцией, но фактически лишает законных мигрантов социальной помощи со стороны государства.

Миграционная служба России за десять лет своей деятельности, когда поток переселенцев из стран ближнего зарубежья был огромным, провела значительную работу. Очевидным является и тот факт, что слабые места в работе этой службы были связаны с недостаточным и несвоевременным финансированием из федерального бюджета, с несовершенством законов, регулирующих помощь переселенцам, о чём неоднократно писали специалисты и аналитики. Субъективная сторона работы специалистов миграционной службы могла выражаться, например, в нарушении очередности предоставления ссуды (субсидии) на приобретение жи-

ля. Также и по объективным, и по субъективным причинам переселенцы-льготники получали жилье не по составу семьи, а по навязанному им работниками миграционной службы принципу «берите, что есть, а то вообще не дождётесь». Более того, жильё, сроки предоставления которого давно истекли, приходилось, по словам мигрантов, буквально «выбивать».

В контексте нарушения прав вынужденных переселенцев более важна проблема непредоставления статуса тем, кто за ним обращался. По данным начальника сводно-аналитического управления ФМС О. Д. Воробьёвой, в 1997 г. в Россию прибыло 560 тыс. человек, из них получили статус 125 тыс. (22,3%). В основе большинства отказов, чем бы они формально ни мотивировались, лежали чисто экономические причины. Объём средств, выделяемый на нужды переселенцев, был совершенно недостаточным, что усугублялось постоянным недофинансированием. В 1995 г., например, ФМС получила лишь 40% запланированных средств, что, возможно, было связано с войной в Чечне, оттягивающей ресурсы многих бюджетных статей. В 1997 г. ситуация улучшилась, но незначительно – миграционная программа была профинансирована на 60% (2). Так, в Оренбуржье выполнение программы помощи мигрантам в 1998 г. было затруднено именно из-за отсутствия достаточного финансирования, которое составило лишь 65,4% от требуемого. Ещё хуже в 1998 г. обстояли дела с программой «Дети семей беженцев и вынужденных переселенцев», которая была профинансирована лишь на 42,3% (5). Данные по Петербургу показывают, что реальные возможности государственных органов позволяли оказать помощь в обустройстве не более 10% от числа зарегистрированных беженцев и вынужденных переселенцев (3). Подобные цифры и факты можно приводить по любому региону в 1990-е годы.

Территориальные отделения ФМС были ориентированы на сотрудничество с региональными и муниципальными органами власти. Несмотря на финансовые проблемы, местные органы власти пытались принять участие в разрешении проблем мигрантов. Об этом сообщали социологи из многих регионов страны. Так, например, в 1998 г. при Администрации Курганской области был создан областной Совет по делам миграции, в состав которого вошли представители органов законодательной и исполнительной власти, общественных и религиозных организаций. Создание такого Совета позволило скоординировать деятельность организаций, занимающихся проблемами вынужденных переселенцев. В соответствии с принятыми в 1997 г. поправками к Закону РФ о гражданстве органам государственной власти было запрещено расходовать бюджетные средства на мигрантов, не имеющих российского гражданства.

Таким образом, проблемы получения российского гражданства, официального статуса вынужденного переселенца и социально-экономический уровень региона, куда прибывали мигранты, оказывались тесно взаимосвязанными.

Сотрудничество социальных служб с территориальными отделениями ФМС является необходимым условием успешной адаптации мигрантов.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какие стороны и особенности работы Федеральной миграционной службы влияли и влияют на адаптацию мигрантов в России?

2. Почему не все мигранты обращались в Федеральную миграционную службу за получением официального статуса и помощи?

3. Какую помощь могли получить вынужденные переселенцы в центрах временного размещения?

4. Какое влияние на адаптацию переселенцев может оказать личность чиновника миграционной службы или личность социального работника?

5. Проанализируйте следующее высказывание работника территориального отделения Федеральной миграционной службы на предмет наличия/отсутствия дискриминационных проявлений:

– Просто есть которые там бичевали и сюда приехали... А тут квартиру получают и ссуду. Таким больше и попадает, просто они ходят каждый день, тридцатся, извините за грубое слово. А нормальный человек пришёл, ему отказали, он опять неделю не ходит. А этот пройдёт все инстанции вплоть до президента.

Список литературы

1. Артоболевский С. С., Бадыштова И. М., Зайончковская Ж. А., Лухманов Д. Н., Мкртчян Н. В. Миграционная ситуация в Приволжском федеральном округе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.antropotok.archipelag.ru/keys1/keys1-2.htm>
2. Из материалов II Форума переселенческих организаций (1998 г.).
3. Космарская Н. П. «Женское измерение» вынужденной миграции и миграционное законодательство России // Проект «Гендерная экспертиза» Московского центра гендерных исследований. – М., 1998. – 64 с.
4. См., напр.: Назарова Е. А. Особенности современных процессов миграции // Социологические исследования. – 2000. – № 7. – С. 106-110; Витковская Г. С. Портрет вынужденной миграции в статистике и в жизни // Миграция в СНГ и Балтии: через различия проблем к общему информационному пространству: Мат. конф. – М., 2001. – С. 239-249; Беженцы и вынужденные переселенцы: Информационный бюллетень / Миграционная служба Курганской области, Курганский областной комитет государственной статистики. – Курган, 1996. – № 1. – С. 36.
5. Спицын А. И. Миграция в Оренбуржье – состояние дел, тенденции и перспективы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mininform.orb.ru/books/tam/spicyn.htm>

Глава 4.

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С МИГРАНТАМИ

Поле практической деятельности социального работника

Одним из неизбежных последствий войн и несчастий является то, что людям приходится покидать свои дома и страны и становиться беженцами и вынужденными переселенцами. Эти люди страдают от ран и голода, но гораздо больше они страдают психологически. Подсчитано, что сегодня в мире более 20 миллионов беженцев и ещё вдвое больше людей, вынужденно перемещённых внутри их собственных стран. Если раньше основную озабоченность вызывало количество смертей, болезней и травм как результатов войн и несчастий, то сейчас растёт и обеспокоенность последствиями конфликтов для психосоциального и душевного здоровья.

Современное правовое поле не позволяет учреждениям социальной защиты населения РФ осуществлять непосредственную деятельность по оказанию помощи мигрантам. Однако, выделяя в социальной работе не только методы действия, но и методы познания, нужно признать актуальным изучение и анализ адекватных современности способов социального познания групп мигрантов, выработки понятий и категорий, описывающих их проблемы и технологии социальной помощи.

А. А. Акмалова и В. М. Капицын отмечают, что такое направление, как социальная работа с мигрантами, не уместается в нормативно-правовом пространстве, ограниченном перечнем социальных услуг Национального стандарта Российской Федерации, то есть мигранты как субъекты-реципиенты делятся на две категории: клиенты социальных служб и получатели социальной помощи.

В пользу отнесения работы с мигрантами именно к области социальной работы эти исследователи приводят следующие аргументы. В предмет социальной работы входит изучение и приложение знаний социального работника к отношениям «человек – человек», «человек – местное сообщество», «человек – государство». Во многих странах мира эта деятельность становится важной частью реализации задач социальной политики, в том числе миграционной и демографической.

Мигранты находятся в ситуации маргинализации, которая, однако, отличается от ситуации одинокого или пожилого человека, инвалида или безработного. Дезинтегрированность мигрантов существенно отличается от таковой у других слабых слоёв населения, в силу чего необходимо выделять отдельное направление в рамках социальной работы. Кроме того, особенности формирова-

ния социальной работы свидетельствуют, что по своему происхождению во многих странах она является преемницей первоначальных форм общественной и государственной благотворительности, филантропических движений, опекающих социально незащищённых людей. Происхождение социальной работы с мигрантами показывает её близость к содержанию понятий «социальная помощь» и «социальная защита» и также способствует отнесению работы с мигрантами к числу направлений социальной работы (1).

В законах РФ о социальной помощи и защите различных групп и слоёв населения термин «социальная работа» не употребляется. Так, в Законе РФ «О государственной социальной помощи», принятом Государственной Думой в июне 1999 г., поясняется, что «государственная социальная помощь – предоставление малоимущим семьям, малоимущим одиноко проживающим гражданам, а также иным категориям граждан, указанным в настоящем Федеральном законе, социальных пособий, субсидий, социальных услуг и жизненно необходимых товаров». В статье 6.1 данного закона перечислено девять категорий граждан, которые имеют право на получение государственной социальной помощи, и мигрантов в этом списке нет.

В Федеральном законе «О социальной защите инвалидов в РФ» (июль 1995 г.) поясняется, что «социальная защита – это система гарантированных государством экономических, правовых мер и мер социальной поддержки, обеспечивающих инвалидам условия для преодоления, замещения (компенсации) ограничений жизнедеятельности и направленных на создание равных с другими гражданами возможностей участия в жизни общества».

В научных источниках, не относящихся к области социальной работы (например, в «Большом экономическом словаре» под ред. Азрилияна (М., 2002), термины «социальная защита» и «социальная помощь» зачастую употребляются как синонимы: «социальная помощь (социальная защита, социальное обеспечение) проявляется в виде пенсий, пособий, предоставления материальной помощи, обслуживания больных и престарелых, заботы о детях».

Термин «социальная защита» иногда предлагается употреблять в широком и узком смысле. В широком смысле социальная защита – это деятельность государства по воплощению в жизнь целей и приоритетных задач социальной политики, по реализации совокупности законодательно закреплённых экономических, правовых и социальных гарантий, обеспечивающих каждому члену общества соблюдение важнейших социальных прав. Социальная защита – в узком смысле – комплекс целенаправленных конкретных мероприятий экономического, правового и организационного характера для поддержки наиболее уязвимых слоёв населения (13).

Социологическое понимание термина «социальная защита» смыкается с широким смыслом его трактовки, а именно: социальная защита – это «важнейшая составляющая социальной политики, направленная на защиту уязвимых социальных групп и отдельных индивидов от деструктивных социальных процессов». Она ориентирована на приоритетную поддержку наименее защищённых семей на избирательной адресной основе, а также преодоление малообеспеченности через трудовую активность и социальную реабилитацию (14).

А. А. Акмалова и В. М. Капицын в учебном пособии «Социальная работа с мигрантами и беженцами» отмечают, что понятие «социальная защита», наполняясь смыслом перераспределения благ с выделением определённых средств для незащищённых слоёв населения, стало более широким по объёму и нередко сближается с объёмом понятия «социальная работа». Понятие «социальная работа» они считают родовым, а термины «социальная защита», «социальная помощь» и «социальное обслуживание» – видовыми понятиями. По их мнению, социальная работа с мигрантами – это некий целостный, многофакторный процесс применения социальных технологий для социальной адаптации переселенцев и их идентификации с новым сообществом. Социальные работники помогают в сложной жизненной ситуации, смягчают состояние дезадаптированности мигрантов, поддерживают социальную солидарность, снимают на персональном и групповом уровне социальную напряжённость, облегчают поиск персональной, групповой и национально-государственной идентичности.

Таким образом, эти авторы считают возможным в условиях современного правового поля использовать формулировку «социальная работа с мигрантами», не ограничивая её содержание только деятельностью государственных служб социальной защиты населения. По их мнению, практические формы такой деятельности конкретизируют реализацию функций социальной работы как средства помощи маргинальным субъектам и «примирения» их с социальной средой.

Формы работы с мигрантами должны развиваться в двух направлениях: воздействие на среду с целью усиления установок толерантности; воздействие на самих мигрантов с целью повышения их свойств и способностей натурализоваться, адаптироваться и интегрироваться.

Формы социальной работы с мигрантами эти исследователи предлагают делить на классические (индивидуальные, коллективные и общественно-государственные) и неклассические (повышение роли социальных работников в деятельности медицинских учреждений, психиатрических и психотерапевтических центров) (1).

И. Г. Зайнышев отмечает, что в системе органов социальной защиты населения ещё не сложилась развитая система специализированных учреждений, ведущих работу с мигрантами, однако её создание – настоятельная потребность. Он выделяет два основных вида социальной работы с мигрантами:

- *практическая* (социальное, социально-психологическое, социально-педагогическое, социально-правовое, медико-социальное, финансовое, социально-экономическое, материальное, социально-информационное и социально-трудовое направления);
- *организационная* (организация работы социальной службы, разработка конкретных программ деятельности и т. п.) (10).

Помощь мигрантам могут оказывать различные общественные организации. Так, Российское общество Красного Креста (РОКК) с ноября 1998 г. развернуло сеть психологических консультаций, открыв в Москве Центр социально-психологической реабилитации беженцев и лиц, ищущих убежища, из дальнего зарубежья. В 1999 г. психологические службы РОКК действовали в 12 регионах РФ. В дополнение к основным методам психологической помощи мигрантам, психологические службы РОКК опирались на следующие принципы:

- комплексность реабилитационно-коррекционных мероприятий и программ;
- этнокультурный подход, который требует от консультанта знания и учёта этнокультурных особенностей мигрантов, степени «культурной совместимости» с новой средой, личной этнокультурной толерантности;
- психологическая помощь как часть комплексной поддержки мигрантов (включая работу региональных приёмных, медицинских центров, взаимодействие с социальными работниками, юристами и т. д.);
- видение личности в социальном контексте (работа с мигрантами на основе учёта их личностных особенностей, травматического опыта, особенностей актуальной жизненной ситуации, изменения социального статуса, а также их планов на будущее);
- позитивная поддержка и реабилитация личности (8).

С проблемами, вызванными нарушениями психологического здоровья мигрантов, и по профессиональному долгу, и в повседневной жизни сталкивается большее количество людей – социальные работники, врачи, учителя, сотрудники государственных и общественных организаций. Поэтому психологическое состояние мигрантов должно быть объектом социальной работы.

Социологи и психологи отмечают, что мигранты находятся в довольно сложном морально-психологическом состоянии: они пережили стрессовую ситуацию; новые условия вызывают у подавляющего большинства чувство не-

уверенности, а порой беспомощности; отсутствует социальный опыт поведения в новых условиях, что может привести к заболеваемости, к болезненным психическим расстройствам; увеличивается риск развития алкоголизма, наркомании, суицидального поведения. В процессе переживания травмы, потери, горя человек рассчитывает не только на себя, но и ищет поддержку в семье, а также в общем социальном окружении (4).

Оказывать помощь в разрешении многих проблем мигрантов может и социальный работник. Социальная работа по своему предназначению является «личностной службой помощи людям», которая опирается в своём развитии на определённую совокупность наук и накопленный практический опыт социокультурной, правовой, социально-психологической, медико-оздоровительной, реабилитационно-психотерапевтической и др. поддержки и адаптации личности. Одна из важнейших задач социального работника – это помощь мигрантам в адаптации и принятии нового социального окружения.

Учёт менталитета иммигрантов является важным условием социальной работы с данной категорией граждан, предполагает взаимную толерантность социального работника и клиента (11).

Социальная работа может носить и профилактический характер, например, в целях предотвращения распада семьи. Она может быть направлена на поддержку отдельного лица или группы людей, объединённых одной проблемой.

Профилактическая работа с мигрантами включает три основных компонента (5):

1) *восстановление нормального состояния* – оказание помощи для возврата к нормальной, по возможности, жизни (ведь для многих мигрантов абсолютно нормальная жизнь нереальна);

2) *предсказуемость* (мигрантам и их детям необходима упорядоченная, предсказуемая жизнь, когда человек уверен, что всё возможное ему обеспечено; это ощущение нормальной жизни является залогом психологического благополучия);

3) *помощь семье в поисках долгосрочных решений и создание нормальных условий жизни* – самый важный вклад в обеспечение психосоциального благополучия семьи. Социальный работник должен давать точную информацию не только взрослым членам семьи, но и детям об их положении, правах, обязанностях и возможностях для решения проблем.

Специалисты выделяют конкретные направления работы с данной категорией населения: индивидуальная, семейная, групповая, общественная социальная работа и социальное административное планирование.

В индивидуальной работе применяется весь арсенал специальных методов: психологические, психотерапевтические, социометрические, медико-социальные, консультативно-правовые, информационные, материальные, финансовые, трудовые, методы возрастной психологии.

Среди различных направлений практической социальной работы с мигрантами важнейшим является работа на уровне семьи. Одним из основных условий оптимального вхождения человека в новую социальную среду является процесс активного приспособления индивида к условиям изменяющейся среды, то есть социально-психологическая адаптация. Процесс адаптации семей мигрантов к новым условиям осуществляется путем серьёзных экономических, социокультурных, психологических изменений. В частности, это находит проявление в следующих процессах: изменение или существенная корреляция прежних этнических стереотипов, моделей поведения, восприятия; приобщение к новым доминирующим традициям, нормам, образу жизни и отношениям; овладение новыми трудовыми и профессиональными навыками; умение общаться и понимать людей в новой среде. В данном случае семья, с одной стороны, является хранителем прежних отношений (в том числе и этнического характера), а с другой – основой адаптивного вхождения в новую среду. Многие проблемы, которые возникают перед семьёй на новом месте, обусловлены в первую очередь экономическими трудностями. С изменением экономического положения семьи приходится решать такую проблему, как поиск и создание нового экономического базиса. Несмотря на некоторое отражение вопросов, касающихся прав мигрантов, в федеральном законодательстве, а также в литературе, изданной при содействии Федеральной миграционной службы России и Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, в конечном счёте, семьи мигрантов остаются один на один со своими трудностями и бедами.

Семейно-консультативная работа акцентируется на развитии положительных сторон семейного поведения: совместное переживание травматического опыта с обсуждением ситуации (в том числе и с детьми); возможность делиться информацией и переживаемыми чувствами (в том числе и негативными) в период после травм; поддержка членов семьи друг другом; совместное развитие новой системы «социальной поддержки»; возможность отдыха, сохранение рекреативной функции семьи.

Изменения, происходящие в ситуации переселения, могут вызвать негативное воздействие на адаптацию членов семьи, вызывая внутрисемейные конфликты. Условия, в которые попадают семьи, могут восприниматься ими как некая «жестокость» со стороны общества, вызывая тем самым реакцию протеста, защиты, агрессии, нежелание выполнять правила, принятые в данном обще-

стве. При этом возрастают социальные риски детей, снижается родительское удовлетворение, увеличивается число домашних конфликтов.

В групповой работе продуктивны методики «группы самостоятельного опыта», «группы взаимопомощи», групповая психотерапия, поддержка соседских общностей (в местах компактного проживания переселенцев), общностей земляческого характера для представительства интересов переселенцев. Участие в социальных группах самопомощи и самоподдержки повышает самооценку, что, естественно, увеличивает психологические адаптивные возможности. Работа в данном направлении повышает социальное взаимопонимание между людьми, ускоряет адаптивный период переселенцев.

Помимо индивидуальной и групповой работы с мигрантами чрезвычайно важно сотрудничать с органами власти, со средствами массовой информации в формировании своеобразной идеологии. Это «идеология единства соотечественников», абсолютной ценности каждого человека, связей переселенцев с исторической родиной, идеология терпимости и единой судьбы. В этом плане важна специальная пропаганда прав человека, разъяснение прав переселенцев.

Объектом приложения профессиональных знаний социальных работников становится и работа в миграционных службах, которые налаживают сотрудничество со службами социальной защиты, социального обслуживания и здравоохранения, социально-эпидемиологическими службами. В работе с мигрантами важно привлекать СМИ, юридические консультации, благотворительные организации.

Таким образом, для решения проблем адаптации мигрантов необходимо развивать и совершенствовать социальную и психологическую работу с данной категорией населения в региональных центрах, и кроме того – готовить специалистов в данном направлении (4).

Региональные органы исполнительной и законодательной власти, органы местного самоуправления не должны отстраняться от процесса оказания помощи мигрантам, они должны быть заинтересованы в их скорейшей адаптации с целью предотвращения конфликтов с местным населением и эффективного использования мигрантов на региональном рынке труда.

Сам масштаб миграции как внешний фактор, детерминирующий процесс адаптации переселенцев, имеет большое значение для решения проблем миграции. Кроме расширения социальных сетей через земляков, прибывших ранее, имеет значение и развитие общественных переселенческих организаций, связь мигрантов с культурными центрами, которые помогут ускорить процесс их адаптации. Миграционные и социальные службы должны содействовать развитию таких организаций и работать в тесном контакте с ними.

Например, Форум переселенческих организаций практикует различные формы помощи мигрантам. Только прямых получателей помощи по проектам Форума – 287 неправительственных организаций мигрантов. В Ставропольском крае создан ряд центров, которые ведут квалифицированную работу с этой категорией населения – Территориальный центр помощи семье и детям в Ставрополе, Центр работы с вынужденными переселенцами в Изобильном. В Курганской области активно работают в этом направлении отделение Фонда «Соотечественник» и различные землячества.

Для смягчения трудностей обустройства и адаптации переселенцев Н. А. Ткачёва предлагает создавать в регионах социальные миграционные центры, вокруг которых могли бы объединяться инициативные группы для реализации идей по разрешению актуальных проблем иммигрантов. Такие учреждения могли бы инициировать разработку и реализацию социальных программ и проектов, направленных на интегрирование мигрантов в принимающую среду, на развитие межкультурной коммуникации (11).

Важное место занимает правовой аспект адаптации мигрантов. Он включает объективные и субъективные моменты.

Объективные – это обеспечение правовой нормативной базы финансирования, материального снабжения, подготовки социальных работников, а также обеспечения жизнедеятельности мигрантов, создания необходимой инфраструктуры. Для этого, как мы уже писали выше, нужны правовые основы для организации социальной работы с мигрантами.

Субъективные – это поддержание правового достоинства человека, попадающего в трудные маргинализирующие обстоятельства и пытающегося реинтегрироваться в новом сообществе.

Правовое регулирование миграции осуществляется путём разработки и практической реализации комплекса законодательных и подзаконных актов, регламентирующих условия, которые стимулируют либо ограничивают перемещения людей, определение их численных контингентов в направлениях, отвечающих текущим и перспективным потребностям государств, групп стран. Таким образом, нужно различать международные, межгосударственные и национальные правовые нормы регулирования миграции (12). Так, например, трудовую миграцию регламентирует специальный блок международных документов, среди которых международная конвенция ООН о защите прав всех трудящихся мигрантов и членов их семей (1990 г.). В рамках Совета Европы принята Конвенция о правовом статусе трудящихся-мигрантов (1983 г.). Межгосударственные соглашения уточняют международные применительно к конкретным политическим, экономическим и природным условиям. Национальное

миграционное законодательство, учитывая специфику ситуации в государстве, кроме регламентации условий въезда и выезда из страны, предоставления гражданства и условий трудовой миграции, предписывает правила заключения и расторжения трудовых контрактов при территориальных перемещениях внутри страны.

Перечислим некоторые из правовых нормативных актов, способствующих идентификации мигрантов в нашей стране. Прежде всего, это Законы Российской Федерации «О беженцах» от 19 февраля 1993 г. (в редакции от 28 июня 1997 г.), «О гражданстве Российской Федерации», Федеральный закон «О переселении граждан из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей», Федеральные миграционные программы на 1994-1997 гг. и на 1998-2000 гг., Постановление Правительства РФ «О мерах по развитию социальной помощи для лиц, оказавшихся в экстремальных условиях без определённого места жительства и занятий» от 5 ноября 1995 г., Постановление Правительства РФ «О трудовой занятости населения на Северном Кавказе» от 22 февраля 2000 г., Концепция регулирования миграционных процессов в РФ (одобрена распоряжением Правительства РФ от 1 марта 2003 г.); Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом (утверждена Указом Президента РФ от 22 июня 2006 г.); Постановление Правительства РФ от 15 января 2007 г. № 9 «О порядке осуществления миграционного учёта иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ».

Кроме правового аспекта в работе с мигрантами социальный работник должен уметь рассмотреть и проанализировать предпосылки и характер солидарности, складывающейся на новом месте, а также общую атмосферу в регионе и обществе, располагающую или не располагающую к солидарности, в том числе и с мигрантами. Социальный работник обязан учитывать при этом весь комплекс ценностей и механизмов социальной интеграции на старом месте, комплекс причин переселения, механизмов дезинтеграции, а также особенности ценностей и механизмов идентификации на новом месте. Успешная психологическая адаптация мигрантов во многом зависит от отношения к ним местного населения, поэтому при организации социальной работы с переселенцами нужно учитывать особенности взаимодействия мигрантов и их общин с принимающим сообществом, с жителями конкретного региона и населённого пункта. В этом отношении незаменимыми являются социологические методы изучения данной проблемы, опросы мигрантов и членов принимающего сообщества.

Таким образом, проблемы мигрантов требуют комплексного решения с участием различных ведомств федерального и регионального уровня. Исследования свидетельствует, что во всей работе по приёму, обустройству и социаль-

ной адаптации переселенцев на территории Российской Федерации преобладает формально-механический подход, ориентация на так называемого «усреднённого» мигранта. Специалисты считают, что Федеральную миграционную программу и аналогичные документы на более отдалённую перспективу следует дополнить соответствующими разделами, в которых целесообразно сформулировать блок комплексных мероприятий по учёту фактора социальной адаптации переселенцев. Для ослабления социальной напряжённости необходима материальная поддержка социальных прав мигрантов, коммуникативная и информативная поддержка (учреждение массовой газеты, освещение проблем миграции населения, издание памяток для мигрантов, включающих адреса социальных служб), а также реализация социальных программ юридической подготовки и переквалификации (с особым упором на права человека) для различных категорий служащих, в частности для социальных работников. Надо предусмотреть совершенствование законодательной базы и осуществление поэтапных шагов по расширению органов социальной защиты и социального обслуживания, специализацию социальных работников для работы с мигрантами.

Социальная работа в отношении иммигрантов должна строиться, исходя из оценки данной категории клиентов как актива для принимающей стороны, потому что это молодая и энергичная рабочая сила, в значительной мере ориентированная на обучение и адаптацию к новым условиям. Допуская иммигрантов в свою страну, государство имеет обязательства по отношению к ним: помощь в переходный период адаптации, выделение реальных ресурсов (11).

Многие учёные и общественные деятели отмечают, что политика государства в отношении миграции нуждается в серьёзнейших коррективах. Учитывая прогнозные количественные и качественные оценки миграции и её социально-политические последствия, речь должна идти о разработке новой всеобъемлющей и действенной миграционной политики. Не терпит отлагательства выработка более чётких ориентиров во взаимоотношениях между республиками бывшего СССР, а также между субъектами Российской Федерации. Требуется существенная корректировка проводимой в России и регионах миграционной политики. Её следует поставить на научную базу, с использованием достижений демографической науки, этнопсихологии, социологии и других областей знания. Есть мнение, что при изменении миграционной политики нужно брать на вооружение опыт Европейского Союза, который занимается проблемами мигрантов гораздо более длительное время. Но, с другой стороны, надо учитывать и особенности нашей страны, специфичность ситуации на постсоветском пространстве. В России в сфере миграционной политики необходимо предоставить реальную законотворческую возможность не только государственным чинов-

никам, но и специалистам социальной сферы, которые могут непосредственно ознакомиться с проблемами мигрантов и профессионально найти пути разрешения их проблем. Специалисты по социальной работе должны иметь возможность участия в разработке и реализации научно обоснованной политики переселения и идентификации мигрантов.

Раннее внимание к иммигрантам через продуманную систему социальной работы может ускорить процесс вхождения их в принимающее общество как вкладчиков человеческого капитала (11).

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. В разрешении каких проблем мигрантов могут оказать помощь социальные работники?
2. Перечислите основные компоненты профилактической работы с мигрантами.
3. Посредством решения каких задач достигаются цели профилактической работы с мигрантами?
4. Охарактеризуйте следующие направления социальной помощи мигрантам: индивидуальная, семейная, групповая, общественная социальная помощь и социальное административное планирование.
5. Какие Вы знаете правовые нормативные акты, способствующие идентификации мигрантов?
6. Как соотносятся между собой международные, межрегиональные и национальные законодательные акты в отношении регулирования миграционных процессов?
7. Какие принципы лежат в основе работы с мигрантами психологических служб Российского общества Красного Креста? Как они соотносятся с методами работы служб социальной защиты населения?
8. Какие формы социальной работы с мигрантами выделяют авторы пособия «Социальная работа с мигрантами и беженцами»?
9. Подготовьте информационный буклет для трудовых мигрантов, прибывающих в Курганскую область.
10. Разработайте сценарий ролевой игры о консультировании различных групп мигрантов.

Список литературы

1. Акмалова А. А., Капицын В. М. Социальная работа с мигрантами и беженцами: Учеб. пособие. – М., 2008. – 220 с.
2. Бочарова В. Г. Профессиональная социальная работа: личностно ориентированный подход. – М.: Институт педагогики социальной работы РАО, 1999. – 184 с.
3. Евтух В. Б. Иммигранты в инонациональной среде: проблемы адаптации // Миграция и мигранты в мире капитала. – Киев, 1990.

4. Литвиненко К. А. Социальная работа с вынужденными переселенцами в Ставропольском крае. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.migrocenter.ru/publ/konfer/kavkaz/m_kavkaz035.php
5. Митрофанова С. В. Некоторые аспекты адаптации детей-мигрантов и их семей в новой социокультурной среде // Теория, практика и перспективы образования, поликультурного воспитания, карьеры и интеграции беженцев, мигрантов и их детей в современном мире: Сб. тр. I Междунар. науч.-практ. конф. / Ростовский государственный педагогический университет. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rspu.edu.ru/science/conferences/01_04_09/mitrofanova.html
6. Психические нарушения у беженцев и их медико-психологическая коррекция: Руководство для врачей / Б. Д. Цыганков, А. И. Былим. – Кисловодск, 1998.
7. Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы. – М.: Смысл, 2001. – 279 с.
8. Психологи о мигрантах и миграции в России: Информационно-аналитический бюллетень № 2. – М.: Смысл, 2001. – 229 с.
9. Психологическая помощь мигрантам: травма, смена культуры, кризис идентичности. – М.: Смысл, 2002. – 479 с.
10. Технология социальной работы: Учебное пособие для студентов высш. учеб. заведений / Под ред. И. Г. Зайнышева. – М.: Гуман. изд. центр ВЛАДОС, 2002. – 240 с.
11. Ткачёва Н. А. К вопросу о становлении социальной работы с молодыми мигрантами в регионе // Социальная работа в свете региональной социальной политики: организация, управление, технологии: Материалы Международного круглого стола учёных и практиков. – Тюмень: Вектор Бук, 2006. – С. 156-160.
12. Юдина Т. Н. Миграция: словарь основных терминов: Учебное пособие. – М.: Изд-во РГСУ; Академический проект, 2007. – 472 с.
13. Режим доступа: <http://www.glossary.ru/cgi-bin>
14. Режим доступа: <http://www.slovari.info/sociologi>

Социальная работа с детьми мигрантов

Одной из самых социально незащищённых категорий мигрантов являются дети. Межнациональные конфликты, локальные войны, безработица в ряде стран повлекли за собой разрушение традиционной инфраструктуры, появление трудовых мигрантов, вынужденных переселенцев, детей-мигрантов, что определяет усиливающийся интерес к исследованию данных проблем. Дети уязвимы, зависимы, им необходима поддержка взрослых не только для физического выживания, но и для психологического и социального благополучия и для успешной адаптации в новом окружении. Несовершеннолетние мигранты в процессе переезда и адаптации на новом месте испытывают множество трудноразрешимых социальных, педагогических и психологических проблем и нуждаются в педагогической и социальной поддержке.

В сложившихся условиях поиск средств гармоничного вхождения в новую социальную среду и бесконфликтного существования этнокультур представляется для полиэтничной России важнейшей государственной и социально-

политической задачей. В международных и российских документах (Конвенция ООН (1951), Конвенция по правам детей (1989), Закон Российской Федерации «О беженцах» (1993), Закон Российской Федерации «О вынужденных переселенцах» (1993) отмечается, что дети-мигранты наделены теми же социальными, экономическими, культурными и политическими правами, что и дети, живущие в стране. Тем не менее, в настоящее время социальная поддержка, необходимая детям-мигрантам, осуществляется недостаточно. Социальная помощь детям мигрантов заключается не только в том, чтобы обеспечить им элементарные условия для реализации естественно-антропологических потребностей (питание, жильё, медицинское обслуживание), но и дать возможность формировать духовно-культурные (учёба, общение со сверстниками) и агентно-профессиональные (обучение ремеслу, трудовое воспитание) потребности. В 2004 г. центры социального обслуживания семьи в России обслужили 9,6 тыс. семей беженцев и вынужденных переселенцев (1).

«Если родители ребенка пребывают на территории России законно, то проблем с содержанием как самих гастарбайтеров, так и их детей практически не возникает, – сообщает сотрудник пресс-центра Федеральной миграционной службы МВД РФ Павел Шуманов. – При зачислении на работу иностранных граждан работодатель по закону должен перечислить средства во все социальные структуры, предоставить жильё рабочим на срок действия трудового контракта. Ребёнок при этом находится на содержании своих родителей – трудовых мигрантов, которые и оплачивают его содержание. Не являясь гражданином России, но имея документ о регистрации, ребёнок гастарбайтера имеет право посещать учебное заведение и получать бесплатное образование в России».

Иначе обстоит дело с детьми «нелегалов». В ФМС прямо говорят, что они, как и их родители, лишены всяческих прав на территории России, поскольку не имеют ни российского гражданства, ни временной регистрации. Как правило, условия, в которых они живут, не соответствуют нормальному уровню. Нет ни одного федерального закона или даже социальной программы, которая бы предусматривала защиту прав детей «нелегалов». Они могут надеяться только на органы опеки и попечительства, сотрудники которых устраивают ребят в детские приюты. «Никакой другой помощи Российское государство оказать иностранным беспризорникам не может, – говорит Павел Шуманов. – Для них закрыты образовательные учреждения, поликлиники и больницы, а за предоставление материальной помощи детям, не имеющим никакого социального и правового статуса, можно даже попасть под уголовную ответственность. Особенно если деньги на содержание детей-«нелегалов» выделены, например, из городского бюджета».

Опрос 70-ти детей-мигрантов школьного возраста на территории Свердловской области (осень 2009 г.), родители которых приехали в Россию на заработки из стран ближнего зарубежья, показал, что по самооценке лишь 8,6% детей не привыкли к российской жизни, однако большая часть опрошенных (58,6%) хотят вернуться на родину. Лишь треть детей уверенно заявили, что их родители планируют в ближайшее время уехать назад. Значит, детям придётся и дальше подавлять в себе тоску по родному краю и близким людям, приспосабливаясь к новым реалиям жизни. Несмотря ни на что, почти все дети отмечают, что им нравится учиться в России. Лишь 5,7% опрошенных ответили «нет» на этот вопрос, и столько же имеют плохие отношения со сверстниками в школе, что явно взаимосвязано. Бесконтрольность со стороны взрослых обуславливает стихийность процессов во взаимоотношениях детей-мигрантов и их российских сверстников во дворе: 8,6% опрошенных детей переселенцев назвали их плохими, что показывает большую проблематичность неформальных отношений во дворе, чем в школе. Одним из существенных факторов, препятствующих налаживанию контактов с российскими сверстниками, является незнание детьми мигрантов русского языка. Проблема усугубляется тем, что у большей части детей (57%) матери в России не работают, то есть не имеют стойкой мотивации на овладение русским языком, а это значит, что и дети мигрантов не могут овладеть им в полной мере.

Опрос детей-мигрантов школьного возраста в трёх регионах России (Московская, Смоленская области и Ставропольский край) выявил, что 30% опрошенных выпускников школ не считают своё владение русским языком свободным (5). Социологи из Екатеринбурга отмечают, что незнание русского языка для детей мигрантов – это не только барьер в усвоении учебного материала. Ребёнок испытывает чувство стыда, невозможности решить конкретную повседневную проблему, в школе не может проявить себя в соответствии со своими способностями, так как испытывает недостаток вербальных языковых инструментов (2). Судя по тому факту, что в Таджикистане, например, в марте 2010 г. отменили для русского языка статус второго государственного, проблема незнания нашего языка приезжими и их детьми будет только нарастать. Этнические таджики составляют большинство среди гастарбайтеров Свердловской области, такая же ситуация и в целом по России.

Помня, что одновременно в России по оценкам большинства экспертов находятся около 5-6 миллионов внешних мигрантов и далеко не все они легализованы, а многие из них привезли с собой по несколько детей и рожают детей на территории России, нужно признать, что проблема адаптации детей-мигрантов превратилась в важнейшую социальную задачу для страны. По под-

счётам исследователей во второй половине XXI в. мигранты и их потомки могут превысить половину населения Российской Федерации (3).

Кроме того, опыт европейских стран и США показывает, что через 10-15 лет Россия столкнётся с проблемой мигрантов во втором поколении. Учитывая, что для стран, из которых уезжают мигранты, характерна более высокая рождаемость, чем в России, можно ожидать, что следующее поколение мигрантов будет составлять ещё большую долю населения и превратится в значимую социальную силу. Уже сейчас во многих российских регионах дети мигрантов заметны среди учеников средних школ. Большинство западноевропейских стран, в которые приток трудовых мигрантов начался раньше, чем в Россию, столкнулись с этой ситуацией. По оценке социолога Гэри Маркса, процент мигрантов во втором поколении среди 15-летних подростков в европейских странах в 2000 г. варьировался от 3% (Норвегия) до 8% (Германия). В США мигранты во втором поколении составляют 11% населения (и ещё 12% являются мигрантами в первом поколении) (7). Американские социологи заметили, что жизненный путь больших групп мигрантов во втором поколении не укладывается в каноны теорий успешной ассимиляции. Несмотря на то, что дети мигрантов свободно говорят на английском и учились в американских школах, их шансы на рынке труда значительно ниже, чем у местных сверстников. Кроме того, во многих случаях они являются объектом расовых предрассудков. В то же время дети мигрантов не согласны на тяжёлый низкооплачиваемый труд, которым были вынуждены заниматься их родители. Результатом является высокий уровень безработицы и преступности среди мигрантов во втором поколении, а также их разочарование в культуре и ценностях страны пребывания. Иллюстрацией этих процессов в европейских странах являются бунты арабской молодёжи во Франции и рост популярности фундаменталистской идеологии среди молодых мусульман в Великобритании.

Жизненные траектории детей мигрантов в России определяются уже сейчас. Появление больших групп дезадаптированной иммигрантской молодёжи не является неизбежным. Для предотвращения этого явления необходима социальная политика, направленная на формирование каналов социальной мобильности для мигрантов и их детей, расширение их образовательных возможностей. Социальные усилия, потраченные на это сейчас, могут сэкономить значительные средства в будущем.

Результаты многих исследований подтверждают, что среди факторов, оказывающих благоприятное воздействие на адаптацию мигрантов, – их молодой возраст. Мы хотим сослаться на результаты опроса автором группы вынужденных мигрантов из стран ближнего зарубежья, большинство которых были либо

русскими, либо представителями славянских этносов. Нужно признать, что в процессах адаптации русских переселенцев и нерусских трудовых мигрантов есть много общего, детерминированного их миграционным статусом. Хотя понятно, что этнические особенности современной трудовой миграции на территорию России только усугубляют те проблемы адаптации, которые нам удалось выделить на примере русских вынужденных мигрантов.

Качественный опрос 62-х вынужденных мигранток (2002 г., г. Шадринск, Курганская область) показал, что чем моложе мигранты, тем быстрее они адаптировались на новом месте. Вынужденные переселенцы неоднократно отмечали, что легче переезжать в возрасте до 35-40 лет. Молодые мигрантки, переезжающие по воле родителей, все как одна не желали этого переезда, скучали по сверстникам, оставшимся в стране исхода. Их адаптация в силу возраста проходила быстрее, но есть примеры жалоб со стороны таких переселенок, касающиеся трудностей взаимоотношений с одноклассниками и с учителями в новой школе. Хотя в целом большинство родителей в интервью сообщали, что дети, по сравнению с ними, привыкали к жизни на новом месте быстрее. Поясним, что интервью имело ретроспективный характер, так как нам приходилось выяснять обстоятельства адаптации вплоть до 10-летней давности. Кроме того, изучая особенности адаптации детей мигрантов, мы пользовались как результатами опроса самих молодых переселенок, которые вспоминали свои первые школьные годы в России, так и результатами бесед с родителями, которые высказывались об особенностях адаптации их детей.

Количественный опрос переселенцев обоего пола (Курганская область, 2003-2004 гг., 361 респондент) также выявил взаимосвязь возраста мигрантов и успехов в адаптации. Чем старше переселенцы, тем меньше их доля среди полностью адаптировавшихся: мужчин младше 30 лет – 71,4%, а старше 50 лет – 39,3%. Женщин младше 30 лет в этой группе 64,5%, а старше 50 лет – 43,6%.

Однако это не означает, что дети мигрантов не испытывают никаких проблем в адаптации. По нашим наблюдениям их адаптация проходит быстрее, но не менее травматично, чем адаптация взрослых мигрантов. Список детских проблем отличается от списка проблем родителей по содержательным характеристикам, но по длине этого списка отличий практически нет. Прежде всего, переезд для них всегда связан с отсутствием внутренней мотивации, то есть они, как правило, переезжают по воле родителей и довольно сильно страдают из-за разрыва с привычным окружением. Так, вспоминая причины переезда, одна из мигранток, которую родители перевезли в Россию из Казахстана в 16 лет, говорила:

– Я в принципе в это не вдавалась, тем более мне тогда было мало лет, мне было не интересно. Ну, конечно, притесняли, тоже было.

– На национальной почве, да?

– Да, и у меня давно родители хотели уехать. А я, когда уезжали, плакала очень сильно.

– У Вас там друзья, знакомые. Всё детство прошло, да?

– Да, они прожили двадцать лет там, то есть до моего рождения приехали. А я, конечно, плакала (женщина, 1981 г.р., Казахстан, русская).

Кроме того, дети обычно слабо втянуты в проблемы, которые становятся причинами переезда. Та же мигрантка так поясняет это обстоятельство:

– А что-то в 90-е годы такое происходило?

– Да, там уже было, но это у взрослых. У молодёжи, конечно, были проблемы, но это у молодёжи – у тех, кто был постарше, за восемнадцать... (женщина, 1981 г.р., Казахстан, русская).

Другая переселенка, вспоминая свои детские впечатления, прямо заявила:

«Я бы не уехала, если бы не родители. У родителей начались проблемы с работой (28 лет, не замужем, Казахстан).

Таким образом, дети мигрантов очень сильно страдают и в момент отрыва от родной почвы, и в период переезда. Не меньше взрослых они переживают и в период привыкания на новом месте жительства, в новом населённом пункте, в другой школе, в другом окружении:

– К чему Вам было трудно здесь привыкнуть, в нашем городе? Или по молодости лет всё было нормально?

– Да, было всё интересно, единственное, что было трудно – нет знакомых, нет ни родственников, никого... все остались там... я как бы ко всему [в России] не привыкла, я всего боялась просто. Ну а вообще-то, я быстро привыкла ко всему, тем более появились подруги, новые знакомые...» (1972 г.р., Казахстан, русская).

Психологи считают, что испытания, которые детям мигрантов приходится переносить, соотносятся с такими понятиями, как «травма», «утрата» и «жестокое лишение». Травма воспроизводит стрессовые состояния. Дети мигрантов обязательно нуждаются в социально-психологической помощи.

Другие стрессовые ситуации возникают у детей мигрантов, когда они сравнивают своё положение и положение детей в благополучных семьях – их одежду, дом, игрушки, питание, а также отношение к ним сверстников. Вот как передаёт одна из мигранток слова своей дочери-школьницы:

«Нам свою мебель, какую мы оттуда [из Казахстана] привезли, ставить некуда. Нет у нас ничего в общежитии. Как моя дочь говорит, что ей стыдно кого-то пригласить, что мы живём, как бомжи» (1953 г.р., Казахстан, русская).

Типичность этой проблематики подтверждает и опрос детей гастарбайтеров в Свердловской области. 11,1% респондентов признались, что в их семьях не хватает денег на игрушки для младших детей, а каждый десятый ребёнок считает, что денег не хватает и на питание. Даже если проблема и не стоит так

остро, результаты опроса высвечивают саморефлексию нерусских приезжих детей, которые чувствуют свою ущербность. Это обостряет состояние переживания «утраты», что является, по мнению психологов, определяющей характерной чертой статуса мигранта. Понятие «жестокое лишение» отражает потери, которые ведут к наиболее серьёзным расстройствам. Для таких детей характерны неврозы, депрессии, ухудшение умственных способностей, ослабление физической активности. Исследователи отмечают, что наиболее уязвимым в этом отношении является дошкольный и подростковый возраст (1). Мигрантки довольно часто упоминали об этом в интервью. Совершенно понятно, что все эти состояния никак не способствуют улучшению адаптации детей мигрантов в школьном или дошкольном образовательном учреждении. Причём наш опрос показал, что именно в средней школе, а не в профессиональном образовательном учреждении дети мигрантов испытывают наибольшие трудности:

– *Уже привыкла просто, ну, смена обстановки, новые люди, это было сложно, тем более в школе проблемы были с тем, что новенькая, последний год. Ну, а потом я сюда приехала, тут на меня просто не смотрели как на казахстанскую...*

– А вы не помните этот срок привыкания, когда Вам сильно тяжело было, сколько он продолжался? Весь этот одиннадцатый класс?

– *Да весь год.*

– То есть Вы так и не смогли привыкнуть?

– *Я, конечно, нашла новых друзей, новых знакомых... Всё равно я чувствовала себя...*

– Чужой?

– *Да, и довольно часто напоминали об этом... (1981 г.р., Казахстан, русская).*

Другая мигрантка, которую родители перевезли в Россию после окончания седьмого класса, так вспоминает о своих проблемах в средней школе:

– А вот не было такого, чтоб кто-то вам сказал: «Вот приехали тут из Казахстана»?

– *Было.*

– Прямо так и говорили?

– *Постоянно говорили, все первые лет пять... в школе... Директор школы говорила...» (1977 г.р., Казахстан, русская).*

Дети мигрантов чаще отмечают проблемы взаимоотношений не с детьми в новом классе, а с взрослыми, с педагогами.

– А Вам в школе что говорили: что детям не нравилась, просто что чужая?

– *Да не детям, взрослым, дети никогда не говорили.*

– Это были учителя, да?

– *Да... Ну, не знаю, все говорили, что отличаемся» (1977 г.р., Казахстан, русская).*

Проблемы взаимоотношений со сверстниками в школе также упоминаются. И в первую очередь – это проблемы этнической непохожести:

– А дети на что жаловались? Им же тоже сложно.

– Дочь у меня жаловалась первое время, в школе обзывались на неё, мы же из национальной школы приехали (1964 г.р., Молдавия, русская).

Нужно отметить многоуровневость проблем адаптации детей мигрантов. Прежде всего, это проблемы привыкания при переезде из крупного населённого пункта в малый, что характерно для вынужденных миграций 1990-х годов.

– Значит, получается, что Вы из Казахстана из села сюда же, в Россию, в село приехали, да? И Вам было не так страшно – в село?

– Нет, было очень страшно. Потому что мы, когда уезжали оттуда, у нас всё-таки совхоз был как бы большой, он считался самым крупным в районе... [А здесь] казалось, что всё такое серое, страшное, да ещё и в школу, когда автобуса не было, приходилось часто ходить пешком зимой, ужасно. У меня школа [в Казахстане] возле дома была, практически метра два-три (1981 г.р., Казахстан, русская).

Максимальные проблемы возникали при поселении в небольших сёлах, деревнях. Это не только проблемы урбанистического характера, но и проблемы замкнутости сельских общин, подозрительности к «чужакам», к приезжим, что, как правило, гораздо слабее проявляется в условиях анонимности городских поселений.

– А вот не было у Вас такого, чтобы сказали: «Вот приехали тут из Казахстана»?

– Ну, это было в деревне... Когда я жила в деревне, там было всякое... там я думала: вообще, такие люди ужасные... Особенно как приехали – это вообще! Очень часто плакала, назад просилась (1981 г.р., Казахстан, русская).

Кроме того, на проблемы адаптации в непривычных условиях населённого пункта накладывались проблемы привыкания к новой школе, сверстникам, другим учителям, новой учебной программе, новым требованиям. И всё это в условиях стресса аккультурации, в условиях новой системы ценностей и стереотипов под пристальным взглядом коренных жителей.

Таким образом, с одной стороны, дети мигрантов адаптируются быстрее и в некотором смысле результативнее своих родителей, а с другой стороны, не будучи мотивированными на переезд, психологически они страдают больше своих родителей, не осознавая положительных результатов миграции, острее воспринимая все лишения в процессе и в результате переезда.

Если говорить о доступности высшего образования в России для детей мигрантов, то здесь, прежде всего, возникают материальные проблемы:

– Нет, мы пытались, по крайней мере, вот я пыталась поступить в институт бесплатно, потому что мы только переехали, конечно, было трудно... и не получилось...

– То есть, вот эти 8-10 тысяч для Вас, как для мигрантов, были суммой неподъёмной, чтобы заплатить за обучение?

– Видите, была ситуация такая, что брат и сестра жили с родителями, а зарплату они не получают. Даже сейчас у меня родители живут на бабушкину пенсию,

зарплату им не дают вообще... И, конечно, это много для них, очень много... (1981 г.р., Казахстан, русская).

Кроме того, налицо проблемы конкурентоспособности мигрантов при поступлении в российские вузы, что в свою очередь связано с материальными проблемами. Одна из переселенок так рассказывала о попытке поступления своей дочери в российский вуз:

– Она закончила медучилище там?

– Да, в Казахстане, и мы её отправили в Омск, чтобы она поступила в медакадемию.

– Она не поступила?

– Получилось так, что в первый год не было договора Казахстана с Россией, и поэтому возможности поступить у неё не было, а на второй год она не прошла по конкурсу.

– Поступить туда очень сложно?

– Да, мы нанимали репетиторов (1953 г.р., Казахстан, русская).

Социологи продолжают изучать эту проблему (5). Результаты опросов свидетельствуют о том, что, имея довольно высокую ориентацию на поступление в российские вузы, дети мигрантов по многим причинам имеют гораздо меньше шансов попасть туда по сравнению с российскими школьниками.

Заканчивая наш краткий обзор результатов опроса мигранток, нужно отметить, что переселенцы – как дети, так и взрослые – нуждаются и в психологической, и в социальной помощи, но дети в силу особенностей этапа их социализации нуждаются в такой помощи больше. Именно школа, и не только в лице школьного психолога, но и в лице учителей, не говоря уже об администрации, должна принимать самое деятельное участие в адаптации детей мигрантов.

Однако решение этой проблемы в России не подготовлено ни с кадровой, ни с методической стороны, хотя эта проблематика не только заявлена на федеральном уровне, но и законодательно оформлена. В 1998 г. дети-мигранты впервые получили особый социальный статус и были включены в группу детей, находящихся в трудной жизненной ситуации в соответствии с Федеральным законом РФ «О гарантиях прав ребёнка» от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ. В 1999 г. были опубликованы методические материалы об организации обучения детей-мигрантов («Рекомендации об организации обучения детей из вынужденных переселенцев в ОУ РФ Министерства образования и науки РФ»), но в российских школах до сих пор не существует практики выстраивания эффективного взаимодействия между детьми принимающего сообщества, учителями и детьми мигрантов, институализированной на уровне повседневных правил. Согласно законодательству, дети мигрантов уравниваются в образовательных правах с детьми местного населения, и никаких специальных процедур включения таких детей в

дошкольное и школьное общее образование не предусмотрено (2). На региональном и муниципальном уровне решать эту проблему могут себе позволить лишь власти некоторых благополучных регионов.

С этой точки зрения интересен опыт системы школьного образования Свердловской области. В 2007/2008 учебном году в школах Екатеринбурга обучалось 1629 детей-мигрантов. Основная проблема их адаптации к системе российского образования – это низкий уровень знания русского языка. Практика внедрения школ с этнокультурным компонентом и «речевых школ» оказалась несостоятельной. С одной стороны, «обычные» школы в условиях демографического кризиса должны быть заинтересованы в привлечении детей-мигрантов, но, с другой стороны, их приём снижает школьные показатели качества образования. Нередки случаи, когда из-за этого школы стремятся избежать приёма таких детей. Исследование екатеринбургских социологов показало, что на горизонтальном уровне (ученик-ученик) особых этнических проблем не возникает. Сопrotивление ощущается на уровне администрации школы, учительского коллектива, попечительского совета школы, родителей учащихся. Для разрешения в частности и этой проблемы в Управлении образования Екатеринбурга на базе пяти городских образовательных учреждений создан сетевой проект по разработке и адаптации технологии обучения русскому языку и литературе учащихся, не владеющих или плохо владеющих русским языком. Он стал составным элементом целевой программы развития системы общего образования в Екатеринбурге на 2007-2009 годы. Школьным учителям приходится разрабатывать и собственные методики адаптации детей трансграничных мигрантов к образовательному процессу (2).

Показателем типичности этой проблемы для системы школьного образования крупных городов России является тот факт, что в Санкт-Петербурге на базе Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена учёные разработали букварь для детей, не знающих русского языка, так как в петербургских школах по приблизительным подсчётам учатся дети 130 национальностей. Сколько из них не говорят по-русски, точно не известно. Инициатива написания такого учебника для первоклассников исходила от учителей.

В 1996-2001 годах изучалось положение детей вынужденных мигрантов в образовательных учреждениях Ставропольского края. Обследование показало, что среди проблем, отрицательно влияющих на обучение, особую обеспокоенность вызывают проблемы низкого материального уровня и жилищно-бытовой неустroенности семей школьников. Выявились специфические проблемы обучения детей-мигрантов: значительный перерыв в занятиях, слабое знание русского языка, несоответствие требований в школах, как следствие – низкая успе-

ваемость. Огромную тревогу представляют проблемы морально-психологического характера: многим прибывшим детям присуще чувство подавленности, испуга, психической неуравновешенности. Общее мнение педагогов сводилось к тому, что исследуемая категория детей требует специфических мер в ходе их обучения, например, коррекции знаний учащихся, прибывших из других стран, диагностики готовности детей к различным ступеням образования, изучения и учета особенностей культуры детей. Необходима соответствующая подготовка учителей для осуществления этих мер и обеспечение необходимыми методическими материалами (5).

Таким образом, в России значителен слой детей, для которых актуально изучать русский язык как иностранный, а школьные педагоги нуждаются в специальных методиках по обучению таких детей.

Следует отметить, что при вхождении в новую социальную среду особое значение имеют дошкольные образовательные учреждения, которые обладают большим нереализованным потенциалом для социальной адаптации детей-мигрантов. В соответствии с действующим законодательством детям дошкольного возраста, проживающим в России, гарантировано предоставление дошкольного образования по желанию родителей вне зависимости от наличия постоянной регистрации в данном населённом пункте и наличия российского гражданства. Так, например, в Свердловской области ежегодно рождает около 1 тыс. матерей-мигранток, которые, несмотря на дефицит мест в дошкольных учреждениях, в принципе могут претендовать на место для своего ребёнка. Опыта адаптации таких детей работники ДОУ, как и учителя общеобразовательных школ, практически не имеют. Только один детский сад Екатеринбурга (№ 587) реализует программу формирования толерантных установок по отношению к детям из семей трансграничных мигрантов.

Педагоги считают, что наиболее доступной для ребенка-мигранта дошкольного возраста является художественно-творческая деятельность. Специфика её состоит в том, что в процессе художественно-творческой деятельности идёт усвоение ценностей культуры, у ребенка появляются и развиваются коммуникативные навыки, эмоции, эмпатия, способность принимать позицию другого человека; она не имеет ограничений и доступна детям любых национальностей. Следовательно, возникает необходимость в обосновании возможностей художественно-творческой деятельности в социальной адаптации детей-мигрантов (4). Авторы учебного пособия «Социальная работа с мигрантами и беженцами» приводят много примеров успешности привлечения ресурсов образования и художественного творчества в адаптации детей переселенцев (1).

В Татарстане проблема межкультурного образования детей-мигрантов решается путём поддержки развития многонационального движения, которое проявляется в организации национальных общин и культурных центров, а также в создании Многонациональной воскресной школы (МВШ), которая работает уже больше 15 лет. В своей деятельности МВШ учитывает уровень знаний, национальные, социальные, психологические особенности, ценностные ориентации и мотивационную сферу маленьких мигрантов. Методики преподавания различаются в зависимости от деления детей на следующие группы: дети мигрантов в первом и втором поколениях, дети мигрантов в третьем и последующих поколениях (2).

Одной из самых эффективных сил, влияющих на становление личности и поведение человека в обществе, является семья. Огромный диапазон воспитательного воздействия и уникальности методов идеологического и психологического влияния семьи делают её одним из самых мощных средств социального формирования и развития личности, решения таких специфических социально-педагогических задач, как воспитание гражданина, формирование нравственных норм и принципов человеческого бытия. Но в то же время семья – это объект социальной политики, воздействия со стороны государства, общества, различных социальных институтов. Она нуждается в разносторонней и многоплановой поддержке общества. Семьи мигрантов в их нестабильном состоянии требуют к себе особого внимания. Все негативные явления, происходящие в семьях данной категории населения, отражаются в первую очередь на детях. Разрушение нормального образа жизни, отсутствие безопасности, проблемы потери статуса, идентификации – сопутствующие факторы жизни мигрантов. Они могут отрицательно сказаться на физическом, умственном, психологическом, культурном и социальном развитии детей. Негативное воздействие этих факторов резко усугубляется, когда отчаяние родителей приводит к дурному обращению с ребёнком, отказу от него, вызывает семейные ссоры и другие проявления распада семьи, так как жизнь мигрантов сопряжена с постоянными лишениями.

Дети мигрантов должны быть окружены особой заботой со стороны государственных органов. Нельзя не вспомнить об организации активного отдыха во время школьных каникул, о благотворительных концертах, спектаклях, новогодних ёлках, о помощи в подготовке к школе, в чём большую помощь могут оказывать и социальные службы (1).

Опыт работы психологов, социальных служб и научные данные позволили выделить следующие особенности адаптации детей-мигрантов в новой социальной среде:

- межкультурное взаимодействие, строящееся на интеграционной стратегии аккультурации, является наиболее оптимальным для социальной адаптации детей-мигрантов;

- критериями адаптированности детей-мигрантов являются: установление позитивных связей с новой социальной средой, удовлетворительное эмоциональное и соматическое состояние, адекватность в общении и, как следствие, личностное развитие;

- этапы социальной адаптации детей-мигрантов:

- первый этап (фрустрация), характеризуется повышенной тревожностью, пониженным фоном настроения;

- на втором этапе (критическом) стресс аккультурации достигает своего максимума: у большинства детей возникают эмоциональные нарушения, проявляющиеся в поведении (у одних наблюдается повышенная плаксивость и капризность, частые колебания настроения, у других – агрессивность, гиперактивность; у третьих – апатичность, безразличие, безучастность, излишняя послушность; у трети детей-мигрантов возникают психосоматические расстройства, что в свою очередь усугубляет течение процесса социальной адаптации);

- на третьем этапе (приспособление) наступает разрешение кризиса по мере усвоения культурных норм принимающей стороны; происходит приспособление к новой социальной среде, что характеризуется стабилизацией эмоционального и соматического состояний, установлением позитивных связей с новой социальной средой, адекватностью в общении;

- педагогическими условиями, способствующими социальной адаптации детей-мигрантов, являются: наличие педагогической программы по социальной адаптации детей-мигрантов; совместная деятельность специалистов и воспитателей дошкольного образовательного учреждения, педагогов общеобразовательных школ по созданию оптимальных условий для социальной адаптации детей-мигрантов; привлечение к межкультурному взаимодействию родителей; партнёрство педагога и ребёнка-мигранта в процессе социальной адаптации;

- педагогическая программа по адаптации детей-мигрантов средствами художественно-творческой деятельности позволяет облегчить протекание адаптационного периода этих детей при вхождении в новую социальную среду. Программа включает следующие направления:

- преодоление эмоционального барьера и создание благоприятной атмосферы для построения дальнейшей педагогической работы;

- знакомство русскоязычных детей с культурой ребёнка-мигранта;

- обучение детей-мигрантов навыкам поведения, позволяющим им осуществить адекватное взаимодействие с представителями принимающей культуры;

– знакомство с культурным наследием принимающей стороны.

Можно предложить социальному педагогу и социальному работнику, работающему с детьми из семей мигрантов, использовать тренинговые занятия, которые могут учитывать особенности национальной культуры, традиций, обычаев, этнический опыт детей не только из семей мигрантов, но и детей из семей коренных жителей и на этой основе формировать общечеловеческие ценности, такие как милосердие, готовность помочь ближнему, сострадание, толерантность (терпимость, уважение чужого мнения, традиции и культуры, умение спорить не ссорясь).

Достижение этой цели возможно посредством решения следующих задач:

- познавательных (знакомство с культурами, традициями, обычаями представителей разных национальностей);
- развивающих (развитие умений адекватного отношения к себе и окружающим, способностей к самостоятельным суждениям, к различию зла и добра, цели и средства);
- формирование ценностей (воспитание и формирование уважения к людям и непредвзятого отношения к ним, чувства сопереживания, сочувствия, сострадания, милосердия как качеств личности).

Такие тренинговые занятия по формированию гуманных качеств личности имеют следующие характеристики – открытость, демократизм, отсутствие регламента, что даёт детям возможность сблизиться друг с другом, понять друг друга, совместно пережить разные эмоциональные состояния. Важным звеном в процессе организации социально-педагогической работы с детьми и их семьями могут выступать группы взаимопомощи и взаимоподдержки. Стремление к объединению является естественным, поскольку люди имеют тенденции к тому, чтобы взаимодействовать, с целью быть понятыми друг другом и получить поддержку. Такие формы работы дают чувство принадлежности, уверенности, собственной ценности, повышают самооценку, что, естественно, увеличивает социально-психологические адаптивные возможности личности (4).

Таким образом, социальная работа с детьми мигрантов помимо традиционного социального обслуживания (оказание социально-материальных и медико-социальных услуг), должна включать меры психологической адаптации, преодоления отчуждения, умения общаться со сверстниками. Необходимы бесплатные курсы по русскому языку, проводимые по интеграционной социокультурной программе. Кроме того, многим детям необходима помощь социальных педагогов, занятия в классах по ликвидации отставания в учёбе и социокультурном развитии. Возникает необходимость создания реабилитационных центров, государственных и общественных, курируемых некоммерческими органи-

зациями, которые помогают и местному населению, и семьям мигрантов, и беспризорным детям. В целом требуются специальные учебные программы, а также социальные услуги, чтобы восстановить нормальные личностные качества, психическое и соматическое состояние, уровень социокультурного развития детей (1).

Социальная работа с детьми мигрантов пока имеет ситуативно-вынужденный характер. Социальные службы, как правило, реагируют на проблему, когда ребёнок уже находится в тяжёлой ситуации и попадает в группу риска. Опыт Европы и Америки свидетельствует о том, что системная профилактическая работа с детьми мигрантов востребована в российском социуме уже сегодня. Однако слабость законодательной базы, отсутствие специально подготовленных кадров, недостаточная степень осознания этой проблематики, а самое главное, неразработанность системного подхода не позволяют считать это направление работы хоть сколько-нибудь эффективным.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какие международные и российские правовые документы защищают права детей мигрантов и беженцев?
2. Охарактеризуйте социальные проблемы, с которыми неизбежно сталкиваются дети мигрантов.
3. Перечислите естественно-антропологические, духовно-культурные и агентно-профессиональные потребности детей мигрантов, в удовлетворении которых могут помочь социальные работники.
4. Какие мероприятия помимо традиционного социального обслуживания должна включать социальная работа с детьми мигрантов?

Список литературы

1. Акмалова А. А., Капицын В. М. Социальная работа с мигрантами и беженцами: Учебное пособие. – М., 2008. – С. 195-201.
2. Взаимодействие мигрантов и местного сообщества в условиях крупного российского города: Сб. науч. ст. – Екатеринбург, 2009. – С. 28-45, 87-90.
3. Нарышкина А. Для сохранения численности России нужны мигранты: [данные из доклада А. Вишневого] // Известия. – 2004. – 25 апреля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.izvestia.ru/news/289519>
4. Можейко А. В. Педагогические условия социальной адаптации детей-мигрантов средствами художественно-творческой деятельности: Дис. канд. пед. наук. – Тамбов, 2005. – 223 с.
5. См. например: Тюрюканова Е. В., Леденева Л. И. Ориентации детей мигрантов на получение высшего образования // Социологические исследования. – 2005. – № 4.
6. Филатов Ф. Р. Комплексная реабилитация детей вынужденных переселенцев из «горячих точек» // Работник социальной службы. – 2002. – № 2.
7. Gary N. Marks. Accounting for immigrant nonimmigrant differences in reading and mathematics in twenty countries // Ethnic and Racial Studies. Vol. 28. № 5. – 2005. – September. – Pp. 925-946.

Рекомендации для социального работника по использованию социологических методов в работе с мигрантами

В социальной работе используются различные методы сбора и анализа информации о социальных группах, нуждающихся в помощи со стороны органов социальной защиты населения. Среди них значительное место занимают и социологические методы. В этом параграфе мы не ставим своей целью описать всю многоплановую роль социологии как науки в становлении и развитии социальной работы в её теоретическом и прикладном аспекте. Бесспорно, что для практической социальной работы, для социального работника-практика важно знать и правильно применять методы сбора социологической информации, методику и технику проведения социологического исследования. Сегодня можно познакомиться с целым рядом хороших учебных пособий, где подробно изложены особенности сбора и анализа социологической информации. В отечественной социологической науке корифеем методологии её изложения считается В. А. Ядов, учебные пособия которого многократно переиздаются и доступны в любой областной и городской библиотеке. Кроме того, можно подробнее познакомиться с другими источниками отечественных и зарубежных авторов, которые содержат обширную информацию по отдельным методам сбора социальной информации и методике её анализа. Таким образом, не ставя перед собой цели изложения всех этапов и особенностей проведения социологического исследования, всех методов сбора и анализа информации, мы на основании собственного опыта работы с мигрантами хотим дать социальным работникам некоторые практические советы. Они позволят выбрать самый оптимальный путь изучения социальных проблем мигрантов и избежать ошибок при сборе информации о них, используя социологические методики.

Прежде всего, социальный работник должен уметь вычленить ту социальную проблему, которая является основой обострения проблем мигрантов, проанализировать её и наметить способы её разрешения, используя технологии социальной работы. Социальная проблема может быть общероссийского, регионального или локального характера. В настоящее время, к сожалению, уровень социального работника-практика – это разрешение локальных проблем, связанных с мигрантами. Кроме того, не все локальные проблемы могут быть разрешены методами, доступными работникам социальных служб. Однако сбор любой информации о мигрантах имеет большое значение, так как может стать информационной основой для дальнейших пилотажных или полных исследований, а также принятия управленческих решений. На этом этапе социальному

работнику важно найти оптимальное соотношение возможностей применения технологий социальной работы и социальной проблематики локального уровня, которая доступна для изучения имеющимися в распоряжении специалиста материальными и организационными ресурсами. Например, вполне доступной для специалиста может быть проблема ранжирования перечня социальных потребностей (нужд) мигрантов, невозможность удовлетворения которых мешает их успешной адаптации. Можно подвергнуть изучению мотивацию переезда переселенцев именно в данный населённый пункт или регион, что также может помочь в определении путей аккультурации.

Составление программы социологического исследования, конечно, имеет большое значение, так как закладывает не только его теоретико-методологические основы, но и определяет методику и технику сбора и анализа информации, соответствующую специфике изучаемого объекта. Однако на практике социальный работник чаще всего проводит небольшие локальные опросы, анализирует ограниченный массив документальных источников, подвергает наблюдению лишь несколько десятков единиц. Поэтому чаще всего практики обходятся без разработки программы, сразу составляя инструментарий для сбора данных. С точки зрения социологии это не совсем верно, но всё же надо принять во внимание, что практическая работа всегда вносит свои коррективы в любой набор классических правил и процедур. Мы бы хотели обратить внимание практиков на необходимость чёткого выделения объекта и предмета исследования, а также на вычленение строгого перечня решаемых на данном этапе задач. Без этого исследование будет носить неконкретный, «размытый» характер и будет невозможно сделать вывод о том, что поставленная цель достигнута через решение определённых задач.

Важным этапом является решение проблемы выборки, то есть определение качественных и количественных характеристик тех социальных объектов, которые мы подвергаем изучению. Социология имеет обширный арсенал техник выборки. На собственном опыте хотим поделиться самыми простыми и доступными приёмами отбора респондентов для изучения, которые могут в основном обеспечить репрезентативность выборки, достаточную для достижения поставленной цели. Прежде всего, это техника «основного массива». В населённом пункте, где точно известны места локализации трудовых мигрантов (район проживания или место приложения их труда), можно опросить более половины (примерно 70%) их состава, что обеспечит приемлемую точность полученных результатов. Если такой локализации нет, но в территориальном отделении УФМС имеются данные о количестве мигрантов, их демографические и образовательные характеристики, данные о странах прибытия, их этнические харак-

теристики и т. д., можно рассчитать примерную пропорцию для опроса по всем этим признакам (или по двум-трём самым важным). Для этого достаточно воспользоваться самой простой математической формулой, определяя процентную долю распределения каждого признака в общей совокупности мигрантов, а затем определить часть группы для опроса в соответствии с намеченными пропорциями. В этом случае необязательно опрашивать много респондентов, можно ограничиться двумя-тремя сотнями человек, но важно строго соблюсти пропорциональную выборку. Поиск респондентов, подходящих по намеченным признакам, можно осуществлять как на рабочих местах, так и по месту проживания мигрантов. Нужно иметь в виду, что так будут изучены только легальные мигранты, зарегистрированные в УФМС. Мнение нелегальных мигрантов можно изучить, применяя метод «снежного кома». Этот метод мы использовали для взятия интервью у вынужденных переселенцев, многие из которых, фактически являясь таковыми, не обращались за получением помощи в миграционную службу. Нет сегодня точных данных и о количестве и демографических характеристиках нелегальных мигрантов, именно поэтому такой метод их изучения вполне оправдан. Суть его в том, что достаточно найти одного респондента, который в конце интервью назовёт ещё нескольких известных ему людей с искомыми характеристиками, которых дальше можно опрашивать, интересуясь адресами других возможных респондентов для опроса. Опрос можно продолжать, пока не будет набрано достаточное количество единиц изучения. Сразу скажем, что для применения опросной техники методом «глубокого интервью» достаточно опросить два-три десятка человек, следя за тем, чтобы они представляли мнение разных типов респондентов, принципиальных для изучения. Как только типы опрошенных начинают повторяться, опрос можно заканчивать.

Мигранты могут обращаться в службы социальной защиты, например, как пенсионеры, члены многодетных семей, инвалиды или женщины в трудной жизненной ситуации; социальная помощь может быть оказана детям мигрантов и беженцев. Таким образом, социальные работники, не выходя из кабинета, могут опрашивать мигрантов, вести наблюдение или применять другие техники их изучения. В этом случае информация о них будет накапливаться медленно. Такой подход к выборке более оправдан, если мы имеем целью изучить какую-то группу переселенцев в определённой ситуации, например, многодетных мигрантов или женщин в другой трудной жизненной ситуации. Организовать такой опрос, конечно, проще, но нужно избежать нарушения анонимности опроса, давления на респондента при заполнении анкеты, подсказок при её заполнении. В такой ситуации результаты опроса могут быть недостоверными, а выводы – ошибочными. В «кабинетных» условиях лучше всего собирать информа-

цию методом «глубокого интервью» или используя «биографический метод». Для решения определённых задач они просто незаменимы, так как жизненные истории мигрантов могут помочь вычлени́ть целый список их социальных проблем, выявить типичные трудные ситуации. Этой техникой опроса лучше владеют социологи, и если такой специалист есть в органах социальной защиты населения, то он может, не выходя из кабинета, собрать много полезной информации. Специалисту по социальной работе можно посоветовать просто включить диктофон и записать всё, что захочет рассказать мигрант об определённой проблеме, не прерывая его. Выслушав респондента, нужно задать ряд уточняющих вопросов, ответы на которые не были получены в ходе интервью или опрашиваемый дал неполный ответ, выпустив важное, по мнению интервьюера. На этом интервью можно закончить. Такие истории с диктофона нужно «транскрибировать», то есть превратить в текст, а при анализе вычленять типичное и уникальное в рассказе каждого переселенца.

Особо хочется остановиться на правилах формулировки вопросов как для письменного опроса (анкетирование), так и для устной беседы (интервью). Составление опросника тоже имеет свои особенности, с которыми надо познакомиться, но гораздо важнее уметь правильно сформулировать вопрос. А для респондентов, находящихся в трудной жизненной ситуации, это имеет особое значение, так как грубые «лобовые» вопросы или вынужденная ретроспекция могут вызвать у них отказ от опроса или уход в сторону от заданной тематики. В принципе респондент не обязан «выворачивать душу» перед исследователем, задача которого правильно сформулированными вопросами вызвать у опрашиваемого желание дать на них полный и честный ответ. Не всегда это легко сделать, но к этому нужно стремиться, постепенно овладевая техникой опроса. Итак, вопрос не должен носить обидного характера, нужно искать тактичные формулировки. Нужно спрашивать только о том, в чём респондент компетентен, не превышая пределов его осведомлённости по проблеме. Сложная тематика и непонятные ему формулировки должны быть исключены. Опрос – это не тот случай, где нужно демонстрировать свои высокие интеллектуальные способности, наша задача – задать понятный респонденту вопрос и получить от него полный и честный ответ. Нельзя формулировкой вопроса навязывать респонденту ответ, то есть ответ не должен содержаться в самом вопросе, который надо формулировать индифферентно. Например, неправильно задавать такой вопрос: «Вы приехали в Россию чтобы заработать деньги?». Лучше, например, спросить так: «Каковы причины вашего переезда в Россию?», чтобы респондент сам указал эти причины или сам выбрал их из предложенного перечня, не используя вашу подсказку. Так называемые «открытые» вопросы не должны

содержать вариантов ответа, респондент должен сам вписать его на специальной строке. Из перечня таких вопросов состоит опросник для интервью. В анкете могут быть разные вопросы, с типологией которых тоже нужно познакомиться заранее. Остановимся на «закрытых» вопросах, каждый из которых должен иметь полный перечень вариантов ответа. Прежде всего, к такому вопросу должна быть приложена инструкция по его заполнению, так как кроме выбора одного варианта ответа, можно попросить респондента отметить все нужные с его точки зрения варианты или, например, не более трёх. Инструкция может быть самой разной в зависимости от того, какую информацию мы хотим получить от опрашиваемого. Важным является требование соответствия вариантов ответа содержанию и сути самого вопроса. Если мы спрашиваем мигрантов о причинах переезда в данный населённый пункт, то варианты ответа и должны содержать перечень таких причин, а не список их проблем при переезде, например. Нужно сказать и о том, что варианты ответа должны быть подобраны по одному основанию: например, только мотивы поступка или только варианты целей переезда. Кроме того, если мы не уверены, что перебрали абсолютно все возможные причины, лучше сделать вопрос «полузакрытым», прибавив к перечню вариант «другое», выбрав который респондент может в специальной строке написать своё мнение. Если мы позволяем респонденту выбрать несколько возможных вариантов, то такой вопрос будет называться «вопрос-меню».

При подборе вариантов ответа важно не применять формулировок, имеющих неопределённое или многозначное толкование. Например, совершенно недопустимы варианты типа «часто», «редко», «иногда» и т. п. Совершенно понятно, что мера каждого из этих значений для разных респондентов будет своя, и, выбирая один и тот же вариант, каждый опрошенный будет подразумевать под ним что-то своё. Так, например, для одного мигранта «часто» болеть – это каждый месяц, а для другого – два-три раза в год. Поэтому респонденты, выбрав для разных случаев одну и ту же формулировку, не дадут нам правильной информации.

Нужно сказать и о том, что каждый вопрос должен работать на достижение задач исследования, лишние вопросы ломают логику составления опросника. Кроме того, чтобы не перегружать анкету, методом опроса стоит получать только ту информацию, которую мы не можем получить иным путём (например, через управление статистики). Это, как правило, информация о причинах поступков, мнениях, ценностных ориентациях, планах на будущее респондентов, а также фактология, которая не отражена в других источниках.

Таким образом, только правильно сформулированный вопрос позволит нам собрать верную и исчерпывающую информацию.

Компоновка самого опросника требует выполнения нескольких правил. Опросник состоит из трёх частей, начинаясь с «шапки» анкеты, её вводной части, в которой нужно указать цель опроса и кто его проводит, а также объяснить правила заполнения опросника, заверяя респондентов в анонимности опроса. Далее идёт основная часть опросника, которая состоит из совокупности вопросов, расположенных в логической последовательности. Логика расположения вопросов может быть самой разной, но чаще используют распределение вопросов по блокам в зависимости от перечня решаемых задач. Начать опросник можно с какого-либо общего вопроса, вводящего мигранта в круг обсуждаемых проблем. Завершается анкета так называемой «паспортичкой», которая содержит вопросы, уточняющие личные данные респондента. Эти вопросы не должны нарушать анонимности опроса, выясняя лишь те характеристики мигрантов, которые нужны нам для достижения поставленных задач. Например, это может быть вопрос о возрасте переселенца, о его семейном положении, количестве детей или о состоянии жилищных условий. Имя и фамилию мы никогда не спрашиваем (исключение составляет лишь экспертный опрос), не фиксируем в присутствии респондента адрес его проживания (хотя иногда это надо знать для проверки качества работы анкетёров), не записываем паспортных данных, адрес места работы или полное название организации. Вопросы «паспортички» могут содержать лишь типологию организаций, перечень социальных статусов или социальных групп, направления видов деятельности, перечисление уровней образования и т. п. Этих данных о мигранте вполне достаточно, чтобы проанализировать собранную информацию.

Несколько слов об обработке полученной информации. Обработка полученных данных может осуществляться вручную или с помощью специальных компьютерных программ. Социологи в России обрабатывают информацию с помощью программ Wortex или SPSS. Если программы обработки не установлены в конкретном учреждении, то полученные данные можно обчислить и вручную. Для этого сначала проверяют анкеты на точность и полноту заполнения, выбраковывая те из них, которые более чем наполовину не заполнены. Затем, если в результате этой процедуры было утеряно значительное количество анкет и, таким образом, нарушена выборка, нужно провести добор информации, опросив респондентов с определёнными характеристиками, что позволит восстановить намеченные пропорции в выборке. Далее проводится подсчёт частотности выбора каждого варианта ответа в каждом вопросе сначала в абсолютных цифрах, а затем в процентах от общего числа респондентов или от количества ответивших на вопрос (от определённых анкет). Это даст статистическую картину результатов опроса. Можно видеть, как все респонденты ответи-

ли на каждый вопрос. Зачастую в социальной работе для выводов этого бывает достаточно. Если стоит задача сравнить мнение разных групп опрошенных (например, мужчин и женщин, молодых и пожилых, адаптировавшихся и неадаптировавшихся в России), можно произвести корреляционный анализ. Используя программу обработки данных, это сделать очень просто. Вручную тоже не сложно, но эта операция требует внимательности и некоторых временных затрат. Чтобы произвести корреляционный анализ вручную, нужно решить, какие группы респондентов мы будем сравнивать. Например, в начале исследования мы выдвигали задачу сравнить мнение мигрантов, живущих в России менее года и более года. По этому признаку все анкеты делим на две группы, глядя на ответы по соответствующему вопросу, а затем производим подсчёт, заполняя отдельные таблицы по нужным вопросам для каждой группы респондентов. При этом проценты считаем не от общего числа опрошенных, а от количества анкет в той группе, в которой мы производим подсчёт. В результате можно сравнивать мнение этих двух групп респондентов по всем вопросам, которые мы скоррелировали с вопросом, содержащим информацию о времени проживания мигрантов в России.

Завершив, таким образом, обработку полученных данных, можно приступать к её анализу. Анализ полученной информации можно производить в соответствии с результатами каждого вопроса. Процентное распределение голосов респондентов по каждому варианту ответа на вопрос уже может дать социальному работнику много информации для размышления. Если же в начале работы по искомой проблеме мы формулировали цель и задачи нашего исследования, то полученные данные нужно анализировать в соответствии с ними, обобщая результаты нескольких вопросов и стараясь приблизиться к решению задач и к достижению цели, то есть к ответу на вопросы, сформулированные в исследовании как социальная проблема. Много информации для размышления дают ответы респондентов на открытые вопросы (ответы своими словами там, где не предлагалось вариантов для выбора). Частотность повторяющихся вариантов ответа можно считать количественно, в процентах, добавляя новые встречающиеся варианты в таблицу подсчёта, а можно анализировать их качественно, стараясь вникнуть в смысл таких «приписок», понять логику и чаяния респондентов. В последнем случае мы не сможем точно подсчитать, сколько опрошенных выбрали именно этот вариант ответа, но зато мы получим более обширный материал для размышления, чем простой выбор варианта ответа из предложенного нами же перечня. Таким же способом можно анализировать и ответы тех респондентов, которые в ряде вопросов выбрали вариант ответа «другое», сформулировав своё мнение. При получении и анализе такой инфор-

мации затруднения могут быть связаны с языковым барьером. Мы должны быть уверены, что мигрант, отвечающий на наши вопросы или сам заполняющий анкету, точно понимает смысл вопросов и в состоянии написать ответ или сформулировать его в соответствии со своим мнением устно. При плохом знании русского языка у мигрантов можно лишь устно получать фактологическую информацию, разясняя им суть вопроса. Заполнять опросник в этом случае должен сам социальный работник.

Проанализировав полученную эмпирическую информацию и построив на её основе таблицы, графики и диаграммы, можно приступить к написанию отчёта по результатам исследования. Исследования для «внутреннего пользования» социальных служб не ориентированы на написание полного отчёта, который должен включать программу исследования и интерпретацию всех полученных результатов с ответом на вопрос о подтверждении выдвинутых гипотез с обоснованием методов их проверки. Для анализа внутри организации, а также для презентации полученных данных перед вышестоящими организациями вполне достаточно прокомментировать результаты таблиц и графиков, выделяя главную проблематику предпринятого исследования. Если подсчёты сделаны внимательно и без ошибок, то цифры «будут говорить сами за себя». Достаточно выделить по итогам опроса, что «говорит» подавляющее большинство, треть, четверть или две трети опрошенных. В социологии не оперируют разницей в 4-5 процентов, а стараются выделять тенденции на уровне 15-30-процентной разницы в ответах (или ещё больше). Так как мнения мигрантов будут концентрироваться на определённых полюсах оценочных шкал в вариантах ответа на вопросы, то при построении таблиц и диаграмм специфика их проблем, а также мнения сразу будут видны.

Таким образом, методика проведения социологического исследования может быть применена работниками социальных служб и самостоятельно без привлечения профессиональных социологов. Информация, полученная от мигрантов и обобщённая социальным работником, может стать основой для более глубокого понимания проблем людей, действительно находящихся в трудной жизненной ситуации.

В Приложении 1 мы даём примерный вариант анкеты для количественного опроса вынужденных переселенцев из стран ближнего зарубежья, который был осуществлён автором, а также примерный гид для качественного интервьюирования мигрантов. Это поможет социальным работникам не только составить представление о форме их разработки, но и иллюстрирует некоторые высказанные выше требования к формулировке вопросов и к компоновке опросника в целом.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

АНКЕТА ДЛЯ МИГРАНТОВ

Уважаемые переселенцы!

Просим Вас ответить на вопросы анкеты, которая направлена на изучение трудностей адаптации (привыкания) в России мигрантов из ближнего зарубежья. В каждом вопросе отметьте вариант ответа, который соответствует вашему мнению. Фамилию указывать не нужно, анкета анонимна.

Заранее Вас благодарим!

1. Как давно Вы переехали в Россию на постоянное местожительство?
  - 1.1. более 10 лет назад
  - 1.2. от 10 до 5 лет назад
  - 1.3. от 5 до 2 лет назад
  - 1.4. менее 1-2 лет назад

2. Какое из высказываний наиболее верно отражает Ваши нынешние чувства?
  - 2.1. я полностью адаптировался(лась) к жизни на новом месте
  - 2.2. я частично приспособился(лась) к жизни на новом месте
  - 2.3. я всё ещё не могу привыкнуть к новым условиям
  - 2.4. не знаю, трудно сказать

3. Какие проблемы были наиболее трудноразрешимы лично для Вас после переезда в Россию? (Выберите не более трёх вариантов ответа)
  - 3.1. жилищная проблема
  - 3.2. проблема трудоустройства
  - 3.3. проблема адаптации к новым условиям жизни
  - 3.4. проблема взаимоотношений с местными жителями
  - 3.5. материальные проблемы (нехватка денег)
  - 3.6. недостаток продуктов, одежды, предметов быта и др.
  - 3.7. проблемы с детьми (детсад, школа и др.)
  - 3.8. другие проблемы (укажите какие)_____

4. Кто из членов Вашей семьи адаптировался дольше, чем другие?
(Отметьте один вариант)
  - 4.1. я сам(а)
  - 4.2. мой супруг(супруга)

- 4.3. дети
- 4.4. наши родители
- 4.5. все одинаково
- 4.6. у меня нет семьи

5. К комплексу каких условий Вам было труднее всего приспособиться? (Сделайте отметку в каждой строке таблицы)

	Довольно легко	Довольно трудно	Не знаю
5.1. К условиям России в целом			
5.2. К условиям Уральского региона			
5.3. К условиям области, где живёте			
5.4. К условиям конкретного населённого пункта			

6. От кого в первую очередь Вы получили помощь после переезда в Россию? (отметьте все необходимые варианты)

- 6.1. от родителей
- 6.2. от других родственников
- 6.3. от соседей
- 6.4. от друзей
- 6.5. от миграционной службы
- 6.6. от муниципальных органов (каких? укажите) _____
- 6.7. от кого ещё? (напишите) _____
- 6.8. помощи не было ни от кого

7. Какая помощь Вам была оказана? (отметьте все нужные варианты)

- 7.1. в получении жилья
- 7.2. в трудоустройстве
- 7.3. в адаптации к новым условиям жизни
- 7.4. в урегулировании взаимоотношений с местными жителями
- 7.5. в решении материальных проблем (деньги)
- 7.6. в решении проблем с детьми (детсад, школа и др.)
- 7.7. продукты, одежда, предметы быта
- 7.8. помощь другого рода (напишите какая) _____
- 7.9. не было никакой помощи

8. Получали Вы или нет в миграционной службе статус беженца или вынужденного переселенца?

8.1. да, такой статус получал(а)

8.2. нет, не получал(а) такого статуса

9. Как Вы считаете, мигранты какого пола больше нуждаются в помощи со стороны государства?

9.1. женщинам-мигрантам эта помощь нужнее

9.2. мужчины больше нуждаются в такой помощи

9.3. одинаково и те и другие

9.4. не знаю

10. Примерно какое количество времени понадобилось лично Вам, чтобы привыкнуть к жизни на новом месте?

10.1. несколько месяцев или даже меньше

10.2. от 6 месяцев до года

10.3. 1-2 года

10.4. более двух лет

10.5. моя адаптация ещё продолжается

10.6. не знаю, трудно сказать

11. Каковы Ваши ближайшие планы в отношении местожительства?

11.1. буду жить здесь, где живу

11.2. возможно, вернусь назад в ту страну, откуда приехал(а)

11.3. возможно, перееду в другой населённый пункт этого региона

11.4. возможно, перееду в другой регион России

11.5. возможно, перееду в другую страну

11.6. не знаю, трудно сказать

12. Как Вы считаете, смогли Вы или нет достигнуть того уровня жизни, который был у Вас в предыдущей стране проживания?

12.1. уровень жизни у меня сейчас несколько ниже

12.2. уровень жизни примерно такой же, как был

12.3. мне удалось улучшить уровень своей жизни по сравнению с прежними условиями

12.4. не знаю, трудно сказать

13. Чем лично Вам пришлось пожертвовать при переезде и адаптации в России?

---

14. Если взять за 100% всю помощь, которую Вы получили при обустройстве в России, то какова будет доля помощи со стороны государства лично для вас или вашей семьи? Примерно _____% (напишите)

15. Удалось Вам или нет устроиться работать в соответствии со своей специальностью или квалификацией?

15.1. да, удалось

15.2. нет, не удалось

16. Удалось Вам или нет приобрести жильё не хуже, чем было у Вас в предыдущей стране проживания?

16.1. да, удалось, жильё не хуже

16.2. да, удалось, жильё даже лучше

16.3. нет, не удалось, жильё значительно хуже

17. Из какой страны ближнего зарубежья Вы приехали в Россию? _____

18. Ваш пол:

18.1. мужской   18.2. женский

19. Ваш возраст:

19.1. 18-19 лет   19.2. 20-29 лет   19.3. 30-39 лет

19.4. 40-49 лет   19.5. 50-59 лет   19.6. 60 лет и более.

20. Ваше образование:

20.1. среднее и ниже

20.2. среднее специальное

20.3. незаконченное высшее и высшее

21. Ваша национальность: _____

22. Ваше социальное положение:

22.1. служащий (учитель, врач и др.)

22.2. рабочий

- 22.3. предприниматель
- 22.4. учащийся
- 22.5. военнослужащий
- 22.6. пенсионер
- 22.7. безработный
- 22.8. домохозяйка
- 22.9. работник аграрного сектора, фермер
- 22.10. наёмный работник сферы частного бизнеса

23. Укажите название населённого пункта (района), где Вы проживаете:

23.1. город, рабочий посёлок (какой?) _____

23.2. район (какой?) _____

ГИД-ПУТЕВОДИТЕЛЬ ДЛЯ ИНТЕРВЬЮ С МИГРАНТАМИ

Интервью №

Дата проведения интервью

Продолжительность интервью

Имя (псевдоним) респондента

Пол

Возраст

Образование

Семейное положение

Национальность (по желанию)

Город/страна выбытия

Статус занятости (официальный)

Статус занятости (неофициальный)

Миграционный статус

Адрес

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

ПРИЧИНА ПЕРЕЕЗДА (миграции):

Кто и что повлияли на принятие решения о миграции.

Из какой страны, какого города Вы приехали в нашу область?

Как давно Вы выехали со старого (постоянного) места жительства?

Как давно находитесь в нашем населённом пункте?

Рассматриваете Вы или нет наш населённый пункт как конечный пункт своей миграции?

Кто ещё из близких людей мигрировал вместе с Вами?

Что заставило Вас решиться на переезд с постоянного места жительства?

Вы считаете условия проживания в нашем населённом пункте лучшими или худшими по сравнению со старым местом жительства?

В какой степени вероятно возвращение на старое место жительства?

Остались ли ещё какие-либо Ваши родственники там, откуда Вы мигрировали?

Будете Вы или нет настаивать на их переезде в наш населённый пункт? Если да, то почему? И если нет, то почему?

Какие обстоятельства повлияли на выбор именно нашего населённого пункта для переезда?

Вы обращались для регистрации и за помощью в местную миграционную службу или нет?

Если не обращались, то почему?

Если обращались, то насколько удовлетворены оказанной помощью?

Какие органы местной власти (или другие организации) уже помогли Вам устроиться в нашем населённом пункте?

Если Вы никуда не обращались, то какого рода помощь хотели бы получить в ближайшее время?

Вы (или Ваши родственники, мигрировавшие вместе с Вами) обращались или нет в городскую службу занятости с целью трудоустройства?

Каковы были результаты этого обращения?

Как вы считаете, то, что Вы – женщина (Ваш пол) помогает или мешает устроиться на новом месте? Или никак не влияет?

В каких направлениях обустройства Ваш пол помогает, а в каких, наоборот, мешает?

Если бы Вам снова пришлось начать переезд, что бы Вы сделали по-другому?

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ

Плюсы, минусы.

Проблемы.

Как преодолевали.

Оценка современного положения.

РАБОТА

Трудовой путь.

Формальная и неформальная занятость.

Если не работаете, ищите ли работу и какую?

Способы поиска работы.

Что ограничивает возможности на рынке труда (низкая квалификация, невос- требованная специальность, отсутствие связей, дети и т.д.)?

Связи при поиске работы, как специфика небольшого моногорода (самой ми- грантки, мужа, родственников и знакомых).

Влиял ли или влияет пол на возможности на рынке труда.

Предпринимательство.

Кто и что повлияли на принятие решения?

Примеры развития бизнеса.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ

Наличие знакомых, родственников.

Кто помог найти работу?

Кто помогал в адаптации?

С кем наиболее тесные связи сложились (местные, мигранты, земляки)?

НАРУШЕНИЕ ПРАВ

В процессе переезда, трудоустройства, приобретения жилья сталкивались Вы или нет с прямым или косвенным нарушением Ваших прав (общечеловеческих, мигрантских, женских и др.)?

Если да, то каких прав?

От каких организаций, чиновников или частных лиц это исходило?

Ваши действия в такой ситуации?

Как быстро Вам удалось получить российское гражданство?

Как Вы относитесь к новым нормам его получения?

СЕМЬЯ

Размер и состав семьи (домохозяйства, т.е. те, с кем вместе живут и ведут общее хозяйство).

Возраст детей.

Образование, возраст супруга.

Занятость членов семьи (подработки).

Бюджет семьи: источники доходов (заработная плата по основной работе, подработки, доходы от предпринимательства, пособия, пенсии, алименты, в том числе учесть помощь родственников/знакомых), вклад каждого члена семьи; примерный размер совокупного дохода в месяц; оценка материального положения; с чем связана такая оценка.

Характеристика жилья (удовлетворены ли жильем, если нет, то почему); характеристика материальной обеспеченности (дача, машина и пр.).

ПЛАНЫ НА БУДУЩЕЕ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Правительства Российской Федерации от 17 февраля 2007 года № 97
«Об установлении случаев осуществления трудовой деятельности иностранным гражданином или лицом без гражданства, временно пребывающими (проживающими) в Российской Федерации, вне пределов субъекта Российской Федерации, на территории которого им выдано разрешение на работу (разрешено временное проживание)»

В соответствии с пунктом 6 статьи 13 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» Правительство Российской Федерации постановляет:

1. Установить следующие случаи, в которых временно пребывающие в Российской Федерации иностранный гражданин или лицо без гражданства (далее – иностранный гражданин) вправе осуществлять трудовую деятельность вне пределов субъекта Российской Федерации, на территории которого им выдано разрешение на работу:

а) направление в служебную командировку. При этом общая продолжительность трудовой деятельности иностранного гражданина вне пределов указанного субъекта Российской Федерации не может превышать 10 календарных дней в течение периода действия разрешения на работу, выданного иностранному гражданину;

б) если постоянная работа осуществляется работником в пути или носит разъездной характер и это определено его трудовым договором. При этом общая продолжительность трудовой деятельности иностранного гражданина вне пределов указанного субъекта Российской Федерации не может превышать 60 календарных дней в течение периода действия разрешения на работу, выданного иностранному гражданину.

2. Установить следующие случаи, в которых временно проживающий в Российской Федерации иностранный гражданин вправе осуществлять трудовую деятельность вне пределов субъекта Российской Федерации, на территории которого ему разрешено временное проживание:

а) направление в служебную командировку. При этом общая продолжительность трудовой деятельности иностранного гражданина вне пределов указанного субъекта Российской Федерации не может превышать 40 календарных дней в течение 12 календарных месяцев;

б) если постоянная работа осуществляется работником в пути или носит разъездной характер и это определено его трудовым договором. При этом общая продолжительность трудовой деятельности иностранного гражданина вне пределов указанного субъекта Российской Федерации не может превышать 90 календарных дней в течение 12 календарных месяцев.

3. Списки профессий (должностей) и работ, при выполнении которых иностранный гражданин, временно пребывающий в Российской Федерации, в случаях, установленных пунктом 1 настоящего постановления, вправе осуществлять трудовую деятельность вне пределов субъекта Российской Федерации, на территории которого ему выдано разрешение на работу, и иностранный гражданин, временно проживающий в Российской Федерации, в случаях, установленных пунктом 2 настоящего постановления, вправе осуществлять трудовую деятельность вне пределов субъекта Российской Федерации, на территории которого ему разрешено проживание, устанавливаются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативному правовому регулированию занятости населения, по согласованию с федеральными органами исполнительной власти, осуществляющими функции по нормативному правовому регулированию в соответствующих сферах экономической деятельности, с учетом региональных особенностей рынка труда, потребности в привлечении иностранных работников и необходимости трудоустройства в приоритетном порядке граждан Российской Федерации.

4. Министерству здравоохранения и социального развития Российской Федерации давать разъяснения по применению настоящего постановления.

5. Настоящее постановление вступает в силу со дня его официального опубликования.

Председатель Правительства Российской Федерации М. Фрадков

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Правительства Российской Федерации от 15 января 2007 года № 9
«О порядке осуществления миграционного учёта
иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»

В соответствии с Федеральным законом «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» Правительство Российской Федерации постановляет:

1. Утвердить прилагаемые:

Правила осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации;

форму заявления иностранного гражданина или лица без гражданства о регистрации по месту жительства;

форму уведомления о прибытии иностранного гражданина или лица без гражданства в место пребывания.

2. Настоящее Постановление вступает в силу с даты его официального опубликования.

Председатель Правительства Российской Федерации М. Фрадков

ПРАВИЛА

ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МИГРАЦИОННОГО УЧЕТА ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

I. Общие положения

1. Настоящие Правила в соответствии с Федеральным законом «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон) устанавливают порядок осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации.

2. В настоящих Правилах понятие «иностраный гражданин»² включает в себя понятие «лицо без гражданства», за исключением случаев, предусмотренных настоящими Правилами.

II. Регистрация и снятие с регистрации иностранных граждан по месту жительства

3. Постоянно или временно проживающий в Российской Федерации иностранный гражданин, обладающий правом пользования жилым помещением, находящимся на территории Российской Федерации, для осуществления регистрации по месту жительства подает непосредственно в территориальный орган Федеральной миграционной службы в месте нахождения жилого помещения заявление иностранного гражданина или лица без гражданства о регистрации по месту жительства установленной формы (далее – заявление о регистрации).

4. В заявлении о регистрации иностранный гражданин должен указать следующие сведения:

а) фамилия, имя, отчество;

б) дата рождения;

в) гражданство (подданство);

г) вид и реквизиты (серия, номер, дата и место выдачи, срок действия) документа, удостоверяющего личность и признаваемого Российской Федерацией в этом качестве (далее – документ, удостоверяющий личность иностранного гражданина);

д) вид и реквизиты документа, подтверждающего право на проживание в Российской Федерации;

е) адрес, по которому иностранный гражданин просит его зарегистрировать;

ж) документы, подтверждающие право пользования жилым помещением в соответствии с законодательством Российской Федерации;

з) адрес регистрации по последнему месту жительства.

5. При наличии у иностранного гражданина 2 и более жилых помещений, находящихся на территории Российской Федерации, в заявлении о регистрации также указываются сведения об этих помещениях.

6. Заявление о регистрации заполняется на каждого иностранного гражданина, подлежащего регистрации по месту жительства.

Заявление о регистрации не достигшего 18-летнего возраста или недееспособного иностранного гражданина подается его родителем или иным законным представителем от его имени.

При подаче заявления о регистрации не достигшего 18-летнего возраста или недееспособного иностранного гражданина в заявлении о регистрации также указываются сведения о законном представителе (родителе, усыновителе, опекуне, попечителе) этого иностранного гражданина.

7. Бланк заявления о регистрации заполняется разборчиво от руки или с использованием технических средств на русском языке. При заполнении бланка не допускаются исправления, использование аббревиатур, сокращения слов и пропуск реквизитов.

8. Иностранец одновременно с заявлением о регистрации представляет:

а) документ, удостоверяющий личность иностранного гражданина;

б) вид на жительство или разрешение на временное проживание;

в) документы, подтверждающие право пользования жилым помещением в соответствии с законодательством Российской Федерации (договор, свидетельство о праве собственности либо иной документ), и их копии.

9. Лицо без гражданства одновременно с заявлением о регистрации представляет:

а) вид на жительство или разрешение на временное проживание;

б) документы, подтверждающие право пользования жилым помещением в соответствии с законодательством Российской Федерации (договор, свидетельство о праве собственности либо иной документ), и их копии.

10. Если не представлен какой-либо документ, предусмотренный пунктами 8 и 9 настоящих Правил, прием заявления о регистрации не производится до представления всех необходимых документов.

11. При приеме заявления о регистрации должностным лицом территориального органа Федеральной миграционной службы проверяется наличие всех прилагаемых к нему необходимых документов и правильность заполнения заявления о регистрации.

Документ, удостоверяющий личность иностранного гражданина, и оригиналы документов, подтверждающих право пользования жилым помещением в соответствии с законодательством Российской Федерации, подлежат возврату, а копия документа, подтверждающего право пользования жилым помещением, приобщается к заявлению о регистрации.

12. За регистрацию по месту жительства взимается государственная пошлина в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Квитанция об уплате государственной пошлины подается иностранным гражданином в территориальный орган Федеральной миграционной службы.

13. Должностное лицо территориального органа Федеральной миграционной службы, принявшее заявление о регистрации, в тот же день проставляет соответствующую отметку в виде на жительство или в разрешении на временное проживание, а также в заявлении о регистрации. Иностранному гражданину, разрешение на временное проживание которому оформлено в виде отметки ус-

тановленного образца в документе, удостоверяющем личность иностранного гражданина, отметка о регистрации по месту жительства проставляется в указанный документ.

14. Иностранному гражданину, имеющему статус беженца и оформившему разрешение на временное проживание, отметка о регистрации по месту жительства проставляется в удостоверение беженца.

15. Форма отметки о регистрации (снятии с регистрации) по месту жительства и порядок проставления таких отметок устанавливаются Министерством внутренних дел Российской Федерации.

16. Снятие иностранного гражданина с регистрации по месту жительства осуществляется в следующих случаях:

а) регистрация иностранного гражданина по иному месту жительства – на основании отрывной части заявления о регистрации;

б) прекращение у иностранного гражданина права пользования жилым помещением по основаниям, предусмотренным законодательством Российской Федерации, – на основании документа, подтверждающего прекращение у иностранного гражданина права пользования жилым помещением по основаниям, предусмотренным законодательством Российской Федерации;

в) прекращение у иностранного гражданина права на постоянное или временное проживание в Российской Федерации – на основании документа, подтверждающего аннулирование вида на жительство или разрешения на временное проживание либо истечение срока действия вида на жительство или разрешения на временное проживание;

г) вступление в законную силу решения суда о признании регистрации иностранного гражданина по месту жительства недействительной – на основании заверенной в установленном порядке копии вступившего в законную силу решения суда о признании регистрации иностранного гражданина по месту жительства недействительной;

д) смерть иностранного гражданина в Российской Федерации либо вступление в законную силу решения суда о признании иностранного гражданина, находившегося в Российской Федерации, безвестно отсутствующим или об объявлении его умершим – на основании свидетельства о смерти либо заверенной в установленном порядке копии вступившего в законную силу решения суда о признании иностранного гражданина, находившегося в Российской Федерации, безвестно отсутствующим или об объявлении его умершим.

17. При снятии иностранного гражданина с регистрации по месту жительства по основаниям, предусмотренным подпунктами «г» и «д» пункта 16 на-

стоящих Правил, соответствующие документы могут быть представлены заинтересованными физическими и юридическими лицами.

18. При регистрации иностранного гражданина по иному месту жительства территориальный орган Федеральной миграционной службы в месте нахождения иного жилого помещения указанного иностранного гражданина в течение 3 рабочих дней обязан направить отрывную часть заявления о регистрации по иному месту жительства в территориальный орган Федеральной миграционной службы в месте нахождения прежнего жилого помещения для фиксации необходимых сведений в учетных документах и снятия иностранного гражданина с регистрации по месту жительства.

19. Территориальный орган Федеральной миграционной службы не позднее рабочего дня, следующего за днем осуществления регистрации иностранного гражданина по месту жительства, фиксирует в своих учетных документах сведения о месте жительства иностранного гражданина.

Территориальный орган Федеральной миграционной службы, осуществивший регистрацию иностранного гражданина по месту жительства либо снятие иностранного гражданина с регистрации по месту жительства, вносит необходимую информацию в государственную информационную систему миграционного учета.

III. Постановка иностранных граждан на учет по месту пребывания и снятие их с учета

20. Иностранные граждане, временно пребывающие в Российской Федерации, а равно постоянно или временно проживающие в Российской Федерации, при нахождении в месте пребывания, не являющемся их местом жительства, обязаны встать на учет по месту пребывания, за исключением случаев, предусмотренных частью 6 статьи 20 Федерального закона.

Иностранные граждане, временно проживающие и временно пребывающие в Российской Федерации, по истечении 3 рабочих дней со дня прибытия в место пребывания подлежат учету по месту пребывания.

Иностранные граждане, постоянно проживающие в Российской Федерации, по истечении 7 рабочих дней со дня прибытия в место пребывания подлежат учету по месту пребывания.

21. Основанием для постановки на учет по месту пребывания иностранного гражданина является получение территориальным органом Федеральной миграционной службы уведомления установленной формы о прибытии иностран-

ного гражданина или лица без гражданства в место пребывания (далее – уведомление о прибытии).

22. Принимающей стороной в установленные Федеральным законом сроки уведомление о прибытии может представляться в территориальный орган Федеральной миграционной службы непосредственно либо направляться почтовым отправлением.

23. В уведомлении о прибытии принимающая сторона или иностранный гражданин должны указать следующие сведения:

а) о лице, подлежащем постановке на учет:

фамилия, имя, отчество;

гражданство (подданство);

дата и место рождения;

пол;

вид и реквизиты (серия, номер, дата выдачи, срок действия) документа, удостоверяющего личность иностранного гражданина;

вид и реквизиты документа, подтверждающего право на пребывание (проживание) в Российской Федерации;

цель въезда;

профессия;

дата въезда в Российскую Федерацию;

серия и номер миграционной карты;

заявленные сроки пребывания;

адрес места пребывания;

б) о физическом лице, выступающем в качестве принимающей стороны:

фамилия, имя, отчество;

вид и реквизиты (серия, номер, дата выдачи, срок действия) документа, удостоверяющего личность;

адрес места жительства.

24. В случае если принимающей стороной является организация, в уведомлении о прибытии помимо сведений, предусмотренных подпунктом «а» пункта 23 настоящих Правил, указываются следующие сведения:

а) фамилия, имя, отчество ответственного лица организации;

б) вид и реквизиты (серия, номер, дата выдачи, срок действия) документа, удостоверяющего личность ответственного лица организации;

в) адрес места жительства ответственного лица организации;

г) наименование организации;

д) фактический адрес организации;

е) идентификационный налоговый номер организации.

25. Принимающая сторона свое согласие на временное нахождение у нее иностранного гражданина выражает подписью на оборотной стороне уведомления о прибытии, а для организации, принимающей иностранного гражданина, такая подпись скрепляется печатью указанной организации.

26. Иностранец для заполнения бланка уведомления о прибытии предъявляет принимающей стороне документ, удостоверяющий личность иностранного гражданина, миграционную карту (для временно пребывающего в Российской Федерации иностранного гражданина) и (или) вид на жительство либо разрешение на временное проживание (для постоянно либо временно проживающего в Российской Федерации иностранного гражданина).

27. Принимающая сторона заполняет бланк уведомления о прибытии на каждого иностранного гражданина, подлежащего постановке на учет по месту пребывания в соответствии с настоящими Правилами.

Бланк уведомления о прибытии заполняется разборчиво от руки или с использованием технических средств на русском языке. При заполнении бланка не допускаются исправления, использование аббревиатур и сокращения слов.

В случае направления уведомления о прибытии почтовым отправлением бланк уведомления заполняется в 2 экземплярах, 1 из которых хранится в организации федеральной почтовой связи в течение 1 года.

28. Лицо, подающее уведомление о прибытии в территориальный орган Федеральной миграционной службы или в организацию федеральной почтовой связи, обязано предъявить документ, удостоверяющий его личность.

Принимающая сторона к уведомлению о прибытии, представляемому (направляемому) в территориальный орган Федеральной миграционной службы, прилагает копию документа, удостоверяющего личность иностранного гражданина, а в отношении временно пребывающего в Российской Федерации иностранного гражданина – и копию его миграционной карты.

29. При обращении временно проживающего либо временно пребывающего в Российской Федерации иностранного гражданина в соответствии с частью 3 статьи 22 Федерального закона непосредственно в территориальный орган Федеральной миграционной службы к уведомлению о прибытии прилагаются следующие документы:

- а) копия документа, удостоверяющего личность иностранного гражданина;
- б) документы, подтверждающие уважительные причины, препятствующие принимающей стороне самостоятельно направить уведомление о прибытии;
- в) копия документа, удостоверяющего личность гражданина Российской Федерации (иностранного гражданина или ответственного лица организации), выступающего в качестве принимающей стороны;

г) копия миграционной карты (для временно пребывающего в Российской Федерации иностранного гражданина).

30. При самостоятельном уведомлении территориального органа Федеральной миграционной службы в соответствии с частью 4 статьи 22 Федерального закона постоянно проживающим в Российской Федерации иностранным гражданином о своем прибытии в место пребывания непосредственно либо в установленном порядке почтовым отправлением к уведомлению о прибытии прилагаются следующие документы:

- а) копия документа, удостоверяющего личность иностранного гражданина;
- б) письменное согласие принимающей стороны;

в) копия документа, удостоверяющего личность гражданина Российской Федерации (иностранного гражданина или ответственного лица организации), выступающего в качестве принимающей стороны.

31. Порядок приема уведомления о прибытии, форма отметки о подтверждении выполнения принимающей стороной и иностранным гражданином действий, необходимых для его постановки на учет по месту пребывания (далее – отметка о приеме уведомления), и порядок ее проставления в отрывной части бланка уведомления о прибытии при непосредственном представлении в территориальный орган Федеральной миграционной службы устанавливается Министерством внутренних дел Российской Федерации, а при направлении в виде почтового отправления – Министерством информационных технологий и связи Российской Федерации по согласованию с Министерством внутренних дел Российской Федерации.

32. Постановка на учет по месту пребывания временно пребывающего в Российской Федерации иностранного гражданина осуществляется на срок, заявленный в уведомлении о прибытии, но не более чем на срок, установленный Федеральным законом «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

Постановка на учет постоянно или временно проживающего в Российской Федерации иностранного гражданина осуществляется на срок, заявленный в уведомлении о прибытии в место пребывания, но не более чем на срок действия вида на жительство или разрешения на временное проживание.

33. Территориальный орган Федеральной миграционной службы или организация федеральной почтовой связи, принявшие от принимающей стороны или иностранного гражданина уведомление о прибытии, проверяет правильность его заполнения и точность указанных в нем сведений, а также наличие прилагаемых документов и в тот же день проставляет отметку о приеме уведомления в бланк уведомления о прибытии, отрывная часть которого возвращается принимающей стороне либо иностранному гражданину.

34. Территориальный орган Федеральной миграционной службы в течение 3 рабочих дней со дня приема уведомления о прибытии либо получения его в виде почтового отправления фиксирует в своих учетных документах сведения о нахождении иностранного гражданина в месте пребывания и в установленном порядке вносит соответствующую информацию в государственную информационную систему миграционного учета.

35. Органы, уполномоченные на осуществление миграционного учета иностранных граждан в соответствии со статьей 13 Федерального закона, незамедлительно и на безвозмездной основе направляют сведения об иностранном гражданине, фиксируемые при осуществлении миграционного учета, в территориальные органы Федеральной миграционной службы.

36. При утрате или порче отрывной части бланка уведомления о прибытии иностранный гражданин непосредственно представляет в территориальный орган Федеральной миграционной службы, в котором он поставлен на учет, заявление об оформлении дубликата отрывной части бланка уведомления о прибытии с указанием обстоятельства утраты или порчи отрывной части бланка уведомления о прибытии. При этом соответствующему должностному лицу территориального органа Федеральной миграционной службы предъявляется документ, удостоверяющий личность иностранного гражданина.

Территориальный орган Федеральной миграционной службы проверяет наличие сведений об учете этого иностранного гражданина по указанному месту пребывания и при необходимости запрашивает копию экземпляра уведомления о прибытии, хранящегося в организации федеральной почтовой связи.

При подтверждении сведений о выполнении принимающей стороной и иностранным гражданином действий по постановке на учет заявителю в течение 3 рабочих дней оформляется дубликат отрывной части бланка уведомления о прибытии с проставленной отметкой о приеме уведомления о прибытии.

37. Снятие иностранного гражданина с учета по месту пребывания осуществляется в следующих случаях:

а) убытие иностранного гражданина из места пребывания – на основании отрывной части бланка уведомления о прибытии;

б) выезд иностранного гражданина из Российской Федерации – на основании отрывной части бланка уведомления о прибытии;

в) смерть иностранного гражданина в Российской Федерации либо вступление в законную силу решения суда о признании иностранного гражданина, находившегося в Российской Федерации, безвестно отсутствующим или об объявлении его умершим – на основании свидетельства о смерти либо заверенной в установленном порядке копии вступившего в законную силу решения су-

да о признании иностранного гражданина, находившегося в Российской Федерации, безвестно отсутствующим или об объявлении его умершим.

38. При снятии иностранного гражданина с учета по месту пребывания по основаниям, предусмотренным подпунктом «в» пункта 37 настоящих Правил, соответствующие документы могут быть представлены заинтересованными физическими и юридическими лицами.

39. При убытии иностранного гражданина из места пребывания принимающая сторона обязана не позднее чем через 2 дня со дня его убытия непосредственно представить либо направить почтовым отправлением в соответствующий территориальный орган Федеральной миграционной службы отрывную часть бланка уведомления о прибытии с указанием в этой части бланка даты убытия этого иностранного гражданина.

40. При получении документов, предусмотренных пунктом 37 настоящих Правил, должностное лицо территориального органа Федеральной миграционной службы в течение 3 рабочих дней фиксирует в своих учетных документах сведения о снятии иностранного гражданина с учета в месте пребывания и в установленном порядке вносит соответствующую информацию в государственную информационную систему миграционного учета.

Документы, предусмотренные подпунктом «в» пункта 37 настоящих Правил, подлежат возврату, а их копии приобщаются к соответствующим учетным документам.

41. При направлении отрывной части бланка уведомления о прибытии почтовым отправлением выполнение принимающей стороной действий для снятия с учета по месту пребывания иностранного гражданина подтверждается квитанцией об отправке почтового отправления.

42. При изменении сведений об иностранном гражданине, предусмотренных пунктами 1 – 9 и 12 части 1 статьи 9 Федерального закона, принимающая сторона или иностранный гражданин в случаях, предусмотренных частями 3 и 4 статьи 22 Федерального закона, обязаны в течение 3 рабочих дней сообщить об этом непосредственно в территориальный орган Федеральной миграционной службы, представив письменное заявление произвольной формы с приложением копий необходимых документов и нового заполненного бланка уведомления о прибытии.

Отрывная часть бланка уведомления о прибытии возвращается принимающей стороне либо иностранному гражданину с отметкой о приеме уведомления о прибытии.

Территориальный орган Федеральной миграционной службы не позднее рабочего дня, следующего за днем принятия заявления, фиксирует изменение сведений об иностранном гражданине в своих учетных документах и вносит

необходимую информацию в государственную информационную систему миграционного учета.

43. Принимающая сторона, указанная в части 9 статьи 22 Федерального закона, до уведомления органа миграционного учета о прибытии или об убытии иностранных граждан осуществляет фиксацию сведений об этих гражданах в своих учетных документах.

IV. Постановка на учет по месту пребывания и снятие с учета отдельных категорий иностранных граждан

44. По прибытии иностранного гражданина в гостиницу или в иную организацию, оказывающую гостиничные услуги, в санаторий, дом отдыха, пансионат, кемпинг, на туристскую базу, в детский оздоровительный лагерь, больницу либо в иное учреждение здравоохранения или социального обслуживания, а также в специальное учреждение для социальной реабилитации лиц без определенного места жительства администрация соответствующей организации или учреждения обязана в течение одних суток уведомить территориальный орган Федеральной миграционной службы о прибытии иностранного гражданина в место прибытия путем направления (передачи) уведомления о прибытии для его постановки на учет по месту пребывания.

45. При убытии иностранного гражданина из гостиницы или из иной организации, оказывающей гостиничные услуги, из санатория, дома отдыха, пансионата, кемпинга, с туристской базы, из детского оздоровительного лагеря, больницы либо из иного учреждения здравоохранения или социального обслуживания администрация соответствующей организации или учреждения обязана не позднее 12 часов дня, следующего за днем убытия указанного иностранного гражданина, уведомить об этом территориальный орган Федеральной миграционной службы путем направления (передачи) отрывной части бланка уведомления о прибытии для его снятия с учета по месту пребывания.

46. Иностранцы граждане, отбывающие уголовное или административное наказание, подлежат учету по месту пребывания в учреждении, исполняющем соответствующее наказание, на срок отбытия наказания в этом учреждении.

Принимающей стороной в данном случае является администрация учреждения, исполняющего наказание.

Администрация учреждения, исполняющего соответствующее наказание, в течение одних суток обязана уведомить территориальный орган Федеральной миграционной службы о прибытии иностранного гражданина в место пребывания путем направления (передачи) уведомления о прибытии.

47. Постоянно или временно проживающие иностранные граждане в Российской Федерации, которые временно покинули место проживания в связи с возникновением в этом месте чрезвычайной ситуации, проведением на территории, на которой они проживают, контртеррористической операции либо введением на указанной территории чрезвычайного или военного положения и которые находятся в месте временного размещения, подлежат постановке на учет по месту пребывания в соответствии с настоящими Правилами.

Принимающей стороной в данном случае является орган местного самоуправления, на территории которого находится место временного размещения для иностранных граждан или лиц без гражданства.

48. Иностранные граждане – моряки, являющиеся членами экипажей невоенных судов иностранных государств, в случае схода на берег и временного пребывания в течение более 24 часов на территории порта Российской Федерации, открытого для захода невоенных судов иностранных государств, или портового города Российской Федерации ставятся на учет по месту пребывания территориальным органом Федеральной миграционной службы на основании паспорта моряка (удостоверения личности моряка) при наличии в указанном документе отметки органа пограничного контроля о въезде этих иностранных граждан в Российскую Федерацию.

При вынужденной или иной остановке на территории Российской Федерации на срок более 3 дней вне основного состава своих экипажей иностранные граждане – моряки, являющиеся членами экипажей военных кораблей, прибывших в Российскую Федерацию с официальным или неофициальным визитом либо с деловым заходом, а также члены экипажей военных летательных аппаратов иностранных государств ставятся на учет по месту пребывания территориальным органом Федеральной миграционной службы на основании паспорта моряка (удостоверения личности моряка) либо иного документа, удостоверяющего личность иностранного гражданина, при наличии в указанном документе отметки органа пограничного контроля о въезде этих иностранных граждан в Российскую Федерацию.

Принимающей стороной в данном случае является администрация порта (аэропорта).

49. Снятие иностранных граждан, указанных в пунктах 46 – 48 настоящих Правил, а также иностранных граждан, находившихся в специальном учреждении для социальной реабилитации лиц без определенного места жительства, с учета по месту пребывания производится в порядке, предусмотренном настоящими Правилами.

ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УКАЗ
от 22 июня 2006 года № 637
О МЕРАХ ПО ОКАЗАНИЮ СОДЕЙСТВИЯ ДОБРОВОЛЬНОМУ
ПЕРЕСЕЛЕНИЮ
В РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ,
ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ

(в редакции Указов Президента РФ от 10.03.2009 № 262, от 30.06.2009 № 716, от 12.01.2010 № 60)

В целях создания дополнительных условий для обеспечения добровольного переселения в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом,

постановляю:

1. Утвердить прилагаемые:

а) Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом;

б) план мероприятий по реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом.

2. Образовать Межведомственную комиссию по реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом.

3. Назначить председателем Межведомственной комиссии по реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, помощника Президента Российской Федерации Иванова В. П.

4. Председателю Межведомственной комиссии по реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, в месячный срок представить в установленном порядке проект положения о Межведомственной комиссии и предложения по ее составу, предусмотрев включение в него представителей федеральных органов государственной власти, Администрации Президента Российской Федерации и Аппарата Правительства Российской Федерации.

5. Определить координатором Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, Федеральную миграционную службу, наделив ее полномочиями по координации деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также по нормативно-правовому регулированию в установленной сфере.

6. Правительству Российской Федерации:

а) в месячный срок:

утвердить типовую программу субъекта Российской Федерации по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом;

представить предложения по внесению изменений в акты Президента Российской Федерации в соответствии с настоящим Указом;

привести свои акты в соответствие с настоящим Указом;

б) при составлении проектов федерального бюджета на 2007 год и последующие годы предусматривать в установленном порядке средства на реализацию Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом.

7. Высшим должностным лицам (руководителям высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации до 1 января 2007 года представить в Правительство Российской Федерации на согласование проекты программ соответствующих субъектов Российской Федерации по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, за исключением высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) Красноярского, Приморского и Хабаровского краев, Амурской, Иркутской, Калининградской, Калужской, Липецкой, Новосибирской, Тамбовской, Тверской и Тюменской областей, которым проекты указанных программ представить до 1 сентября 2006 года.

8. Федеральным органам исполнительной власти:

а) обеспечить в пределах своей компетенции реализацию Государственной программы, утвержденной пунктом 1 настоящего Указа;

б) осуществлять взаимодействие с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации при выполнении плана, утвержденного пунктом 1 настоящего Указа.

9. Настоящий Указ вступает в силу со дня его официального опубликования.

Президент Российской Федерации
Москва, Кремль
22 июня 2006 года
№ 637

В. Путин

УТВЕРЖДЕНА
Указом Президента
Российской Федерации
от 22 июня 2006 г. № 637

Государственная программа
по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию
соотечественников, проживающих за рубежом

І. Введение

Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (далее – Государственная программа), направлена на объединение потенциала соотечественников, проживающих за рубежом, с потребностями развития российских регионов.

Государственной программой дополняется система мер по стимулированию рождаемости, снижению смертности и регулированию миграции, направленных на стабилизацию численности населения Российской Федерации.

Государственная программа будет способствовать социально-экономическому развитию России, что невозможно без кардинального изменения демографической ситуации, характеризующейся в настоящее время оттоком населения со стратегически важных для России территорий, сокращением общей численности населения, в том числе трудоспособного возраста.

Содействие добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (далее – соотечественники), является одним из направлений решения демографической проблемы. Воспитанные в традициях российской культуры, владеющие русским языком и не желающие терять связь с Россией, соотечественники в наибольшей мере способны к адап-

тации и скорейшему включению в систему позитивных социальных связей принимающего сообщества.

Миграционные потоки в настоящее время носят стихийный характер. В результате не учитываются реальные возможности социальной инфраструктуры, увеличиваются диспропорции региональных рынков труда, растет социальная напряженность, создаются условия для распространения среди населения Российской Федерации идей национальной нетерпимости и ксенофобии.

Выход из этой ситуации – в обеспечении осознанного выбора соотечественниками места своего будущего проживания и работы с учетом социально-экономического положения субъектов Российской Федерации.

Необходимость комплексного подхода к проблеме содействия добровольному переселению соотечественников в Российскую Федерацию и межотраслевой координации определяет целесообразность принятия Государственной программы.

Основными принципами оказания содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников являются:

финансовая обеспеченность мероприятий, предусмотренных Государственной программой, сочетание безвозвратного и возвратного принципов социально-экономической поддержки участников Государственной программы (переселенцев);

обеспечение баланса интересов переселенцев, Российской Федерации в целом и ее субъектов, органов местного самоуправления муниципальных образований, предпринимателей, принимающего сообщества;

приоритет мер социально-экономического стимулирования, определяющих рамочные условия и характер переселения, а также направленность этого процесса;

адресность социально-экономической поддержки и обусловленность ее предоставления соблюдением участниками Государственной программы условий участия в ней и социально-экономическими характеристиками территорий, предлагаемых для переселения;

взаимосвязь содержания мероприятий, предусмотренных Государственной программой, с задачами государственного, социально-экономического, культурного и национального развития Российской Федерации в целом и ее субъектов;

доступность информации об условиях участия в Государственной программе, правах и обязательствах участников Государственной программы, а также о социально-экономических характеристиках территорий, предлагаемых для переселения.

II. Цели и задачи Государственной программы

Цели Государственной программы – стимулирование и организация процесса добровольного переселения в Российскую Федерацию соотечественников на основе повышения привлекательности ее субъектов, а также компенсация естественной убыли населения в стране в целом и в ее отдельных регионах за счет привлечения переселенцев на постоянное место жительства в Российскую Федерацию.

Для достижения поставленных целей необходимо решение следующих задач:

создание политических, социально-экономических, организационных условий, включая обеспечение необходимого информационного сопровождения, способствующих переезду соотечественников в Российскую Федерацию на постоянное место жительства и скорейшему их включению в устойчивые позитивные социальные связи принимающего сообщества;

нормативно-правовое регулирование процесса добровольного переселения соотечественников в Российскую Федерацию в рамках Государственной программы в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами;

формирование механизма организации добровольного переселения в Российскую Федерацию соотечественников, включая осуществление мониторинга состава возможных участников Государственной программы, разработку на основе типовой программы субъекта Российской Федерации по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников проектов соответствующих программ субъектов Российской Федерации (далее – региональные программы переселения), оказание содействия добровольному переселению участников Государственной программы в соответствии с условиями участия в ней, организацию работы с переселенцами в субъектах Российской Федерации;

обеспечение действенного государственного и общественного контроля за процессом переселения, соблюдением прав переселенцев, выполнением ими взятых на себя обязательств и выполнением обязательств Российской Федерации.

III. Этапы реализации и финансирование Государственной программы

Государственная программа реализуется поэтапно в 2006-2012 годах согласно плану мероприятий по реализации Государственной программы по ока-

занию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом.

Первый этап (2006 год):

принятие нормативных правовых актов, необходимых для организации добровольного переселения соотечественников в Российскую Федерацию в рамках Государственной программы;

создание системы управления Государственной программой;

оценка субъектами Российской Федерации потребности в трудовых ресурсах, готовности имеющейся инфраструктуры к приему переселенцев, в том числе в части, касающейся предоставления базовых социальных услуг (образовательных, медицинских), а также жилья;

разработка и согласование в установленном порядке проектов региональных программ переселения и их утверждение;

разработка и осуществление мероприятий по информационной поддержке Государственной программы на территории Российской Федерации и за ее пределами;

постоянное осуществление мониторинга миграционного потенциала, анализ состава участников Государственной программы, мотивов участия, а также при необходимости – корректировка условий участия в Государственной программе.

Второй этап (2007 – 2008 годы):

добровольное переселение участников Государственной программы и членов их семей в Российскую Федерацию в рамках региональных программ переселения;

анализ результатов реализации региональных программ переселения;

определение проектов региональных программ переселения для дальнейшей реализации Государственной программы.

Третий этап (2009 – 2012 годы):

реализация региональных программ переселения и оценка их результативности, а также при необходимости – проведение дополнительных мероприятий;

определение проектов региональных программ переселения для дальнейшей реализации Государственной программы;

анализ результатов, полученных в ходе реализации Государственной программы.

Финансовое обеспечение мероприятий по реализации Государственной программы осуществляется за счет средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов, а также за счет финансового участия юридических и физических лиц.

Формирование бюджетных обязательств в целях реализации Государственной программы осуществляется на основе разграничения полномочий между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации, предусмотренного законодательством Российской Федерации.

IV. Участие в Государственной программе

Решение об участии в Государственной программе принимается соотечественником добровольно на основе осознанного выбора им места проживания и работы на территории Российской Федерации.

Соотечественнику, ставшему участником Государственной программы, выдается свидетельство установленного Правительством Российской Федерации образца.

Участник Государственной программы и члены его семьи, совместно переселяющиеся на постоянное место жительства в Российскую Федерацию, имеют право на получение государственных гарантий и социальной поддержки, в том числе:

на компенсацию за счет средств федерального бюджета расходов на проезд к будущему месту проживания;

на компенсацию за счет средств федерального бюджета расходов на уплату государственной пошлины за оформление документов, определяющих правовой статус переселенцев на территории Российской Федерации;

на получение за счет средств федерального бюджета единовременного пособия на обустройство («подъемных»);

на получение за счет средств федерального бюджета ежемесячного пособия при отсутствии дохода от трудовой, предпринимательской и иной не запрещенной законодательством Российской Федерации деятельности в период до приобретения гражданства Российской Федерации, но не более чем в течение шести месяцев. Размер пособия определяется с учетом прожиточного минимума, установленного в соответствующем субъекте Российской Федерации;

на получение компенсационного пакета участника Государственной программы (далее – компенсационный пакет), включающего в себя услуги государственных и муниципальных учреждений дошкольного воспитания, общего и профессионального образования, социального обслуживания, здравоохранения и услуги государственной службы занятости. Расходы на финансирование компенсационного пакета осуществляются за счет средств соответствующих бюджетов.

Размер государственных гарантий, порядок их предоставления, а также перечень мер социальной поддержки утверждаются Правительством Российской Федерации.

Предоставление иных государственных гарантий, социальная поддержка, трудоустройство участника Государственной программы, обеспечение его и членов его семьи необходимым жильем осуществляются в рамках региональных программ переселения.

Субъекты Российской Федерации вправе участвовать в субсидировании жилищных расходов участников Государственной программы и устанавливать иные гарантии и меры социальной поддержки для участников Государственной программы и членов их семей.

Участник Государственной программы имеет право выбирать территорию вселения в субъектах Российской Федерации, определенных в установленном порядке.

Территория вселения – часть территории субъекта Российской Федерации, куда целенаправленно привлекаются переселенцы в рамках реализации проектов переселения, предусмотренных соответствующей региональной программой переселения.

Проект переселения – система мер по преобразованию социально-экономической ситуации на территории вселения, формирующая в том числе потребность в рабочей силе.

Устанавливаются три категории территорий вселения, что обуславливает дифференциацию объемов предоставляемых участникам Государственной программы государственных гарантий и социальной поддержки.

К территориям вселения категории «А» относятся преимущественно стратегически важные для России приграничные территории, характеризующиеся сокращением численности населения. Переселенцам на территориях данной категории государственные гарантии и социальная поддержка, предусмотренные для участника Государственной программы и членов его семьи, предоставляются в полном объеме.

К территориям вселения категории «Б» относятся территории, где реализуются крупные инвестиционные проекты, требующие массового привлечения переселенцев в связи с отсутствием соответствующего предложения рабочей силы на территориальном рынке труда. Субъекты Российской Федерации, где находятся данные территории, характеризуются позитивной динамикой социально-экономического развития, превышающей среднероссийские показатели, и миграционной нагрузкой ниже среднероссийского уровня. Переселенцам на территориях данной категории предоставляются государственные гарантии и

социальная поддержка, предусмотренные для участника Государственной программы и членов его семьи, за исключением ежемесячного пособия, выплачиваемого при отсутствии дохода от трудовой, предпринимательской и иной не запрещенной законодательством Российской Федерации деятельности.

К территориям вселения категории «В» относятся территории с устойчивым социально-экономическим развитием, на которых в течение последних трех и более лет наблюдаются сокращение общей численности населения и (или) миграционный отток. Переселенцам на территориях данной категории предоставляются государственные гарантии и социальная поддержка, предусмотренные для участника Государственной программы и членов его семьи, за исключением ежемесячного пособия, выплачиваемого при отсутствии дохода от трудовой, предпринимательской и иной не запрещенной законодательством Российской Федерации деятельности, и «подъемных».

Участие в Государственной программе дает соотечественнику и членам его семьи, являющимся иностранными гражданами или лицами без гражданства, в приоритетном порядке право на получение разрешения на временное проживание, вида на жительство и на приобретение гражданства Российской Федерации.

По прибытии в субъект Российской Федерации, определенный участником Государственной программы в качестве своего постоянного места жительства, он и члены его семьи получают соответствующие документы, подтверждающие законность их пребывания на территории Российской Федерации.

Участник Государственной программы и (или) член его семьи, выехавшие на постоянное место жительства из субъекта Российской Федерации, определенного свидетельством участника Государственной программы, ранее чем через два года, возмещают в установленном порядке затраты, связанные с выплатой им «подъемных».

V. Организация работы с соотечественниками за рубежом

В целях создания благоприятных условий для осознанной реализации соотечественниками права на добровольное переселение в Российскую Федерацию в рамках и на условиях Государственной программы им должна быть предоставлена полная информация:

о содержании Государственной программы, условиях переселения, необходимых административных процедурах, правах и обязательствах участников Государственной программы;

о мерах социальной поддержки и размерах предоставляемых государственных гарантий;

о территориях вселения, где для потенциальных участников Государственной программы в соответствии с их специальностью и квалификацией имеются наиболее благоприятные возможности приложения их труда;

о возможностях переобучения и повышения квалификации, а также жилищного обустройства.

Для этого формируются официальный информационный пакет о Государственной программе, комплекты информационных материалов о проектах переселения, разработанных субъектами Российской Федерации, и информационный ресурс, включающий в себя информацию о возможностях приема, трудоустройства и условиях проживания на конкретных территориях вселения.

Распространение официального информационного пакета, доведение до сведения заинтересованных потенциальных участников Государственной программы информации о проектах переселения, разработанных субъектами Российской Федерации, и данных из информационного ресурса возлагаются на представительства ФМС России за рубежом, а также на представителей Росзарубежцентра. В случае отсутствия представительств ФМС России в иностранных государствах до их формирования осуществление указанных функций возлагается на сотрудников консульских учреждений Российской Федерации и представителей Росзарубежцентра.

Сведения о Государственной программе обнародуются в российских и зарубежных печатных и электронных средствах массовой информации, направляются для распространения в российские центры науки и культуры в иностранных государствах, а также предоставляются в распоряжение заинтересованных российских неправительственных организаций и общественных объединений соотечественников за рубежом.

Учет желающих добровольно выехать в Российскую Федерацию для постоянного проживания, углубленное разъяснение содержания Государственной программы и предоставляемых в ее рамках возможностей, содействие соотечественникам в выборе оптимального варианта переселения, подготовка их регистрации в качестве участников Государственной программы и проведение иных мероприятий, обеспечивающих их переселение в Российскую Федерацию, осуществляются представительствами ФМС России в государствах – участниках Содружества Независимых Государств, а также в других государствах.

До формирования сети представительств ФМС России за рубежом осуществление указанных функций возлагается на временные группы, создаваемые из специалистов ФМС России, МИДа России и других заинтересованных феде-

ральных органов исполнительной власти, а также на работников консульских учреждений Российской Федерации.

Решение соотечественника об участии в Государственной программе оформляется путем подачи им личного заявления. Одновременно участник Государственной программы и члены его семьи, совместно переселяющиеся на постоянное место жительства в Российскую Федерацию, в установленном порядке представляют необходимые сведения. Форма заявления, перечень сведений, которые должны содержаться в нем, и прилагаемых к заявлению документов утверждаются Правительством Российской Федерации.

Соответствие установленным Государственной программой условиям является основанием для проведения дальнейшей работы по определению конкретного варианта переселения на основе выбора соотечественника и существующих в регионах Российской Федерации возможностей приема переселенцев.

Выбрав определенный вариант переселения и осуществив необходимые процедуры, соотечественник приобретает статус участника Государственной программы, что закрепляет его права и обязательства, права и обязательства членов его семьи, а также обязательства субъектов Российской Федерации, в частности по предоставлению государственных гарантий и социальной поддержки, соответствующих избранной категории территории вселения.

Участнику Государственной программы и членам его семьи оформляются необходимые документы для переезда в Российскую Федерацию, в том числе свидетельство участника Государственной программы установленного образца, а также при необходимости – виза.

VI. Организация переезда участников Государственной программы в Российскую Федерацию

В целях содействия добровольному переселению соотечественников Российская Федерация компенсирует расходы, которые несут участники Государственной программы и члены их семей на переезд и провоз личного имущества от места их проживания на территории иностранного государства до территории вселения в субъекте Российской Федерации.

Компенсация расходов осуществляется при условии использования участниками Государственной программы регулярных маршрутов грузовых и пассажирских перевозок.

Расходы участников Государственной программы и членов их семей на проезд компенсируются из расчета проезда:

железнодорожным транспортом – в купейном вагоне поезда любой категории;

воздушным транспортом – по тарифу экономического класса;

внутренним водным транспортом – по тарифу места II категории;

морским транспортом – по тарифу каюты III категории.

Кроме того, семье до трех человек включительно полностью компенсируются расходы на перевозку личного имущества 5-тонным контейнером, а семье свыше трех человек – двумя 5-тонными контейнерами.

Расходы участника Государственной программы и членов его семьи на проезд при условии использования регулярных автобусных маршрутов, на перевозку автомобильным транспортом личного имущества от узловых станций до места назначения, а также на уплату таможенных платежей и налогов, на вывоз личного имущества из страны выезда включаются в расходы, подлежащие компенсации.

Выплата компенсации производится за счет средств федерального бюджета территориальными органами ФМС России по фактическим, документально подтвержденным расходам после регистрации в установленном порядке переселенца и членов его семьи.

Порядок выплаты компенсации определяется Правительством Российской Федерации.

Участник Государственной программы имеет право ввезти в Российскую Федерацию в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, личное имущество без ограничения общей стоимости и вне зависимости от веса товаров, включая транспортные средства, бывшие в употреблении и приобретенные до въезда на территорию Российской Федерации, при переселении в рамках Государственной программы.

Документом, подтверждающим право переселенца на провоз личного имущества через государственную границу Российской Федерации на указанных условиях, является свидетельство участника Государственной программы. Его копия приобщается к товарно-транспортной документации на груз и предъявляется перевозчиком при ввозе груза на территорию Российской Федерации.

VII. Организация работы на территориях вселения

Участники Государственной программы осуществляют выбор территории вселения с учетом наличия места работы, предоставляемых в рамках Государственной программы гарантий, социальной поддержки, а также условий проживания.

Субъектами Российской Федерации разрабатываются региональные программы переселения, в рамках которых организуется работа с участниками Государственной программы и членами их семей на территориях вселения.

Региональная программа переселения – комплекс социально-экономических, организационно-административных и иных мер, осуществляемых в субъекте Российской Федерации на основе сочетания национальных интересов Российской Федерации и потребностей территорий вселения, определяемых проектами переселения, при государственной поддержке, предоставляемой в рамках Государственной программы.

Инициатором разработки проекта региональной программы переселения выступает Правительство Российской Федерации или высшее должностное лицо (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта Российской Федерации. Проект региональной программы переселения формируется субъектом Российской Федерации с учетом предложений федеральных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления муниципальных образований, работодателей, общественных объединений. Формирование проекта региональной программы переселения осуществляется на основе оценки потребности экономики субъекта Российской Федерации в переселенцах, его возможности по их приему и обустройству, а также с учетом возможных рисков реализации программы.

В проекте региональной программы переселения указываются:

уполномоченный орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации, ответственный за ее реализацию;

характер взаимодействия уполномоченного органа и иных органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации, участвующих в реализации программы, с территориальными органами федеральных органов исполнительной власти;

методы и формы контроля за реализацией программы;

ответственность за реализацию программы;

формы и источники финансирования программы;

возможные преференции экономического характера, которые могут предоставляться субъектом Российской Федерации работодателям, принимающим участие в проекте переселения и содействующим жилищному обустройству переселенцев;

перечень обязательств субъекта Российской Федерации и работодателей, участвующих в реализации программы, по трудоустройству участников Государственной программы и жилищному обустройству их семей.

В проекте переселения отражаются реализуемые и планируемые меры по стимулированию экономической активности в субъекте Российской Федерации – формирование специализированных институтов и программ развития предпринимательства, механизмов частно-государственного партнерства.

Значимым условием включения проекта переселения в региональную программу переселения является реализация субъектом Российской Федерации собственных программ по жилью, развитию малого предпринимательства, самозанятости.

При обосновании потребности в переселенцах субъектом Российской Федерации указывается потребность в рабочей силе, которая не может быть удовлетворена за счет собственных трудовых ресурсов и трудовых ресурсов сопредельных субъектов Российской Федерации.

При оценке перспектив развития жилищной сферы следует исходить из действующих в настоящее время механизмов оказания государственной поддержки в решении жилищных проблем. Механизм предоставления ипотечных кредитов участникам Государственной программы основывается на существующих стандартных условиях выдачи ипотечных жилищных кредитов. При выдаче ипотечных жилищных кредитов возможно софинансирование заинтересованными сторонами первоначального взноса по ипотечному кредиту.

Готовность субъекта Российской Федерации к приему переселенцев подтверждается реализацией ранее принятых на федеральном и региональном уровне программ оказания переселенцам содействия в обустройстве, в том числе жилищном, в трудоустройстве, переобучении и при необходимости в переквалификации, а также наличием механизмов по предоставлению информационных, консультационных, в том числе юридических (юридическая помощь по вопросам заключения трудового контракта, оформления документов на медицинское обслуживание, социальное обеспечение) и других услуг.

В проекте региональной программы переселения субъект Российской Федерации при необходимости указывает на целесообразность формирования центров временного размещения, определяет порядок их создания (включая возможность использования существующих помещений, их переоборудования) и финансирования.

Разработанный субъектом Российской Федерации проект региональной программы переселения подлежит согласованию с Правительством Российской Федерации.

Решение о согласовании разработанного субъектом Российской Федерации проекта региональной программы переселения принимается Правительством Российской Федерации исходя из возможностей соответствующего субъекта

Российской Федерации принять планируемое количество переселенцев, наличия в проекте программы проектов переселения и готовности субъекта Российской Федерации к приему переселенцев.

Проект региональной программы переселения может быть согласован Правительством Российской Федерации при условии, что его реализация не приведет к нарушению трудовых и иных законных прав граждан, проживающих в соответствующем субъекте Российской Федерации.

Одновременно с принятием решения о согласовании проекта региональной программы переселения Правительством Российской Федерации производится распределение включенных в нее проектов переселения по категориям территорий вселения.

После принятия Правительством Российской Федерации решения о согласовании проекта региональной программы переселения она утверждается органами государственной власти субъекта Российской Федерации в установленном порядке.

Расходы на реализацию региональной программы переселения включаются в проект федерального бюджета в пределах общего объема средств, выделяемых на реализацию Государственной программы.

Реализация региональной программы переселения осуществляется органами исполнительной власти субъекта Российской Федерации.

В соответствии с включенными в региональную программу переселения мероприятиями уполномоченный орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации организует работу по приему, размещению, обустройству участников Государственной программы и членов их семей, содействию адаптации и интеграции переселенцев, а также по мониторингу реализации региональной программы переселения, предупреждению и снижению рисков реализации проектов переселения.

VIII. Управление Государственной программой и контроль за ходом ее реализации

Организация управления Государственной программой и контроль за ходом ее реализации осуществляются Межведомственной комиссией по реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (далее – Межведомственная комиссия).

Решения Межведомственной комиссии обязательны для всех исполнителей Государственной программы в пределах их компетенции.

Координатором Государственной программы является ФМС России.

В целях обеспечения эффективной реализации Государственной программы, включая оперативную координацию действий федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, участвующих в осуществлении Государственной программы, координатор Государственной программы наделяется в установленном порядке соответствующими полномочиями.

ФМС России как координатор Государственной программы несет ответственность за выполнение обязательств Российской Федерации, предусмотренных Государственной программой, осуществляет контроль за целевым расходованием средств федерального бюджета, направляемых на ее реализацию, вносит в Межведомственную комиссию предложения по уточнению программных мероприятий и корректировке показателей и индикаторов Государственной программы с учетом складывающейся социально-экономической ситуации и хода реализации Государственной программы.

Исполнителями Государственной программы по вопросам, отнесенным к их компетенции, являются федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

В целях информационно-аналитического обеспечения управления Государственной программой формируется единый централизованный информационный ресурс (банк данных), в котором отражается информация о каждом участнике Государственной программы и членах его семьи на каждой из стадий переселения (подача заявления, пересечение государственной границы Российской Федерации, прибытие на территорию вселения, трудоустройство, получение разрешения на временное проживание, вида на жительство, приобретение гражданства Российской Федерации), а также о предоставленных им государственных гарантиях и социальной поддержке.

Координатор Государственной программы с участием заинтересованных федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и иных органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации ежегодно подготавливает доклад о ходе реализации Государственной программы в истекшем году.

Высшее должностное лицо (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта Российской Федерации не реже одного раза в год отчитывается о ходе реализации региональной программы в субъекте Российской Федерации на заседании Межведомственной комиссии и по рекомендации Межведомственной комиссии – на заседании Правительства Россий-

ской Федерации, а также может делать доклад по данному вопросу на заседании Государственного совета Российской Федерации.

Контроль за реализацией Государственной программы осуществляется Межведомственной комиссией и координатором Государственной программы.

Целевое расходование средств федерального бюджета на реализацию Государственной программы обеспечивается путем осуществления государственного финансового контроля в рамках законодательства Российской Федерации, а также проведения независимых аудиторских проверок и осуществления общественного контроля.

Контроль за реализацией региональных программ переселения осуществляется высшими должностными лицами (руководителями высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и уполномоченными органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РАСПОРЯЖЕНИЕ

от 8 мая 2009 года № 636-р

МОСКВА

1. Согласовать проект программы Курганской области по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом.

2. Определить, что территории вселения в рамках реализации проектов переселения «Звериноголовский район», «Куртамышский район», «Макушинский район», «Петуховский район», «Половинский район», «Притобольный район» и «Целинный район», включенных в программу, указанную в пункте 1 настоящего распоряжения, относятся к территориям вселения категории «А», установленной Государственной программой по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом».

Председатель Правительства Российской Федерации

В. Путин

ТЕСТ НА САМОПРОВЕРКУ
по материалам учебного пособия

1. Россия является:

- 1.1. страной происхождения мигрантов
- 1.2. страной транзита мигрантов
- 1.3. страной приёма мигрантов
- 1.4. страной приёма и происхождения мигрантов
- 1.5. страной происхождения и транзита мигрантов
- 1.6. страной приёма, транзита и происхождения мигрантов

2. Какой век был назван «эрой миграции»?

- 2.1. XVIII век
- 2.2. XIX век
- 2.3. XX век
- 2.4. XXI век

3. Современный вектор миграционного потока направлен:

- 3.1. от менее развитых стран к более развитым
- 3.2. от более развитых к менее развитым
- 3.3. потоки мигрантов примерно равны в обоих направлениях

4. Гастарбайтер – это:

- 4.1. наёмный рабочий
- 4.2. штрейкбрехер
- 4.3. трудовой мигрант
- 4.4. мигрант из села в город

5. Мигрантофобия – это:

- 5.1. нелюбовь к мигрантам
- 5.2. страх перед мигрантами
- 5.3. чувство особого расположения к приезжим
- 5.4. призыв против въезда мигрантов в страну

6. Отметьте все параметры миграции как социального явления (как их выделяют С. К. Бондырева и Д. В. Колесов):

- 6.1. фактор стабильности
- 6.2. фактор мобильности

- 6.3. фактор присоединения
- 6.4. фактор потребностей
- 6.5. фактор интегративности
- 6.6. фактор аккультурации

7. По прогнозам Международной организации по миграции, к 2030 г. показатель миграционной активности населения в мире составит:

- 7.1. около 100 млн чел.
- 7.2. около 300 млн чел.
- 7.3. около 500 млн чел.

8. Когда в России была сформирована Федеральная миграционная служба?

- 8.1. в 1989 г.
- 8.2. в 1995 г.
- 8.3. в 1992 г.

9. Как расшифровывается аббревиатура ТМС?

- 9.1. территориальное отделение миграционной службы
- 9.2. территориальное отделение медицинской службы
- 9.3. теория мировых систем

10. Наибольшее количество мигрантов проживает:

- 10.1. в Германии
- 10.2. во Франции
- 10.3. в России
- 10.4. в США
- 10.5. в Европе в целом
- 10.6. в Израиле

11. Россия по количеству принятых мигрантов в настоящее время вышла:

- 11.1. на второе место в мире
- 11.2. на третье место
- 11.3. не входит в тройку стран

12. Какой поток мигрантов был самым значительным на территории России в 1990-е годы?

- 12.1. из России в страны дальнего зарубежья
- 12.2. в Россию из стран ближнего зарубежья
- 12.3. в Россию из стран дальнего зарубежья

12.4. из России в страны ближнего зарубежья

13. И. Г. Зайнышев выделяет два основных вида социальной работы с мигрантами:

- 13.1. практическая работа
- 13.2. методическая работа
- 13.3. организационная работа
- 13.4. социально-экономическая работа
- 13.5. социально-трудовая работа

14. В каком году дети-мигранты впервые получили особый социальный статус и были включены в группу детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, в соответствии с Федеральным законом «О гарантиях прав ребёнка»?

- 14.1. в 1995 г.
- 14.2. в 1998 г.
- 14.3. в 2001 г.
- 14.4. в 2005 г.

15. Могут или нет переселенцы, в соответствии с современным законодательством РФ, быть клиентами социальных служб именно как мигранты?

- 15.1. да, могут
- 15.2. нет, не могут

Правильные ответы на вопросы теста

- 1. 1.6.
- 2. 2.3.
- 3. 3.1.
- 4. 4.3.
- 5. 5.2.
- 6. 6.1., 6.2., 6.4.
- 7. 7.2.
- 8. 8.3.
- 9. 9.1.
- 10. 10.4.
- 11. 11.1.
- 12. 12.2.
- 13. 13.1., 13.3.
- 14. 14.2.
- 15. 15.2.

Учебное издание

Бритвина Ирина Борисовна

Мигранты как объект социальной работы

Учебное пособие

Ответственный редактор А.М. Бритвин
Редактор Н.А. Леготина

Подписано к печати	Формат 60x84 1/16	Бумага тип. № 1
Печать трафаретная	Усл. печ. л. 15,5	Уч.-изд. л.15,5
Заказ	Тираж	Цена свободная

Редакционно-издательский центр КГУ.
640669, г. Курган, ул. Гоголя, 25.
Курганский государственный университет.